

Российский государственный гуманитарный университет

Кондратьева Елена Николаевна

**ГРАММАТИКА ПРЕДИКАТИВА В РАННЕНОВОКОРЕЙСКОМ
ЯЗЫКЕ: ОТ СРЕДНЕКОРЕЙСКОГО К НОВОКОРЕЙСКОМУ**

Специальность:

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
д.филол.наук,
чл.-корр. РАН,
профессор
А.В.Дыбо

Москва – 2005

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. История корейского языка: источники и периодизация.....	11
1.1. Источники.....	11
1.2. Периодизации истории корейского языка.....	20
Глава 2. Теоретические предпосылки исследования исторической грамматики корейского языка. Предикативы.....	31
2.1. Состояние вопроса.....	31
2.2. Общие сведения о предикативах в среднекорейском и ранненовокорейском языке.....	36
2.2.1. Общие сведения.....	36
2.2.2. Морфонология.....	38
Глава 3. Аффиксы.....	45
3.1. Аффиксы вежливости.....	45
3.2. Время и аспект.....	50
Глава 4. Окончания.....	63
4.1. Окончания финитных форм предикатива.....	63
4.2. Окончания нефинитных форм (деепричастий).....	80
4.3. Окончания атрибутивных форм (причастий).....	110
4.4. Окончания отглагольного имени действия.....	127
Глава 5. Аналитические конструкции.....	133
5.1. Аспект.....	133
5.2. Модальность.....	136
5.3. Выражение залоговых значений.....	142
5.4. Отрицание.....	156
Заключение.....	156
Библиография.....	168
Приложение 1. Список сокращений.....	174
Приложение 2. Текст романа XVIII в. «Ссянъчхон кыйбонъ».....	175

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена исследованию грамматических категорий предикатива в среднекорейском и ранненовокорейском языке и лингвистическому описанию языка литературных памятников XV в. и XVIII в.

Актуальность темы и новизна исследования состоит в следующем:

1. Лингвистическое изучение языка одного памятника – явление относительно редкое не только в отечественной, но и в мировой корееистике. Между тем, описание языка отдельного памятника – исследование, имеющее большое значение для лингвистов, изучающих язык в историческом аспекте. Только такое описание позволяет построить систематическую историю изменения языка. У литературного памятника, как правило, один автор, поэтому мы при рассмотрении языка отдельного памятника будем иметь дело с единым идиомом, единой системой. Данные, полученные при таком анализе, представляют собой единую законченную систему - грамматическое описание языка в определенный исторический момент. А это, в свою очередь, позволяет нам описать язык в отдельную историческую эпоху, помогает зафиксировать изменения в языке, наметить общие тенденции изменения и развития языка, что необходимо для установления точной периодизации языка. Таким образом, данная работа, посвященная исследованию категорий предикатива на материале памятников XV и XVII вв., выступает как один из этапов на пути более полного описания средневекового корейского языка.

2. XVIII в. в истории языка наименее изученный период. Работ, посвященных грамматике новокорейского языка, особенно XVIII в., почти нет. Между тем, именно в это время происходил переход от среднекорейского языка к современному через краткий период новокорейского.

3. Язык произведений жанра простонародной литературы *кодэ сосоль* (букв. «старая повесть»), к которому принадлежит и описанный роман XVIII в., пока остается за пределами внимания современных лингвистов.

4. В данной работе предпринято историческое исследование самого сложного раздела корейской грамматики – предикативов.

5. Чрезвычайно сложная и разветвленная категориальная система современного корейского глагола представляет значительный типологический интерес.

6. С другой стороны, развивающаяся сравнительно-историческая грамматика алтайских языков требует подробных и фундированных исследований исторической морфологии отдельных языков алтайской семьи.

Объект и предмет исследования.

Объектом настоящего исследования является, прежде всего, текст литературного памятника XVIII в. «*Ссяньчхон кыйбонъ*» («Удивительное соединение двух браслетов»), а также, в качестве сопоставительного материала, текст памятника XV в. «*Рёнъ пи ѓтхѓн ка*» («Ода о драконе, летящем к небу»), а предметом – изучение грамматических категорий предикатива этих двух памятников и их систематическое описание.

Опираясь на опыт корейских и западных лингвистов, занимавшихся историей корейского языка, при подборе источников мы намеренно исключили из сферы исследования большой круг памятников этой эпохи, а сосредоточили свое внимание на двух памятниках, поскольку в исторической корееанистике обойден вниманием такой жанр, как описание языка отдельного памятника письменности.

Цель исследования.

Цель данной работы – проследить путь развития среднекорейского языка, теоретически осмыслить богатейший фактический материал, почерпнутый из художественной литературы, и систематически его описать, раскрыть механизм изменений в среднекорейском языке с учетом исторической и социальной обстановки в Корее того времени. В нашем исследовании мы старались не только констатировать те или иные изменения за триста лет истории корейского языка, но и выявить причины, их породившие.

Вполне понятно, что все категории предикатива во всей полноте и всей сложности проблематики не могут быть рассмотрены в рамках одной работы. Поэтому мы ограничили свое исследование решением только нескольких задач:

1. систематическое описание представленных в памятниках категорий предикатива, процесса их изменения и становления и причин, вызвавших эти изменения;
2. перечисление грамматических форм, присущих каждой категории;
3. анализ их значений и употребления;
4. выявление общего характера развития грамматического строя среднекорейского и ранненовокорейского языка.

Для выявления своеобразия грамматического строя языка ранненовокорейского памятника в работе последовательно проводится сопоставление полученных данных с более ранним памятником XV в. и с нормами современного литературного языка.

Мы стремились к максимальной строгости формулировок, к системному изучению грамматических категорий и всестороннему представлению грамматического строя среднекорейского и ранненовокорейского языка.

Информационная база исследования.

В качестве первичных источников были использованы:

1. издание корейского текста «Оды о драконе, летящем в небе» - «*Рёнъ пи отхён ка*», воспроизведенное офсетным способом из «Избранных материалов по корейскому языкознанию», Сеул, 1975 г., в которых в основу положен текст издания 1937-1938 гг., с небольшими исправлениями тональных отметок по изданиям Оды до Имджинской войны. В первой главе мы приводим сведения об Оде и ее изданиях из приложения к грамматике А.А. Холодовича, составленного Л.Р.Концевичем¹.

2. В качестве источника данных языка XVIII в. было выбрано фототипическое издание первого тома романа «*Ссяньчхон кыйбонъ*» («Удивительное соединение двух браслетов») 1961 г., рукопись которого хранится в Отделе рукописей Санкт-Петербургского отделения Института Востоковедения РАН.

В качестве вторичных источников была привлечена грамматика среднекорейского языка XV в. А.А. Холодовича, а также другая литература о формировании среднекорейского языка, обзор которой, приводимый ниже, позволяет выяснить состояние изученности темы и определить задачи исследования. В уяснении примеров, взятых из весьма трудного для прочтения и понимания произведения XVIII в., большую помощь оказал его комментированный перевод на русский язык А.Ф. Троцевич и М.И. Никитиной. Тем не менее, избранный памятник XVIII в. пришлось расписывать и частично переводить заново, так как интерпретация текста в лингвистической работе вместо передачи художественных достоинств оригинала должна быть направлена на сохранение грамматической структуры предложения. Поэтому в работе к каждому приведенному примеру дается подстрочный пословный перевод с указанием грамматических показателей, и иногда в скобках указан дословный перевод предложения. Добавленные в переводах слова поставлены в квадратные скобки.

Степень разработанности предмета исследования.

Историческая грамматика корейского языка к настоящему времени известна фрагментарно. Количество работ, посвященных описанию грамматической категории предикатива среднекорейского и ранненовокорейского языка, невелико, гораздо больше работ посвящено классическому среднекорейскому языку. Все имеющиеся работы по истории корейского языка для большего удобства можно подразделить на 3 группы:

1. исследования, посвященные отдельным грамматическим вопросам;
2. труды общего характера;
3. грамматические описания языка отдельных памятников.

---

¹ *Холодович А.А.* Материалы по грамматике корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Фонетика. М.: Наука, 1986. С. 23.

Работ, относящихся к первой группе, больше всего. Внимание исследователей здесь в первую очередь привлекали вопросы, связанные с системой предикатива. К их числу принадлежат статьи Ха Чхиджина «Историческое исследование видо-временных категорий в корейском языке»², Пак Тхэгвона «О вопросительных формах «Переведенного *Ногольтэ*»»³, А.Т. Васильева «Выражение общего и частного вопроса в старокорейском языке»⁴, монография Хван Буёна «Исследование категории вежливости в корейском языке XV в.»⁵ и некоторые другие. Нельзя не упомянуть также работу другого южнокорейского автора, посвященную описанию временных показателей предикатива. Это «История развития корейского языка» Хо Уна⁶.

Кроме того, крайне редки работы, применяющие к истории корейского языка современные теоретические подходы. Нам известны всего несколько работ, посвященных морфологии корейского языка этого периода. Это работы описательного плана, авторы которых не ставили перед собой каких-либо теоретических задач. Такова, например, «Грамматика литературного средневекового корейского языка» Ко Ёнгына⁷. Среди общей массы работ подобного рода хотелось бы отметить "Историческое исследование грамматической системы корейского языка" Ли Сониль⁸.

Наряду с исследованием грамматических вопросов имеется сравнительно небольшое количество работ, посвященных другим общим проблемам. Наиболее ценным из них являются труды корейского филолога Ким Ёнхвана «Исследование по истории развития корейского национального языка»⁹, Ю Чхандона «Исследование по истории корейского языка периода правления династии Ли»¹⁰, Ли Суннёна «Грамматика средневекового корейского языка»¹¹ и др., в основу которых положен анализ нескольких десятков произведений.

---

² Ха Чхиджин. Чосён ситхэ-е тэхан йёксажжёк кочхал (Ха Чхиджин. Историческое исследование видо-временной категории в корейском языке). – Чосён йёнгу-есёый мйёт качжи мундже. Пхёнъянь, 1964.

³ Пак Тхэгвон. Пёнйёк ногёлтэ-ый мурымпоёб-е тэхайё (Пак Тхэгвон. О вопросительных формах «Переведенного *Ногольтэ*»). – Хангыл. Сёул, 1981, пхечжи 455-482.

⁴ Васильев А.Г. Выражение общего и частного вопроса в старокорейском языке/Востоковедение, вып. 24, №8, ЛГУ, Л., 1981, с. 35-39.

⁵ Хван Буйёнъ. Сибо сеги чосён чончхинъ пёмчжу-ый йёнгу (Хван Буён. Исследование категории вежливости в корейском языке XV в.). Квахагвён чхулпханса, Пхёнъянь, 1959.

⁶ Хо Унь. Куго ттэмэкимпоп-ый пйончхонса (Хо Ун. Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сеул, 1987.

⁷ Ко Ёёнгына. Пхёджун чунъсе кугё мунпёмон. (Ко Ёнгын. Грамматика литературного средневекового корейского языка). Сеул, 1997.

⁸ Ли Сониль. Мунпоп чхеге саджок йонгу. (Ли Сониль. Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сеул, 1973.

⁹ Ким Ёнхванъ. Чосён минчжогё палччён йёкса йёнгу (Ким Ёнхван. Исследование по истории развития корейского национального языка). Пхёнъянь, 1980.

¹⁰ Ю Чхандон. Ичжо кугёса (Ю Чхандон. Исследование по истории корейского языка периода правления династии Ли). Ибан чхулпханса, Сёул, 1980.

¹¹ Ли Суннёна. Чунъсеё кугё мунпёп (Ли Суннёна. Грамматика средневекового корейского языка). Ёйрю мунхваса, Сёул, 1961.

Необходимо отметить, что труды корейских ученых по языку XV-XVIII вв., несмотря на свою несовершенство и фрагментарность, рассчитаны на квалифицированного читателя, в значительной степени уже знакомого и с художественной литературой этой эпохи и с ее языком. В ином положении находится автор исследования, пишущий по-русски. Прежде всего, он (в отличие от корейских авторов) должен давать перевод каждого корейского слова и предложения. Кроме того, нужно представить язык как систему, независимо от того, какие ее элементы могут оказаться неизвестными читателю.

Разумеется, истории корейского языкознания должны быть посвящены специальные труды. Автор данной работы ни в коем случае не претендует на адекватное отражение всех – нередко противоречивых – точек зрения корейских и западных лингвистов по затронутым в работе конкретным вопросам грамматики. На русском и других европейских языках обзоры корейской литературы по среднекорейскому или новокорейскому языку пока не появлялись.

Из работ западных лингвистов больше всего мы использовали фундаментальный труд С. Мартина¹², в котором собран богатый фактический материал, почерпнутый из средневековых и современных источников. Нам неизвестны столь же крупные по объему труды корейских лингвистов, специалистов по среднекорейскому языку, которые пытались бы конкурировать с Мартином по количеству собранного материала.

Говоря об исследованиях языка отдельного памятника, следует сказать, что в отечественной кореистике до сих пор было всего две работы подобного рода. Первой является рукопись А.А. Холодовича “Грамматика корейского языка XV в. (по материалам Оды)”¹³, состоящая из двух разделов – “Фонетика” и “Морфология”. Это систематическое описание первого литературного памятника XV в., написанного новой корейской письменностью, «*Рёнъ ни ётхён ка*» («Ода о драконе, летящем в небе») из 125 строф, вышедшего в свет в 1447 г. Она является ценнейшим источником для изучения среднекорейского языка раннего периода. Благодаря тому, что в этой работе автор описывает язык XV в. как систему, удастся установить массу распределений, как грамматических, так и лексических. Второй работой такого рода является диссертация В.В.Верхоляка «Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в. : На

---

¹² Martin S.E. A Reference Grammar of Korean. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan. 1992.

¹³ Холодович А.А.. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1986.

материале "Пак тхоньса онхэ"»¹⁴ на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В работах по общему языкознанию на русском языке корейский материал привлекается все еще крайне редко и скупо. В этих условиях целью исследований по истории корейского языка должна быть, прежде всего, интерпретация его фактической истории. Отсутствие постановки и решения собственно лингвистических задач диахронного характера проявляется, в частности, в несовершенстве имеющихся грамматических описаний среднекорейского языка. Речь идет не только о возможном разнообразии в решении каких-то частных грамматических проблем или в выборе формата представления данных, но и о том, каким видится само грамматическое устройство этого языка. Согласия в отнесении грамматики корейского языка к классу агглютинативных недостаточно для того, чтобы стала ясной схема построения грамматики. Вопросы о том, какие существуют и существуют ли вообще в этом языке грамматические категории, как устроены противопоставления категориальных значений и т.д. – все подобные вопросы стоят открытыми. Поэтому наблюдаемые расхождения и противоречия исторических описаний среднекорейского языка могут служить еще одним свидетельством дефицита лингво-теоретических разработок в области исторического языкознания.

В теоретических положениях, развиваемых в данном исследовании, мы опирались главным образом на труды отечественных корееведов и специалистов по общему языкознанию. Исходя из того, что целью данного исследования является систематическое описание грамматических категорий предикатива в их историческом развитии, логично обратиться за помощью в решении поставленных задач к трудам по теории сравнительно-исторического языкознания, компаративистике, общей морфологии.

В своей работе мы стремились в ряде случаев конкретизировать, а в некоторых случаях обобщить или переосмыслить приводимые в упомянутых исследованиях данные или оценки.

Методология исследования.

Общелингвистическая часть данного исследования использует главным образом классификационный метод.

В конкретно-лингвистической части работы, то есть при выявлении и описании отдельных грамматических категорий предикатива основными были структурно-типологический, а также историко-сравнительный метод - описание и последующее

---

¹⁴ *Верхоляк В.В.* Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в. : На материале "Пак тхоньса онхэ" : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22, Ленинградский ун-т. Л., 1989.

сопоставление синхронных срезов языка, произведенных на разных хронологических уровнях.

Поскольку настоящее исследование является описанием языка конкретных литературных произведений, в работе также приведен филологический анализ памятников.

Теоретическая значимость исследования.

Грамматическое описание языка определенной эпохи принадлежит к проблемам, важным для языкознания в целом. В этом отношении проведенный анализ имеет общетеоретическое значение. Настоящее исследование должно заполнить лакуну в историческом корейском языкознании.

Конкретно-лингвистическая значимость данного исследования заключается, прежде всего, в систематическом описании грамматических категорий предикатива ранненовокорейского языка, а также в приложении всех рассматриваемых в работе теоретических положений и принципов к корейскому материалу.

Выявленные при этом данные могут представлять значительную типологическую ценность. В настоящее время основной метод типологических исследований состоит в том, чтобы изучить некоторый фрагмент языковой системы на максимальном количестве языков. Чтобы сделать предметом типологического рассмотрения более обширные системные явления, необходимы описания соответствующих участков языковой системы для отдельных языков или пар языков. Данную работу можно считать шагом в этом направлении.

С другой стороны, развивающееся сравнительно-историческое алтайское языкознание требует подробных исследований отдельных языков алтайской семьи. Значимость предложенной классификации для общего алтайского языкознания и контрастивной морфологии велика, поскольку до настоящего времени эта проблема оставалась недостаточно разработанной.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость видится в непосредственном применении результатов исследования к написанию пособий и грамматик по современному корейскому языку и по истории языка.

Описанный фактический материал может быть использован в качестве иллюстраций и учебного материала в курсе исторической грамматики корейского языка.

Апробация.

Основные положения и результаты данной работы выносились на обсуждение в докладах и выступлениях на Международных конференциях Ассоциации корейских исследований в Европе (Рим, 2003, Шеффилд, 2005), на 1-ой Международной конференции по корейской лингвистике (Лейден, 2005), на Международном конгрессе аспирантов-корееведов (Лондон, 2005) и на других конференциях, что отражено в опубликованных материалах этих конференций.

Статьи по теме диссертации были опубликованы в научной периодике.

ГЛАВА I

История корейского языка: источники и периодизация

1. Источники.

1. «Ода о драконе, летящем в небе» («*Pёнъ ни ётхён ка*»)¹⁵.

Текст Оды был составлен по повелению государя Седжона Великого (годы правления 1418-1450) придворными учеными Квон Дже (псевдоним Чиджэ), Чон Инджи (Хагёкчэ) и Ан Джи (Кобын). Точный перевод этого произведения – «Песни о драконах, летающих в небесах». Шесть драконов, которые упоминаются в одном из комментариев в «Книге перемен», в «Оде» ассоциируются с шестью поколениями предков новой корейской династии Ли. О целях создания Оды сообщается в Предисловии Чон Инджи. Первая из них состоит в том, чтобы воспеть великие деяния предков династии Ли на протяжении шести поколений. Вторая заключалась в том, чтобы воодушевить Седжона и всех последующих преемников правящего Дома напоминанием о превратностях судьбы и стойкости шести предков при основании династии. Третьей целью составления Оды была легитимация Дома Ли, т.е. доказательство того, что приход рода Ли к власти был совершен по воле Неба, согласно учению древнекитайского философа Дун Чжуншу, а не узурпаторским путем. Недаром слово *hanol* «небо» многократно повторяется в Оде и входит в ее заглавие (благорасположение Неба отражалось на судьбе шести героев). Истинными же причинами создания Оды были: а) с помощью поэтического произведения на новом корейском алфавите привлечь верных Седжону сановников к упрочению устоев правящего дома и б) заодно придать авторитет новому письму, показать возможности родного языка, впервые получившего свободное выражение на письме, по сравнению с *ханмуном* (корейизированным китайским письменным языком *вэньянем*). Последнее обстоятельство было особенно актуально, так как оппозиция сановников-китаефилов новому алфавиту и попыткам Седжона возвести корейский язык на уровень литературного была очень сильной.

Составители сопроводили корейский оригинал Оды поэтическим переводом ее на *ханмун*. Учеными из Ведомства корейского письма (*Онмунчхон*) был составлен обширный комментарий для разъяснения трудных мест Оды при описании в ней исторических событий. Комментарий делился на основной, относящийся к строфе, и дополнительный, написанный мелким шрифтом после каждой строки стиха. В комментариях содержались корейские чтения некоторых иероглифов и толкования значений слов, давались справки о

---

¹⁵ Сведения об Оде и ее изданиях приводятся из приложения к грамматике А.А. Холодовича, составленного Л.Р. Концевичем. См. *Холодович А.А.*. Материалы по грамматике корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Фонетика. М.: Наука, 1986. С. 23-31.

географических названиях и именах исторических лиц, иногда подробно объяснялись исторические события.

Ода была, видимо, настолько популярна, что уже при Седжоне для первых четырех, а позже 16, строф и заключительной строфы была сочинена мелодия в жанре придворной национальной музыки *хянъак* под названием «[Ван] вместе с народом разделяет радость». Ода исполнялась во время жертвоприношений предкам династии, при парадном выезде государя и др. Стихи Оды исполнялись под музыкальный аккомпанемент на придворных приемах вплоть до правления Ёнджо (1724-1776).

Корейский текст Оды записан смешанным письмом, т.е. корейским алфавитом попеременно с китайскими иероглифами. Ода состоит из 125 строф (*чан*), каждая из которых имеет по две параллельные, связанные между собой рифмой строки (*су* или *рён*), включающие четыре «стопы» (*ку* или *хэн*). Но в более чем 10 строфах существуют нарушения. Первая и последняя строфы содержат по одной длинной строке. За некоторыми исключениями в первой строке каждой строфы в основном описываются события из древней и средневековой истории Китая. Во второй параллельной строке, в подражание древнекитайской «Книге песен» («Ши цзин»), сравниваются факты из национальной истории периода Корё и начала династии Ли.

Относительно поэтической формы Оды нет единого мнения среди исследователей. Одни считают Оду и сочиненную вскоре самим Седжоном «Песню о луне, отраженной в тысячах рек» особой разновидностью жанра корейской поэзии *акчан* «музыкальные строфы», ставшей популярной среди конфуцианцев. Другие ученые полагают, что Ода очень близка корейская аристократическая поэзия периода Корё *кёнгичхега*, известная по названию рефрена *kyeng-kuu es-te-ho-ni-is-kwo* «Какой же это вид!». Этот рефрен встречается в восьми случаях и в Оде (дважды в строфах 65, 82 и 110 и по одному разу в строфах 88 и 89). Однотипный рефрен *i-ptu-thul nis-ti ma-lo-sywo-sye* «Пусть [Его Величество] не забудет смысла этого!» завершает 15 строф в конце Оды (110-124). Риторические вопросы встречаются во многих строфах. Тем не менее, эти же ученые считают, что Ода написана в эмбриональной форме популярного жанра корейской средневековой поэзии *каса* – длинных поэм, состоящих из неопределенного числа строк (иногда больше тысячи) из 3-4 слогов, без подразделения на строфы. Иными словами, Ода, по их мнению, находится в плане жанрового развития поэтической формы где-то между *кёнгичхега* и *каса*.

По нашим наблюдениям корейская средневековая поэзия была силлабико-квантитивной по своей природе. Основную ритмическую единицу в стихах Оды образуют группы слогов от трех до девяти, которые в свою очередь подразделяются на смысловые

отрезки из 2-5 слогов («стопы» и «квазистопы»), включая грамматические форманты, например, группа из 8 слогов могла члениться на 2-3-3, 3-2-3, 3-5 (2-3 или 3-2) и т.д. Группы их 3-9 слогов отделяются друг от друга «вспомогательной» цезурой, образуя полустишие, «главная» же цезура проходит между двумя полустишиями, причем второе из них обычно короче первого. В корейском тексте Оды «вспомогательная» цезура обычно отмечается пунктуационным «кружком» посередине строки (ритмико-интонационная синтагматическая сегментация), а «главная» - «кружком» в правой стороне строки (ритмико-синтаксическая фразовая сегментация).

В смысловом отношении строфы слабо связаны друг с другом. Они объединяются только общей темой. Складывается впечатление, что строфы выделены авторами искусственно, ради удобства. В то же время в строфе налицо параллелизм двух строк в содержательном и синтаксическом планах. Ритм стиха создается рифмическими повторами, которые иногда охватывают всю синтагму, иногда слово или часть слова, иногда только грамматические форманты. Кроме слогового исчисления, необходимо принять во внимание и тональные характеристики слогов, с которыми связана длительность гласных. Тоны передавались в то время одной («нисходящий тон»), двумя точками («восходящий тон») или отсутствием точек («ровный тон») слева от корейского письменного слога и кружком в одном из четырех углов китайского иероглифа. Этот вопрос требует специального исследования, причем не только в лингвистическом плане, но в связи с музыкальной спецификой корейского стиха.

Поэтические переводы корейских стихов на *ханмун* созданы в традиционной китайской форме «четырёхсловные *гуши* (древние стихи)», идущей еще от «Книги песен».

Ода полна аллегорий, что значительно усложняет ее понимание. Общее содержание Оды следующее:

Вводная строфа 1 задает величественный настрой всему произведению. В ней утверждается, что все шесть предков («драконов») династии Ли были предопределены волей Неба.

В строфе 2 воспевается государь Седжон, предвещающий процветание династии. Здесь афористически показывается «глубина и исключительность [всего] накопленного при основании династии».

Строфы 3-14 содержат эпизоды из жизни первых пяти предков династии Ли в сопоставлении с первыми правителями древнекитайского Дома Чжоу (XII-III вв. до н.э.)

Строфа 15 напоминает о том, что ни китайский император Цинь Ши-хуанди (221-208 гг. до н.э.), ни корейский государь Тхэджо (918-943 гг. н.э.) не смогли спасти свои династии.

Строфы 16-84 описывают эпические деяния известных 18 китайских императоров и ванов с III в. до н.э. до XIII в. н.э. и одного корёского государя Тхэджо, бывших либо основателями династий, либо способствовавших установлению новых династий, в сопоставлении с деяниями первых пяти предков династии Ли (17-18 – Мокчо, 19-21 – Икчо, 22-23 – Тэджо, 24-28 – Хванджо, остальные 29-84 – Тхэджо (Ли Сонге), который сравнивается в более чем 20 строфах с танским императором Тай-цзуном (627-649), одним из «главных героев» китайской истории).

Строфа 85 посвящена теме о невозможности отменять законы Неба.

Строфы 86-89 повествуют о доблестях Тхэджо.

Строфы 90-109 посвящены шестому предку Тхэджону, чьи деяния также сравниваются с деяниями китайских императоров, прежде всего танского Тай-цзуна.

Строфы 110-124 содержат увещания Седжону (и его преемникам), чтобы он не забывал о лишениях, которые пришлось испытать предкам династии, и старался совершенствовать их методы государственного управления. Недаром эти строфы завершаются рефреном, о котором говорилось выше. В частности, в строфах 110-114 подчеркивается непоколебимость государя перед лицом тяжких испытаний. В строфах 115-119 напоминаются качества, важные для монарха: милосердие, сострадание, скромность, царственные манеры и благожелательность. В строфах 120-124 даются рекомендации государю, состоящие в том, чтобы укреплять экономическую основу страны, быть снисходительным к своим советникам и избегать партийной борьбы в политике, покровительствовать ученым, избавляться от клеветников, презирать буддизм и почитать учение Конфуция.

В заключительной строфе 125, самой длинной в Оде, приводится общая мораль, заключающаяся в риторическом вопросе – будет ли Седжон подражать «шести летящим драконам» или нет, ибо от этого зависит будущее страны.

Историко-филологическую ценность этого памятника трудно переоценить. Это самый древний из корейских письменных памятников, в котором впервые использован фонетический алфавит еще до его официального обнародования в 1446 г. Вместе с другими памятниками корейской письменности конца правления Седжона и начала правления Седжо (1455-1468) она является ценнейшим источником для изучения среднекорейского языка раннего периода. В Оде с помощью звукового письма зафиксирован живой корейский язык. Материалы Оды позволяют в какой-то степени восстановить фонетику корейского языка середины XV в., включая и просодию; воссоздать морфологию; составить представление о лексике. Полезны они и для этимологических изысканий. Не менее интересна Ода как ранний образец корейской

графики и орфографии, а также пунктуации. Полный текст Оды любопытен в плане семантического сопоставления (адекватности/неадекватности) двух вариантов авторского текста – смешанного китайско-корейского и чисто китайского.

Ода – первое поэтическое произведение, записанное корейским алфавитом. Именно с нее начинается путь корейской литературы на родном языке в ее свободном письменном выражении. Оригинальна поэтическая форма Оды. Несомненно, интересно ее бытование в связи с придворным ритуалом и придворной национальной музыкой.

В комментариях к Оде содержится много материалов по истории, географии и культуре конца периода Корё и начала правления династии Ли. В них записаны исторические предания того времени, сведения о государственном устройстве, обычаях и т.д. В тексте Оды и комментариях зафиксированы имена людей, географические названия (одних только топонимов в корейском написании насчитывается 173; в топонимах можно обнаружить много чжурчженских элементов), названия чинов, предметов производства и т.п.

Изучение Оды в разных аспектах в наши дни значительно продвинулось вперед по сравнению с тем временем, когда А.А. Холодович предпринял свое грамматическое исследование памятника. Тем не менее, многие наблюдения и выводы не утратили новизны и по сей день.

2. «Удивительное соединение двух браслетов» («Ссяньчхон кыйбонъ»).

Как источник для изучения корейского языка этот памятник XVIII в. имеет особое значение. Это обусловлено тем, что язык этой уникальной рукописи ранее никем не описывался, в исследовательских работах по исторической грамматике на него не даются ссылки, само издание романа требует грамматического комментария. Ценность памятника возрастает вдвойне, если учесть, что он отражает не просто корейский язык, а разговорный средневековый язык, отраженный в диалогах. Характер, специфика диалогической речи обусловила такое обилие глагольных форм в тексте памятника, что стало возможным исследовать в диссертации категории наиболее емкого класса слов – предикатива на материале только одного памятника.

Рукопись романа включает в себя 22 тетради с общим количеством страниц 1233. Рассматриваемая первая тетрадь содержит 118 страниц текста по 10 строк на странице. Памятник написан корейским буквенным письмом (*кукмун*), полускорописью, местами скорописью. Время создания его и автор не обозначены.

Как мы уже упоминали, имеется издание первой тетради этого романа с переводом и комментариями реалий, принадлежащими М.И. Никитиной и А.Ф.Троцевич¹⁶. В предисловии к этому изданию авторы перевода особо отмечают, что рассматриваемая рукопись является редкой, даже уникальной, поскольку данные об этом памятнике лишь иногда упоминаются в библиографических работах¹⁷. Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе. В первом томе «Bibliographie Coréenne»¹⁸ под № 933 значится произведение под названием «*ssyang chyen kyu pwong*». По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф представлен Кураном только фонетической частью. Очевидно, поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Rencontre merveilleuse des deux fleuves» («Удивительная встреча двух рек»).

О романе «*Ссяньчхон кыйбонь*» и о произведениях сходного жанра упоминается в работе Ким Тхэчжуна «История корейской повествовательной литературы»¹⁹. Однако автор ссылается только на библиографию Курана.

В работе Чхве Хёнбэ «Изучение корейской письменности»²⁰ об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом. Нет указаний на этот памятник и в работе Маэма Кёсаку «Каталог старых корейских книг»²¹.

«*Ссяньчхон кыйбонь*» относится к жанру романа, появившемуся в Корее во второй половине XVII в. Это был период, когда в недрах феодального общества зарождались новые отношения, развивались ремесло и торговля, росли города и городское население, которое все настойчивее требовало прав гражданства.

Он представляет собой исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) – историческое лицо. Были известны два Ли Сяня, которые жили в начале династии Мин. Один из них был приближенны императора Чэнцзу (1403-1425), другой – императора Инцзуна (1457-1465). Если сравнить биографии этих лиц²² с жизненным путем Ли Хёна, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии

---

¹⁶ Ссяньчхонь кыйбонь (Удивительное соединение двух браслетов). Издание текста, перевод и предисловие М.И. Никитиной и А.Ф.Троцевич. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. XV.)

¹⁷ Skilland, № 241. С. 133-134.

¹⁸ Courant Maurice. Bibliographie Coréenne. Paris, 1894.

¹⁹ Ким Тхэчжун, История корейской повествовательной литературы. Сеул, 1939.

²⁰ Чхве Хёнбэ. Хангылгал (Чхве Хёнбэ, Изучение корейской письменности). Чённьымса, Кйёнсьонь, 1942

²¹ Маэма Кёсаку, Каталог старых корейских книг. Токио, 1954.

²² Большой словарь китайских имен. Шанхай, 1921.

двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня – приближенного Чэнцзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно переосмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стали основной сюжетной канвой начала романа.

«*Ссянъчхон кыйбонъ*» – многоплановое произведение с очень сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, ситуации – остры и напряженны. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, в отличие от повести, уделявшей особое внимание пейзажу, внешности героя, бытовым зарисовкам, переживаниям героев, и потому часто включавшей в себя цитаты и стихи – китайские или корейские, а иногда весь текст повести был написан ритмической прозой, - в романе нет ни корейских, ни китайских стихов – необходимого условия в повести для описания чего-нибудь красивого, выдающегося. Если иногда и употребляются китайские поэтические образы, то автор их не подчеркивает.

Воспитанный на китайских литературных образцах, автор прибегает к китайскому литературному языку. В результате язык романа изобилует сочетаниями четырех и более иероглифов, записанных корейским буквенным письмом. Они не отражены в словарях и с большим трудом поддаются пониманию.

Чтение романа требует очень хорошего знания китайского языка, умения оперировать китайскими односложными словами, а не только знания определенного, пусть даже обширного запаса устойчивых традиционных китайских образов. Таким образом, корейский роман был рассчитан на весьма квалифицированного читателя, знакомого с литературным языком. Он в значительно большей степени использовал ресурсы китайского литературного языка, чем корейская повесть и поэзия в жанрах *сичжо* и *каса*.

Большой объем романа, так же как сложность языка, не способствовал широкому его распространению в корейском обществе XVII-XIX вв. Роман, отнюдь не поощрявшийся официально, был предметом чтения в образованных кругах общества, поэтому, как и повесть, он оставался анонимным и больше, чем повесть, рукописным.

Роман «Ссяньчхон кыйбонь», излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (ср., например, произведения Ким Манчжуна «Скитания госпожи Са по югу», где действие происходит в Китае эпохи Мин, «Облачный сон девяти», где также действие происходит в Китае эпохи тан, или новеллы Пак Чивона). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы; в «Ссяньчхон кыйбонь» такое деление отсутствует. Затем, китайский роман обычно имеет пролог; «Ссяньчхон кыйбонь» начинается непосредственно с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Традицией китайской литературы выработаны каноны для описания женской и мужской красоты. Смещение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем в публикуемом романе образы женской красоты использованы для описания внешности как женщин, так и мужчин.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также заключительная фраза романа – обращение к читательницам: *pwu-in-i no-li-pwo-a co-si-al-ci-e-ta* «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь [в этом]». Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам – явление, безусловно, корейское.

И, наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском, происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в «сводном каталоге китайской художественной прозы» Сунь Кай-ди²³ его название не упомянуто.

В романе не упоминается ни автор, ни год написания. Мы разделяем точку зрения авторов перевода, предполагающих, что роман был написан в XVIII в. Поскольку качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки²⁴, можно воспользоваться теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных.

---

²³ Сунь Кай-ди, Сводный каталог китайской художественной прозы. Пекин. 1958.

²⁴ Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О.П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску «Описания письменных памятников корейской культуры». М. –Л., 1956.

В средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа *-i* – единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог и для слов с открытым конечным слогом. В XIX в., как свидетельствуют рукописи и ксилографы того времени, в корейском языке появляется особый показатель именительного падежа *-ka* – для открытого слога. В рукописи «*Ссянъчхон кыйбонъ*» для именительного падежа в открытом (1) слоге используется тот же показатель, что и в закрытом (2) слоге, например²⁵:

1. *rwu-mwoy em-kum-ho-ni* (2,1)

родители-NOM строго запрещать-ДЕЕП

Родители советника были строги.

2. *rwu-in-i te-wok mang-tang-ho-na* (4,1)

госпожа-NOM еще больше рухнуть(о надеждах)-ДЕЕП

Госпожа совсем пала духом.

В первом примере показатель именительного падежа *-i* присоединяется к слову с открытым конечным слогом *rwumwo* “родители”, а во втором примере – к слову с закрытым конечным слогом *rwuin* “госпожа”.

Указанная особенность языка романа дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Установить нижнюю границу написания этого памятника помогает следующий факт: закон гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX века, не прослеживается, а в памятниках XVII в., за редким исключением, соблюдается. Так, например, противопоставление показателей дательного падежа *-uy// -ey* (для корней, содержащих *i, u, e, wi*) и *-uy// -au* (для корней, содержащих *a, o, wo*), характерное для раннесредневекового языка, снимается в пользу окончаний *-uy// -ey*. Отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника. Например:

1. *nye-o-uy pang-tyung-uy ni-lo-ni* (25,2)

дочь-GEN комната-GEN приходиться-ДЕЕП

Привел в комнату молодой.

2. *syo-in-uy cip-uy is-no-i-ta* (15,1)

я(унич)-GEN дом-GEN быть-КС

Он живет в моем доме.

3. *kum-il chyen in-uy kwen-u-lwo kye-yu i-ey na-was-te-ni* (15,6)

²⁵ Список условных обозначений, использующихся в примерах, см. Приложение 1.

сейчас низкий человек-GEN совет-INST с трудом здесь-GEN выходить-ВР-ДЕЕП

Мне едва удалось сегодня привести его сюда.

Этот факт дает возможность предположить, что памятник был написан после XVII в. Таким образом, мы приходим к заключению, что роман «*Ссяньчхон кыйбонь*» с большой долей вероятности можно датировать XVIII в.

Роман «*Ссяньчхон кыйбонь*», по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как по жанру, так и по стилю. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

2. Периодизация истории корейского языка.

В работах многих корейских, западных и отечественных ученых по истории корейского языка распространена периодизация, в которой учитываются события политической истории. Такова, например, схема А.А. Холодовича²⁶, в которой отразились социологические веяния в языкознании 50-х годов. Он выделял следующие четыре периода:

Первый период - до начала 15 в. (досредневековый)

Второй период - централизованного феодализма - 15 - вторая половина 19 в. (средневековый)

Третий период - крушение феодального общества - конец 19 - начало 20 в. (новый)

Четвертый период - после освобождения Кореи от японского колониального господства - с 1945 г. (современный).

Другие исследователи выстраивали свои периодизации, основываясь не только на исторических, но и на чисто языковых фактах.

Так, Ким Минсу²⁷ выделял следующие периоды в истории корейского языка:

1. Традиционный корейский язык *эпоха трех государств-реформа Кабо*:

1) древнекорейский (эпоха трех государств - эпоха Корё);

2) ранний среднекорейский (эпоха Корё - изобретение корейского буквенного письма *хунмин чонъым*);

3) поздний среднекорейский (изобретение *хунмин чонъым* - война Имчин веран);

---

²⁶ Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986. С. 62.

4) новокорейский (война Имчин веран - реформа Кабо).

2. Поздний новокорейский язык (реформа Кабо - освобождение от японского колониального господства).

3. Современный корейский язык (освобождение от японского колониального господства - наши дни).

Ким Минсу отмечает, что все эти исторические вехи, являющиеся поворотным моментом в истории, повлияли на корейский язык. При всей важности подобных исторических перемен следует иметь в виду, что их влияние на язык сказывается далеко не сразу. Это традиционное мнение; однако, у некоторых исследователей вызывает сомнение необходимость выделения в качестве отдельной вехи эпохи Корё.

Южнокорейский лингвист Ли Гимун предлагает следующую периодизацию:

1. Древнекорейский язык (1 в. до н.э. – 7 в. н.э.). О нем мы можем судить только по отдельным глоссам в китайских текстах.

2. Раннесреднекорейский язык (7 в. – 14 в.). Для описания этого периода истории корейского языка привлекались памятники, написанные в системе *иду*.

3. Позднесреднекорейский язык (15 в. – 17 в.) ознаменован созданием корейского фонетического письма.

4. Новокорейский язык (18 в. – 19 в.).

5. Современный корейский язык (19 в. – наше время).

Периодизация Ли Гимуна также основывается частично на исторических, частично на языковых явлениях.

Этого же подхода придерживается и Л.Б. Никольский²⁸ в своей работе «Становление национального литературного языка в Корее». Мы считаем его точку зрения наиболее обоснованной. Ниже приведем объяснения такого деления.

Национальному литературному языку в Корее, как и во многих странах Европы и Азии, предшествовал письменный литературный язык. Таким литературным языком в Корее являлся кореинизированный китайский *вэньянь* (по-корейски *ханмун*). Этот письменный наддиалектный язык был понятен образованным людям во всех диалектных ареалах Кореи, даже если они не знали китайского.

Китайский язык, распространенный в Корее, имел особенности, отличающие его от письменного языка Китая²⁹:

---

²⁷ Ким Минсу. Син кукохак са. (Ким Минсу. История нового корейского языкознания). Сеул, 1989.

²⁸ Никольский Л.Б. Из истории становления национального литературного языка в Корее // Проблемы востоковедения. №6. М., 1960. С. 57-69.

²⁹ См. Хонь Гимун. Иду йёнгу (Хон Гимун, Изучение иду). Пхйбньянъ, 1957 С.11-13.

1. в Корее были изобретены новые иероглифы, некоторые знаки изменили значения, другие же использовались фонетически в топонимике и ономастике;
2. употреблялись сочетания иероглифов, отсутствующие в китайском языке;
3. иероглифы постепенно изменили чтения под воздействием фонетической системы корейского языка;
4. в Корее существовали особые правила чтения китайского текста подобно *камбуну* в Японии.

Китайский язык и письменность проникли на Корейский полуостров еще в первые века нашей эры вместе с распространением буддизма и ханьской культуры. Надо отметить, что на востоке, в Корее и Японии, китайская цивилизация попала на особо благоприятную почву, поскольку в этих государствах еще не сложилась собственная, отличная от китайской, культура и не было влияния какой-либо культуры, которая могла бы противостоять китайской. Эпиграфика на *ханмуне* в Корее появляется в начале V в. н.э.

Текст на *ханмуне* мог читаться двумя способами, на двух разных языках. Во-первых, по-корейски при помощи особых правил и разметки текста. При этом иероглифические лексемы могли заменяться исконными словами, изменялся порядок слов, слова оформлялись по правилам национальной грамматики. Во-вторых, *ханмунный* текст читался по-китайски. Но иероглифы изменили свое чтение под влиянием фонетики корейского языка, и китайцу такой текст был бы непонятен. Такое прочтение стандартных текстов было понятно корейцам, не знающим китайского, но трудные тексты требовали пояснений. В Когурё значительно раньше VII в., а в Силла, видимо, в VII в. были созданы специфические системы письма, известные под названием *иду* «чиновничье письмо». Китайские иероглифы использовались в них для записи корейского языка. Оно включало как минимум набор иероглифов, обозначающих грамматические морфемы корейского языка и, стало быть, используемых в качестве фонетиков.

Возникшее как средство ликвидации коренного различия между чуждым - письменным китайским и родным – разговорным корейским языком письмо *иду* отличалось от *ханмуна* порядком слов, употреблением исконно корейских слов и грамматических формантов, передаваемых иероглифами³⁰. На основе *иду* был выработан особый стиль письменного языка, который существовал до конца XIX в. (последний документ датирован 1890 г.)³¹ преимущественно в официальной переписке. На *иду* написаны некоторые документы периода династии Ли, документы, донесения и

---

³⁰ Хон Гимун, указ.соч. С.24

³¹ Там же. С. 405.

распоряжения времен Имджинской отечественной войны (1592-1598 гг.), а также документы о купле-продаже земли, дарственные грамоты и т.п.

С изобретением в 1443 г. национального фонетического письма *хунмин чонъым* появилась возможность записывать корейский разговорный язык. Возник так называемый «смешанный стиль». Это вторая разновидность письменного языка, существовавшая в Корее. Суть смешанного стиля состояла в том, что вместе с иероглифами использовалась в тексте национальная письменность. А фактически происходило то же, что делали чиновники, использующие *иду*. По-прежнему, в текстах помещались целые блоки, состоящие из иероглифов. Часто отношения между лексемами выражались внутри этих блоков с помощью служебных элементов *вэньяня*. Но в крайне необходимых для понимания местах ставились корейские грамматические морфемы. Такие тексты не предназначались для произнесения, они воспринимались визуально.

Насколько можно судить, именно тексты смешанного стиля – практически единственный источник наших знаний о корейском (может быть, только о письменном) языке с момента создания национального алфавита (1446 или 1444 (Концевич)) до начала прошлого века. Про этот корейский пишут Ли Гимун³² и Мартин³³. Первые памятники, записанные целиком корейским алфавитом, содержали в себе много элементов *вэньяня*.

Однако ни создание *иду*, ни изобретение национального письма не привели к отмиранию *ханмуна*, и вплоть до конца XIX в. он функционировал как литературно-письменный язык «изящной словесности» и официальный письменный язык государственного аппарата. Такое длительное употребление *ханмуна* при наличии национальной письменности в Корее объяснялось не столько разобщенностью языка (хотя это и имело место), сколько традициями. Корейская литература возникла и развивалась в условиях сильного влияния китайской литературы, а также конфуцианства, которое начало бурно распространяться в Корее с XIV в. и оказало огромное влияние на дальнейшее развитие всей культурной жизни страны. Традиция писать по-китайски настолько укоренилась, что прозаики и поэты Кореи сравнительно позднего периода, такие, например, как писатель-реалист Пак Чивон (XVIII в.) и поэт Ким Саккат (XIX в.), создавали свои произведения исключительно на *ханмуне*, игнорируя корейский язык как «вульгарный».

Ханмун как средство общения правящих классов и интеллигенции феодального общества, имевшее наддиалектный характер, выполнял коммуникативную функцию в сфере государственного управления и культуры, но был оторван от народного

---

³² Lee Ki-moon. Geschichte der Koreanischen Sprache. Wiesbaden, 1977.

³³ Martin S.E. A Reference Grammar of Korean. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan. 1992.

разговорного языка. Обособление *ханмуна* от разговорного языка основной массы населения Кореи явилось важной предпосылкой становления нового письменного языка в период консолидации корейской нации.

Таким образом, мы видим, что Корея практически на протяжении всей своей истории находилась в ситуации двуязычия. Если письменный язык имел четко фиксированную норму, был более консервативен, то разговорный язык изменялся более динамично. По данным китайских источников (*Сань-го чжи* и других китайских династийных историй) мы можем констатировать, что в начале нашей эры у корейских племен наблюдалась определенная языковая общность. Указывалось, например, что язык племени когурё имеет много общего с языком племени пуё, язык окчо лишь незначительно отличается от языка когурё, язык племени е (вэй) в общем сходен с когурёским. С другой стороны, язык племени чинхан похож на пёнджинский³⁴.

Появление на территории Кореи трех государственных образований, по-видимому, привело к тому, что диалекты племен, входившие в их состав, постепенно нивелировались и развились в языки (койнэ?) государств Когурё, Пэкче и Силла.

В 60-е гг. VII в. произошло объединение трех государств под эгидой Силла. Считается, что в период Объединенного Силла завершается процесс формирования корейской народности с единым общенародным языком. О том, что язык постепенно становился единым, свидетельствует, например, следующий факт: в 757 г. было закреплено твердое написание китайскими иероглифами местных названий различных племен, обитавших на территории Объединенного Силла. С развитием централизованного государства в период Объединенного Силла племенные языки когурёсцев и пэкчесцев испытали сильное влияние языка Силла. Складывается единый силланский язык (на основе столичного диалекта Кёнджу в современной провинции Северная Кёнсандо) как язык корейской народности.

В дальнейшем, с перенесением столицы государства в X в. (начало правления династии Корё) из Кёнджу в Кэсон, а в XIV в. (при династии Ли) – из Кэсона в Сеул, происходит смещение диалектной основы языка корейской народности. Как база для развития литературного языка начинает выдвигаться диалект провинции Кёнгидо.

К существенным экстралингвистическим факторам, повлиявшим на новокорейский язык, относится тот факт, что со второй половины XVII в. в Корею быстро развиваются товарно-денежные отношения, укрепляются связи между столицей и периферией, а также между различными районами полуострова. Передвижение по стране свободных людей – купцов, ремесленников, работающих по найму, не воспрещалось. Складывание рынка в

---

³⁴ См. Сань-го джи (Описание трех государств). Книга Вэй. Описание восточных варваров.

масштабе всей страны шло полным ходом. При общении носителей разных диалектов особую престижность к этому времени приобретает столичный диалект. Эти факторы способствовали распространению столичного диалекта по всей стране и создали предпосылки для становления национального корейского языка.

Формирование национального литературного языка в Корее определялось также культурным фактором – созданием и распространением после изобретения *хунмин чонгыма* литературы на корейском языке. Однако вскоре после создания алфавита начались гонения на его сторонников, предпринятые феодальной знатью, и почти до конца XVI в. на корейском языке не появлялось каких-либо значительных произведений. Изучение старого китайского литературного языка *вэньяня* и китайских классиков продолжало оставаться важнейшим ингредиентом образования.

После Имджинской отечественной войны (1592-1598) наступает период корейской демократической прозы. Наряду с выходом в свет на *ханмуне* таких произведений, как «Сказание о Хон Гиль Доне» и «Имджинская хроника», появляются их корейские переводы.

Во второй половине того же века Ким Манджун (1637-1692) пишет на корейском языке произведения «Облачный сон девяти» и «Скитания госпожи Са по югу». В речь действующих лиц, персонажей художественных произведений проникают уже чисто разговорные элементы, встречаются новые грамматические формы и разговорная лексика.

XVIII в. ознаменовался распространением записанных на корейском языке повестей – «Сказание о Хынбу», «Сказание о Симчхон», «Сказание о Чхунхян» и других.

В XIX в. возник новый жанр литературы – *чханъгок* (переложение «сказаний» и легенд, устно передававшихся рассказчиками из народа на протяжении столетий, для народного театра). Тем самым разговорные и диалектные элементы начинают проникать в художественную литературу особенно интенсивно. Многие авторы стали вводить в речь персонажей разговорные грамматические формы и лексику. Первоначально они делали это, по-видимому, с целью экспрессивной окраски речи персонажей. В этот период Син Джехё (1812-1880) создал ряд оригинальных произведений на корейском языке. Они, безусловно, носили на себе печать диалекта, на территории распространения которого они имели хождение. Но, как правило, их литературное оформление производилось на диалекте провинции Кёнгидо, т.е. написаны они, независимо от места их создания, одним и тем же языком. Это еще раз подтверждает тот факт, что складывание национального языка достигло на этом этапе значительных успехов.

Таким образом, к концу XIX в. в качестве опорного диалекта корейского языка окончательно выделился диалект центральной Кореи. Он считался образцовым по

сравнению с диалектами периферии. Накопился также значительный опыт, и сложились традиции использования данного диалекта при создании художественных произведений.

С развитием капитализма в Корее второй половины XIX в. проходил процесс консолидации корейцев в нацию и становления корейского национального языка.

Огромное значение в превращении корейского языка в национальный имело возникшее в конце XIX в. «движение за просвещение» (*кемонъ ундонъ*), целью которого было капиталистическое переустройство общества. Это движение в связи с внешнеполитической обстановкой, которая характеризовалась стремлением великих держав поработить Корею, переросло в патриотическое движение народных масс, направленное, прежде всего, против японского империализма.

В результате этой деятельности в стране было создано более трех тысяч школ, кружков, курсов. Движение вызвало к жизни бурную издательскую деятельность. Встал вопрос и о языке, на котором должно происходить приобщение народных масс к культуре и знаниям. В связи с ростом национального самосознания вопрос решился в пользу родного языка.

Одним из направлений просветительского движения в Корее было движение за национальную письменность (*кунъмунхак ундонъ*), которую правящие классы игнорировали в течение почти 400 лет. Это движение возглавили Чи Сокён, Чу Сигён, О Юнджок и другие ученые, выступившие за переход от смешанного китайско-корейского письма на *кунъмун* (*корейскую письменность*), за сближение письменного и устного стилей корейского языка, за изучение родного языка. Манифестом движения стала статья основоположника современного корейского языкознания Чу Сигёна «Необходимость национального языка и национальной письменности», опубликованная в 1907 г.

Таким образом, в конце XIX-начале XX в. корейское общество осознало необходимость общенационального языка для дальнейшего развития страны. Но корейский язык тогда не был единым. Поэтому юридический акт³⁵ введения корейского языка в качестве государственного еще не означал превращения языка корейской народности в национальный. Последнее было связано с длительным процессом выработки общезначимой формы национального языка на основе столичного диалекта, который приобрел к тому времени решающее влияние как стандартный по отношению ко всем остальным корейским диалектам. Этот процесс до признания корейского языка государственным языком Кореи в значительной мере протекал стихийно, и лишь в конце XIX в. и особенно в начале XX в. передовые люди корейского общества начинают

---

³⁵ Указ о переходе в официальной переписке и печати на национальный язык был издан в 1895 г.

активно воздействовать на развитие языка. Наступает период сознательного нормирования языка и унификации его явлений.

Л.Б. Никольский дал такое определение корейского литературного языка: «Под национальным литературным языком Кореи ... принято понимать общенародную нормированную форму языка, созданную на основе сеульского диалекта (сеульский диалект как столичный пользовался высоким престижем). Корейский литературный язык является формой национального языка, который кроме литературного языка включает также всю совокупность диалектов, обслуживающих главным образом сферу устного общения народных масс в той или иной местности. По отношению к диалектам литературный язык выступает как высшая форма национального языка, поскольку он обладает неизмеримо большей степенью распространения и применяется во всех сферах общения, нивелируя диалектные расхождения»³⁶.

Проходившая в начале XX в. работа по уточнению норм корейского языка была приостановлена японской аннексией Кореи. Японские империалисты стали проводить политику ассимиляции корейцев. Корейский язык вытеснялся из сферы государственного управления и просвещения. Государственным языком был объявлен японский. Несмотря на это, продолжалась, особенно после восстания в марте 1919 г., работа по нормированию национального языка, осуществлявшаяся «Обществом по изучению корейского языка» (основано в 1921 г., в 1931 г. оно переименовано в «Корейское лингвистическое общество»). «Хотя осуществленная в то время кодификация норм литературного языка не опиралась на авторитет государства, а сами нормы не имели обязательного характера, их установление сыграло большую роль в последующем развитии корейского литературного языка. С другой стороны, ассимиляторская языковая политика японцев, низкий образовательный и культурный уровень широких слоев населения, довольно сильное влияние диалектов препятствовали распространению, утверждению и развитию литературного языка в колониальной Корее»³⁷.

Корейский литературный язык как форма национального языка сформировался к 30-м годам XX в. Об этом свидетельствует следующее: формирование литературного языка в Корее на базе столичного диалекта проходило не только в непрерывном контакте с другими территориальными диалектами, но и при постоянном воздействии на него прежнего письменного языка – *ханмуна*. Влияние *ханмуна* на национальный литературный язык сказывалось, прежде всего, в заимствовании огромного количества

---

³⁶ Никольский Л.Б. Нормирование национального литературного языка в Корее // Современные литературные языки стран Азии. М. Наука, 1965. С. 116

³⁷ Сухинин В.Е. Корея // Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика. М., Наука, 1986. С. 229

китайских слов, а также в существовании письменных стилей, резко отличавшихся от народно-разговорной речи не только составом лексики, но и грамматически. Существовало, по меньшей мере, два стиля: стиль художественной литературы, наиболее близкий к разговорной речи, и стиль публицистики, научной и учебной литературы. Для последнего характерно сильное влияние *ханмуна* и широкое использование заимствованной из китайского лексики, сохранились многие грамматические особенности построения словосочетаний, свойственные *ханмуну*. Так, в качестве признака определительного отношения имен используется морфема *si*, она же выполняет и функцию «пустого объекта» при переходном глаголе. Внутри словосочетаний, выступающих в корейском тексте на правах отдельного слова, сохранен порядок слов *ханмуна*: *pwu-hyul kitha ho-kwo* 'не заботятся о других'. В этом словосочетании сказуемое *pwu-hyul* 'не заботятся' стоит перед дополнением *kitha* 'другие', в то время как в современном корейском языке сказуемое всегда находится в конце предложения.

Постепенная ликвидация этих относительно замкнутых письменных стилей путем приближения их к разговорному языку закончилась в основном к концу 20-х годов. Корейский национальный литературный язык, базирующийся на народной диалектной основе, всем ходом своего исторического развития, наконец, вытеснил *ханмун* из сферы общения. И хотя словарный состав корейского языка значительно обогатился за счет заимствований из китайского, фонетическая система и грамматический строй корейского языка остались самобытными.

Новый этап в развитии и нормировании корейского национального литературного языка начинается после освобождения от японской аннексии в 1945 г. Корейский полуостров оказался разделенным на два независимых государства, и эти социально-экономические изменения нашли свое отражение и в языке.

1. Языковая политика после 1945 г. в КНДР.

В условиях разделения страны литературный язык Северной Кореи стал испытывать все меньшее влияние сеульского говора. Увеличение политического веса северных районов Кореи и особенно г. Пхеньяна значительно повысило роль северных диалектов и усилило их проникновение в литературный язык. Появилось много диалектных вариантов литературных слов не только в разговорной форме литературного языка, но и в его письменной форме.

Нормирование литературного языка в КНДР касалось все тех же языковых явлений, что и нормирование во время японского колониального режима, а именно:

- иероглифика: путем отмены иероглифики корейские лингвисты надеялись добиться демократизации языка. Этой проблемой занимался специальный комитет,

который предложил изучать иероглифику «только в средней школе, ... не употреблять иероглифы в официальной и личной переписке, изъять иероглифику из газет и журналов...», перевести «с ханмуна на национальный литературный язык шедевры национального культурного наследия»³⁸.

Иероглифическое письмо было полностью исключено из периодической печати в 1949 г. Затем от него отказались и в научной литературе.

- орфографии: В 1949 г. в КНДР был издан проект реформы корейской орфографии (с введением 6 новых букв). Этот же проект вводил новый порядок букв в алфавите, менял направление письма, орфографию многих слов. Были сделаны некоторые уступки фонетическому принципу записи, вводились новые правила для новых слов, аффиксов и основ, новые орфоэпические правила.

Хотя в КНДР думали о том, чтобы сделать корейскую письменность линейной, как предлагал еще Чу Сигён, этот проект пока отложили «до объединения страны».

- грамматики: в 1960 г. вышла нормативная грамматика корейского языка (фонетика и морфология). Журнал "Мал Ква Кыль" («Язык и письменность») пропагандировал грамматические нормы.

- лексики: в литературный язык вошло много неологизмов, отражающих новые понятия, через русский язык были заимствованы интернациональные слова. В середине 60-х гг. в целях развития «культурного языка» в КНДР была развернута кампания по очищению языка от заимствований, замене *ханмунной* лексики новыми словами, образуемыми на основе исконных элементов. Это движение называлось *чосон маль тадымки*. Что касается, в частности, терминологии, для борьбы с чрезмерно развитой синонимией и омонимией путем изъятия иностранного и иероглифического синонима, замены омонимов; в целях создания новой терминологии при Академии наук КНДР был создан специальный комитет по вопросам разработки и унификации научно-технической терминологии. В создании новой терминологии северокорейские лингвисты опираются на два правила: во-первых, образовывать новые понятия из исконно корейских слов; во-вторых, заменять неэтимологизирующиеся иностранные термины, в том числе иероглифические, на исконно корейские слова и этимологизирующиеся иероглифические сочетания. Но не все нововведения выдержали проверку временем.

Результат деятельности этой кампании – «Сборник упорядоченных слов», содержащий 50 000 единиц.

В процессе демократизации корейского языка в КНДР было принято ориентироваться на «язык революционной литературы партизан», поскольку он

---

³⁸ *Никольский Л.Б.*, 1965. С. 125

«отличался простотой, лаконичностью и ясностью изложения». Ф.В. Мальков дает примеры тех лексических и грамматических явлений, которые были характерны для речи и литературы партизан, а затем были распространены на язык в целом.

2. Языковая политика после 1945 г. в Республике Корея.

В связи с американским влиянием язык РК приобрел огромное количество английских слов, многие из которых оказались синонимами к существующим исконно корейским словам. Особенно это касается терминологии. Широко изучаются иностранные языки, естественно, английский в первую очередь, на котором даже выходит ряд газет и журналов, некоторая научная литература.

«Борьба за очищение родного языка почти совершенно не ведется. Значительная неграмотность среди населения³⁹ ограничивает распространение литературного языка и приводит к замедлению темпов стирания граней между ним и диалектами»⁴⁰.

В РК в качестве нормы принята «речь образованных в районе Сеула». Таким образом, немного расширилась территориальная и сменилась социальная база литературного языка (от средних слоев к образованным).

- иероглифика: «Иероглифы продолжали употребляться, рождая массу неологизмов, мало понятных народу»⁴¹.

В 1968 г. была принята пятилетняя программа отказа от иероглифики, но реализация ее была непоследовательной и не завершилась.

«В августе 1972 г. Министерство просвещения утвердило минимум в составе 1800 иероглифов, подлежащих освоению в средней (900) и повышенной (900) школе. Как и в Японии, отдельные авторы и издатели часто превышают этот минимум»⁴². Сейчас в периодической печати иероглифы используются главным образом в заголовках, совсем немного в статьях.

- орфография: до сих пор с минимальными поправками действует «Проект унификации корейской орфографии» 1933 г. Не устоялось написание иностранных заимствований.

- лексика: были незавершенные попытки заменить малоупотребительную *ханмунную* лексику, упорядочить газетную лексику.

Вот какой вывод делает Сухинин из рассмотрения языковой ситуации в обеих Кореех: «Наиболее примечательная особенность языковой ситуации на Корейском полуострове в наши дни – формирование двух вариантов современного корейского

³⁹ По данным ЮНЕСКО, в Южной Корее в возрасте свыше тринадцати лет 3270 тыс. неграмотных («Word survey of education», UNESCO, 1955, p. 467)

⁴⁰ Никольский, 1960. С. 68.

⁴¹ Никольский, 1965. С. 126

литературного языка. Различия между ними все более увеличиваются, и это с озабоченностью констатируется как на Севере, так и на Юге. Такое положение отражает национальную ситуацию в Корее: за период с 1945 г. и до настоящего времени в основном сложились социалистическая корейская нация в КНДР и капиталистическая корейская нация в РК при сохранении их этнической общности и общего национального самосознания»⁴³.

Из вышеизложенного понятно, что язык, с которым мы сталкиваемся в памятнике XVIII в. – вариант литературного корейского языка, который, возможно, существовал только в письменной форме, т.е. это письменный язык, опирающийся на систему норм, по-видимому, кодифицированных. Разговорный же корейский язык может отражаться в памятнике в виде отклонений от этой системы, так же, как и диалогическая лексика. Трудность, с которой мы сталкиваемся при описании языка литературных памятников этой эпохи – то, что сами нормы не описаны. В результате, та система, которая будет построена в результате нашего исследования, носит неясный статус.

Отклонения, обнаруженные при анализе языка памятника могут носить как диалогический, так и исторический характер. Мы полагаем, что естественней считать их историческими, хотя и отрицать наличие диалогических норм тоже нельзя.

---

⁴² Сухинин, С. 233-234

⁴³ Сухинин, С. 234.

ГЛАВА II

Теоретические предпосылки исследования исторической грамматики корейского языка. Предикативы.

1. Состояние вопроса.

Развитие грамматического строя корейского языка от первых дошедших до нас памятников XV в., написанных с помощью корейского фонетического письма, и до наших дней принадлежит к числу актуальных и пока еще мало изученных вопросов в корееистике. Произведения средневековой корейской литературы на сегодняшний день изучены очень неравномерно, в работах корейских, отечественных и зарубежных исследователей наиболее разработаны только вопросы его фонетики и письменности. В грамматическом плане глубже всего изучены произведения XV-XVI вв., к которым обращались многие исследователи. Последующим векам (по XIX в. включительно) пока уделялось мало внимания. Материалы этого периода в основном привлекались специалистами при решении некоторых филологических и лингвистических вопросов, но в целом языковая картина остается неизвестной.

Нам известны всего несколько работ, посвященных морфологии корейского языка этого периода. Это, как правило, работы описательного плана. Такова, например, «Грамматика литературного средневекового корейского языка» Ко Ёнгына⁴⁴. В этой работе автор рассматривает отдельные особенности средневекового корейского языка, при этом он не дает систематического описания грамматических категорий. Материал здесь сконцентрирован по суффиксам. Тем самым категории одной и той же микросистемы оказались разобщенными. Говоря о частях речи среднекорейского языка, Ко Ёнгын выделяет глаголы, прилагательные, связки и служебные глаголы, отдельно рассматривая предикативы наличия/отсутствия *is-* и *eps-*. Все глаголы автор делит на классы относительно переходности/непереходности. На основании этого деления, он выделяет некоторые особенности спряжения, как, например, присоединение форманта *-a-* к переходным и *-ke-* к непереходным глаголам. Прилагательные он делит на следующие классы:

- прилагательные, выражающие восприятие, оценку предмета, сравнение, психическое состояние и т.п. Например:

kil- «длинный», *sulphu-* «грустный», *alomtap-* «красивый»

- ко второму классу относятся следующие прилагательные:

(а) *ileho-* «такой (близкий к говорящему)», *kuleho-* «такой (средней удаленности,

---

⁴⁴ Ко Ёнгын. Пхёджун чуньсе кугё мунпёнмон. (Ко Ёнгын. Грамматика литературного средневекового корейского языка). Сеул, 1997.

близкий к слушающему)», *tyeleho-* «такой (удаленный как от говорящего, так и от слушающего)»

(б) *esteho-* «какой», *amolaho-* «какой-либо, никакой»

В (а) даны примеры указательных прилагательных, отражающих различную степень удаленности от говорящего и слушающего.

В том случае, когда неизвестен предмет обсуждения, используется первое прилагательное из примера (б), в отрицательных же предложениях - второе прилагательное.

Почему автор выделяет именно эти классы и особенности глаголов и прилагательных, остается неясным.

В спряжении предикатива наличия *is-* Ко Ёнгын отмечает больше глагольных черт, а в спряжении предикатива отсутствия *eps-* - больше черт прилагательного, однако просто причислить эти предикативы к классу глаголов или прилагательных нельзя.

Говоря о вспомогательных глаголах и прилагательных Ко Ёнгын имеет в виду предикативы, которые входят в состав аналитических конструкций, например:

1. Конструкции со значением направленности действия:

(-e) *ka-*

(-e) *wo-*

(-kwo) *is-*

2. Конструкции со значением завершенности:

(-e) *na-*

(-e) *noy-*

(-e) *poli-*

3. Конструкции со значением попытки:

(-a/-e) *pwo-*

4. Конструкции со значением результативности (сохранение результата):

(-e) *twu-*

(-e) *nwoh-*

5. Пассивные конструкции:

(-key) *to-woy-*

(-e) *ti-*

6. Каузативные конструкции:

(-key) *ho-*

7. Отрицательные конструкции:

(-ti/tul) *aniho-*

(-ti) *mwosho-*

(-ti, -key, -e) *mal-*

8. Конструкции со значением обязательности:

(-esa) *ho-*

Кроме того, существует класс дефектных глаголов, в качестве типичного примера Ко Ёнгын приводит глагол *kol-* 'говорить', которые имеет только формы *kol-wo-toy* и *kol-won*. Другие формы этого глагола в памятниках не зафиксированы.

В главе «Правила и исключения в спряжении» Ко Ёнгын рассматривает правила чередования основ и окончаний.

Сведения, приводимые Ко Ёнгыном в данной работе, как правило, отрывочны и не систематизированы.

Среди общей массы работ подобного рода хотелось бы отметить «Историческое исследование грамматической системы корейского языка» Ли Сониль⁴⁵. В последней главе этого исследования, посвященной описанию морфологических особенностей языка XVIII в. на материале трех памятников *Ногольтэ онхэ*, *Монъго ногольтэ*, *Чонго ногольтэ* автор отмечает, что язык этого периода характеризуется большой неустойчивостью, поскольку относится к переходному периоду, большой вариативностью форм, появлением новых окончаний, несущих эмоциональную нагрузку и т.д.

В этом разделе Ли Сониль отдельно рассматривает падежную систему и формы конечной сказуемости предикативов. Описывая падежную систему языка памятников, автор приходит к выводу, что основные падежные показатели практически не отличаются от среднекорейских, однако есть определенные нюансы, отличающие язык рассматриваемых памятников от среднекорейского.

Все формы конечной сказуемости он делит на изъявительные и повелительные. В рамках изъявительного наклонения автор отдельно описывает повествовательные и вопросительные окончания, при этом не выделяя потенциального и очного наклонения. Однако в соответствующих пунктах описания он отмечает, что морфема *-li-* имеет значение неуверенности и потенциальности, а морфема *-te-* привносит оттенок непосредственного восприятия, очности. В рамках повелительного наклонения Ли Сониль выделяет строгие повелительные формы, пригласительные и желательные.

Подводя итог своей работе, автор специально отмечает, что он описал не все особенности языка XVIII в., а только самые характерные черты, которые могут быть интересны исследователям корейского языка в историческом аспекте.

---

⁴⁵ *И Сониль*. Мунпоп чхеге саджок йонгу. (Ли Сониль. Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сеул, 1973.

Нельзя не упомянуть также работу другого южнокорейского автора, посвященную описанию временных показателей предикатива. Это «История развития корейского языка» Хо Уна⁴⁶. В соответствующем разделе, посвященном языку XVIII в., автор описывает временные и аспектуальные показатели. Он выделяет несколько простых формантов со значением длительности *-no-, -non*, ретроспективности *-te-/ta-, -ten/-tan*, неопределенности *-uli, -ulin, -ul* и определенности *-uni, -un*. Затем автор приводит примеры их возможных комбинаций и окончаний, в которых эти простые форманты выступают в качестве элементов. Работа содержит много фактического материала, но значения конкретных окончаний, а также их условия употребления не объяснены.

Надо отметить, что методы описания Хо Уна и Ли Сония очень похожи. Они классифицируют окончания, исходя не из смысла всего сочетания, но деля рассматриваемую последовательность на морфемы, таким образом, значение всего окончания складывается из значения отдельных его составляющих. Такой способ описания, на наш взгляд, для XVIII в. уже не приемлем, так как многие морфемы потеряли свое основное значение и не привносят никаких специальных оттенков в показатель. Поэтому рассматривать такие последовательности ранее самостоятельных морфем следует как неразложимые окончания.

Трудность, с которой сталкиваются европейцы при работе с трудами корейских ученых заключается в том, что, во-первых, требуются широкие знания не только средневековой художественной литературы, но и ее языка; и, во-вторых, это исследования в основном описательного характера, т.е. они не представляют, как правило, язык как систему независимо от того, какие ее элементы могут оказаться неизвестными читателю.

Из работ западных лингвистов наиболее важным для изучения истории корейского языка, с нашей точки зрения, является фундаментальный труд С. Мартина⁴⁷. Несмотря на то, что грамматическая система Мартина сложна для понимания, поскольку, на наш взгляд, он часто непоследователен в выделении тех или иных грамматических категорий, необоснованно распределяет формы по разным категориям и т.д., другие работы подобного рода не могут конкурировать с ней по количеству собранного фактического материала.

Для создания истории развития грамматического строя корейского языка особое значение имеет лингвистическое описание литературных памятников. Это направление в корейистике пока еще молодо. Среди работ, рассматривающих вопросы грамматического строя отдельных памятников, следует отметить, прежде всего, труд Чон Чэхва

---

⁴⁶ Хо Унь. Куго ттэмэкимпоп-ый пйончхонса (Хо Ун. Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сеул, 1987.

«Лингвистическое исследование *Туси онхэ*»⁴⁸. В нем подробно рассматривается фонетика и морфология письменного памятника XVI в. «Стихи Ду Фу, переведенные на корейский язык». В отечественной корееистике до сих пор было всего две работы подобного рода. Это рукопись А.А.Холодовича, представляющая собой систематическое описание XV в., написанного новой корейской письменностью, «*Рёнъ пи ѓтхён ка*» («Ода о драконе, летящем в небе»). Она является ценнейшим источником для изучения среднекорейского языка раннего периода. Благодаря тому, что в этой работе автор описывает язык XV в. как систему, удается установить массу распределений, как грамматических, так и лексических. Наиболее близкой к предмету данного исследования представляется диссертация В.В.Верхоляка «Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в.: на материале "Пак тхонъса онхэ"» на соискание ученой степени кандидата филологических наук, посвященная описанию предикативов памятника XVII в.

В своей работе мы стремились в ряде случаев конкретизировать, а в некоторых случаях обобщить или переосмыслить приводимые в упомянутых исследованиях данные или оценки.

В работах по общему языкознанию на русском языке корейский материал привлекается все еще крайне редко и скупо. В этих условиях целью исследований по истории корейского языка должна быть, прежде всего, интерпретация его фактической истории. Однако, несмотря на то, что уже ведутся работы по обобщению фактов истории корейского языка, лингвистическое описание памятников продолжает сохранять свою актуальность. Общий путь эволюции языка требует конкретизации и установления этапов этого развития, равно как и определения времени и последовательности языковых явлений. В этом плане особое значение имеет описание памятников тех веков, язык которых мало изучен. Каждый новый исследованный и описанный памятник представляет в распоряжение историков языка новый фактический материал, который может помочь уточнению уже известной исследователям картины или подтвердить правильность ранее сделанных выводов.

2. Общие сведения о предикативах в среднекорейском и ранненовокорейском языке.

2.1. Понятием предикатива в работе объединяются лексические единицы, способные выступать в функции сказуемого предложения. Это глаголы, стивы и связки.

В некоторых грамматических описаниях (Холодович, Ко Ёнгын, Ли Сониль и др.) прилагательные выделяются в отдельный грамматический класс. Мы считаем такое

---

⁴⁷ Martin S.E. A Reference Grammar of Korean. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan. 1992.

выделение нецелесообразным. Если противопоставление существительных и глаголов является универсальным, более того, распределение предикатов между этими двумя классами в значительной степени совпадает во всех естественных языках, напротив, самостоятельный грамматический класс прилагательных выделяется далеко не везде, и объем этого класса (даже если он выделяется) в разных языках оказывается существенно различным. Обычно говорят о трех основных типах языков: «адъективные» языки (т.е. языки с самостоятельным классом прилагательных), «глагольные» языки (т.е. языки, в которых прилагательные являются подклассом глаголов) и «именные» языки (т.е. языки, в которых прилагательные являются подклассом существительных).

В «глагольных» языках, как правило, выделяется более менее значительная группа так называемых «качественных глаголов», или «стативов», которые могут иметь особую видовременную парадигму, различать меньшее число форм и т.п.; эти глаголы по своей семантике соответствуют прилагательным европейских языков; атрибутивную функцию в предложении выполняют причастия качественных глаголов. Согласно этой классификации корейский язык принадлежит к классу «глагольных» языков. Так, русскому сочетанию *большой дом* будет соответствовать корейское *khun cip*, где *khun* атрибутивная форма от качественного глагола *khu-ta* ‘быть большим’. В языке памятника XVIII в. отличия качественных глаголов проявляются, прежде всего, в следующем: они лишены некоторых характеристик, например, переходность/непереходность, предельность/непредельность и др., присоединяют особые окончания финитных форм, имеют особую причастную парадигму: вместо трех причастий глагола (настоящего *-nip*, прошедшего *-(o/u)n* и будущего времени *-(o/u)l*) у качественных глаголов имеется только одно, признаком которого является окончание *-(o/u)n*. Оно указывает на атрибутивный характер отношения глагола к имени и не обозначает времени. Поэтому мы не будем вслед за большинством корейских и отечественных лингвистов выделять прилагательные в отдельный грамматический класс, а объединим их с глаголами и связками и по ходу описания укажем конкретные зафиксированные особенности их парадигмы.

К классу *связок* относятся утвердительная связка *i-* и отрицательная связка *ani-*. Связки близки к глаголам по следующим признакам: невозможность употребления связки без окончания, общность словоизменительной парадигмы, сходство синтаксических функций. Отличительные признаки: отсутствие категории залога, модальности и способа действия, неспособность образовывать формы некоторых наклонений, некоторых видов деепричастий (цели, намерения и др.).

---

⁴⁸ Чон Чэхва. Туси онхэ-ый кугдохакчок йонгу (Чон Чэхва. Лингвистическое исследование «Туси онхэ»). Тхоньмунгван, Сеул, 1973.

2.2. Морфонология предикативов.

2.2.1. Морфонология корня.

Традиционная кореистика придерживается такого формата представления морфологических данных, при котором *предикативы* членятся на четыре составляющие: корень, основообразующий гласный, суффикс и окончание. В данной главе мы изложим традиционную точку зрения, а также представим иной способ описания, которого будем придерживаться мы в данном исследовании.

Все предикативные *корни* классифицируются двояким образом: по качеству последнего звука корня и качеству последнего слога. В зависимости от конечного звука корни распадаются на два **класса**. В один класс входят корни с *конечным гласным*: *рwo-* “смотреть”, *ho-* “делать” и т.д. В другой класс входят корни с *конечным согласным*, например: *сwuk-* “умирать”, *mwus-* “спрашивать”, *mek-* “кушать” и т.д. В зависимости от качества гласного конечного слога корни также распадаются на две **группы**: в одну входят корни, конечный слог которых содержит *открытый гласный* (*a, wo, o*), во вторую группу - корни, конечный слог которых содержит *закрытый гласный* (*e, wi, u*). Так, например, корни *pat-* “получать”, *wo-* “приходить”, *ho-* “делать” принадлежат к первой группе, а корни *сwi-* “давать”, *mek-* “кушать”, *tus-* “слушать” - ко второй группе. У корней, имеющих в своем составе конечный слог *-lo*, принадлежность к той или иной группе определяется по гласному предпоследнего слога, например: *wolo-* “подниматься”, принадлежит к первой группе (по гласному *wo* в предпоследнем слоге), а *hulo-* “течь” - ко второй группе (по гласному *u* в предпоследнем слоге). Корни с конечным *-i* (не в составе дифтонга) принадлежат ко второй группе, например: *kichi-* “причинять (зло)”.

Корень не может выступать в составе предложения как самостоятельное слово без каких-либо аффиксальных морфем. Соединение корней с аффиксами словоизменения происходит либо непосредственно, либо с помощью особых гласных, которые вместе с корнем образуют сложную морфему, называемую основой. В среднекорейском языке XV в. было шесть основообразующих гласных:

<i>o</i>	<i>u</i>
<i>a</i>	<i>e</i>
<i>wo</i>	<i>wi</i>

противопоставленных друг другу по линии **открытого** или **закрытого** характера гласного: открытым гласным левого столбца противопоставлены закрытые гласные правого столбца. Выбор основообразующего гласного зависел от характера гласного в последнем слоге корня: открытому гласному корня соответствовал открытый основообразующий гласный, закрытому гласному корня соответствовал закрытый

основообразующий гласный. Но уже к XVII веку в корейском языке происходит нарушение сингармонизма, и в языке памятника XVIII в. мы наблюдаем такие формы: *wul-o-m* “плач” вместо ожидаемого *wulum*, наряду с формами *kel-o-m* “шаг”, *tek-u-ni* от *tek-* “кушать” и т.д. В современном языке в этом случае сингармонизма нет, каждый форматив унифицировал один из сингармонических вариантов гласного (например, **wul-u-m**, **kel-u-m** и т.д.).

Основообразующие гласные вместе с корнем образуют сложную морфему, которую мы называем формообразующей *основой* (далее – просто *основа*).

Таким образом, в языке XV века присутствовали четыре основы:

Первая основа -	корень + нулевой гласный
Вторая основа -	корень + гласные <i>o</i> или <i>u</i>
Третья основа -	корень + гласные <i>a</i> или <i>e</i>
Четвертая основа -	корень + гласные <i>wo</i> или <i>wu</i>

Не все корни способны образовывать четыре различающиеся основы. В зависимости от способности корня образовывать все четыре различающиеся основы мы и распределили все корни на два класса: класс корней с закрытым конечным слогом и класс корней с открытым конечным слогом⁴⁹.

Корни с *закрытым* слогом образуют все четыре основы:

	<i>anc-</i> ‘сидеть’	<i>swuk-</i> ‘умирать’
первая основа	<i>anc-</i>	<i>swuk-</i>
вторая основа	<i>anc-o-</i>	<i>swuk-u-</i>
третья основа	<i>anc-a-</i>	<i>swuk-e-</i>
четвертая основа	<i>anc-wo-</i>	<i>swuk-wu-</i>

Корни с *открытым* конечным слогом образуют основы следующим образом:

1. Корни с конечным *o* и *u* образуют **четыре** различающиеся основы, но конечный гласный корня при присоединении основообразующего гласного выпадает:

	<i>tho-</i> ‘ехать верхом’	<i>psu-</i> ‘использовать’
Первая основа	<i>tho-</i>	<i>psu-</i>
Вторая основа	<i>th(o)-o-</i>	<i>ps(u)-u-</i>
Третья основа	<i>tha-</i>	<i>pse-</i>
Четвертая основа	<i>thwo-</i>	<i>pswu-</i>

2. Корни с конечным дифтонгом типа *woy* и *wuy* образуют только **три** различающиеся основы:

<i>pay-</i> ‘выдвигать’	<i>syey-</i> ‘ставить’
-------------------------	------------------------

⁴⁹ См. Холодович А.А., 1986.

первая основа	<i>nau-</i>	<i>syey-</i>
вторая основа	<i>nau-</i>	<i>syey-</i>
третья основа	<i>nau-y-a-</i>	<i>syey-y-e-</i>
четвертая основа	<i>nau-y-wo</i>	<i>syey-y-wi</i>

Вторая основа в этом случае совпадает с первой. В третьей и четвертой основе между корнем и основообразующим гласным появляется «скользящее у».

3. Корни с конечным *i* образуют только **три** различающиеся основы, при этом конечный гласный корня сливается с основообразующим гласным в дифтонг.

	<i>ti-</i> ‘падать’
первая основа	<i>ti-</i>
вторая основа	<i>ti-</i>
третья основа	<i>ti-e->tye</i>
четвертая основа	<i>ti-wu>tyu</i>

Вторая основа в этом случае совпадает с первой.

4. Корни с конечным *lo* образуют только **три** различающиеся основы, при этом при присоединении основообразующего гласного конечный гласный корня выпадает, а предшествующий согласный удваивается.

	<i>wolo-</i> ‘подниматься’	<i>hulo-</i> ‘течь’
первая основа	<i>wolo-</i>	<i>hulo-</i>
вторая основа	<i>wolo-</i>	<i>hulo-</i>
третья основа	<i>woll-a-</i>	<i>hull-e-</i>
четвертая основа	<i>woll-wo</i>	<i>hull-wu-</i>

Вторая основа в этом случае совпадает с первой.

5. Корни с конечными *wo* или *wi* образуют только **две** различающиеся основы:

	<i>pwo-</i> ‘видеть’	<i>swi-</i> ‘давать’
первая основа	<i>pwo-</i>	<i>swi-</i>
вторая основа	<i>pwo-</i>	<i>swi-</i>
третья основа	<i>pwo-a-</i>	<i>swi-e-</i>
четвертая основа	<i>pwo-</i>	<i>swi-</i>

Первая, вторая и четвертая основы совпадают.

6. Корни с конечным *a* или *e* не присоединяют основообразующих гласных. Основы в них различаются также, как различаются на фоне других парадигм:

	<i>ka-</i> ‘стоять’	<i>syе-</i> ‘стоять’
первая основа	<i>ka-</i>	<i>syе-</i>
вторая основа	<i>ka-</i>	<i>syе-</i>

третья основа	<i>ka-</i>	<i>syē-</i>
четвертая основа	<i>ka-</i>	<i>syē-</i>

Особое место занимают корни с конечным *l*. Как и все корни с конечным закрытым слогом, они имеют четыре различающиеся основы. Однако во второй основе основообразующий гласный не присоединяется, а конечный согласный основы выпадает и корень таким образом превращается в открытый.

	<i>sal-</i> ‘жить’	<i>tul-</i> ‘входить’
первая основа	<i>sal-</i>	<i>tul-</i>
вторая основа	<i>sa-</i>	<i>tu-</i>
третья основа	<i>sal-a</i>	<i>tul-e-</i>
четвертая основа	<i>sal-wo-</i>	<i>tul-wu-</i>

Все описанные особенности образования основ в среднекорейском языке сохранились и в ранненовокорейском языке, что подтверждается материалами памятника, с оговоркой на некоторое перераспределение функций основ.

Также от среднекорейского языка ранненовокорейский унаследовал *неправильные предикативы*. Неправильными мы называем такие предикативы, основы которых образуются не по правилам, приведенным выше. К неправильным предикативам относятся *ho-* ‘делать, говорить’, *is-* ‘быть’, *eps-* ‘не быть’, *kyeysi-* ‘быть, жить, находиться’. По образцу неправильного предикатива *kyeysi-* изменяется и аффикс вежливости *-(o/u)si*.

Первая основа	<i>ho-</i>	<i>is-</i>	<i>eps-</i>	<i>kyeysi-</i>
Вторая основа	<i>ho-</i>	<i>is-i-</i>	<i>eps-u-</i>	<i>kyeysi-</i>
Третья основа	<i>ho-ya-</i>	<i>is-y-</i>	<i>eps-a/e</i>	<i>kyeysy-a-</i>
Четвертая основа	<i>ho-y-wo, hwo</i>	<i>is-y-wo/wu</i>	<i>eps-wo/wu</i>	<i>kyeysy-a-</i>

Как правило, функции основ были строго дифференцированы. Каждая основа существовала для того, чтобы присоединять к себе аффиксы или окончания определенного типа. Так, например, окончание деепричастия *-kwo* присоединялось только к первой основе, окончание деепричастия *-lye* ко второй основе и т.д. Четвертая основа в среднекорейском языке употреблялась для присоединения окончаний инфинитива *-m* и деепричастия *-toy*. Присоединение указанных окончаний является основной функцией этой основы. Однако четвертая основа несла и факультативные, вторичные функции. На материале Оды⁵⁰ зафиксированы случаи замены второй основы четвертой при присоединении к предикативу окончаний с начальным *l* или *n*, которые обычно требуют второй основы. Это чередование, видимо, не вносило дополнительного значения в предикатив. В языке памятника XVIII в. мы уже наблюдаем обратный процесс: основные

⁵⁰ См. Холодович А.А., 1986.

функции четвертой основы, присущие ей в XV в., взяла на себя вторая, и в памятнике нам не встретились формы с основообразующими гласными *wo* или *wu*, за исключением случаев употребления деепричастия *-toy*, присоединяемого к основообразующему гласному *wo*, например: *nil-wo-toy* (9, 8) от *nilo-* “говорить”.

Так представляет морфологические данные традиционная корейстика. В данном исследовании мы предлагаем несколько иной формат представления. Изложим его.

Все аффиксы мы условно разделим на 2 категории:

1. одновариантные (употребляемые непосредственно после корня):

а) аффикс вежливости *-suW-*

б) аффиксы времени (аспекта по Мартину): *-ke-*, *-te-*

в) окончания финитных форм глагола (категории конечной сказуемости): *-ta*, *-nwola*, *-kwo*, *-nonyo*, *-nonya*, *-twota*, *-ita*, *-noita*, *-noniiska*, *-twoswoita*, *-tela*, *-lela*

г) окончания нефинитных предикативных форм (деепричастий): *-kwo*, *-noni*, *-teni*, *-taka*, *-noncila*, *-kenul*, *-keniwa*, *-ketun*, *-kwocyu*, *-key*

д) окончание атрибутивной формы (окончание причастия настоящего времени) *-non*

е) окончание отглагольного имени действия (масдара): *-ki*, *-ci*

2. двухвариантные:

2.1 двухвариантные аффиксы, начинающиеся на гласный среднего ряда *o/u*:

а) аффикс вежливости *-(o/u)si-*

б) окончания финитных форм глагола (категории конечной сказуемости): *-(o/u)nila*, *-(o/u)nyo*, *-(o/u)nya*, *-(o/u)niita*, *-(o/u)niiska*, *-(o/u)niiskwo*, *-(o/u)lila*, *-(o/u)lilwota*, *-(o/u)lnwola*, *-(o/u)lya*, *-(o/u)liwo*, *-(o/u)lka*, *-(o/u)lkwo*, *-(o/u)liita*, *-(o/u)liiska*, *-(o/u)liiskwo*, *-(o/u)lswonya*, *-(o/u)lilwoswoita*, *-(o/u)la*, *-(o/u)syosye*

в) окончания нефинитных предикативных форм (деепричастий): *-(o/u)mye*, *-(o/u)ni*, *-(o/u)lini*, *-(o/u)moy*, *-(o/u)mulwo*, *-(o/u)ncila*, *-(o/u)lcila*, *-(o/u)na*, *-(o/u)lyeniwa*, *-(o/u)toy* (для XVIII в.), *-(o/u)myen*, *-(o/u)lcintoy*, *-(o/u)la*, *-(o/u)lye*/*-(o/u)lya*, *-(o/u)lak*

г) окончания атрибутивных форм (окончания причастий) *-(o/u)n*, *-(o/u)l*

д) окончания отглагольного имени действия (масдара): *-(o/u)m*

Правила употребления этих двухвариантных аффиксов следующие:

- вариант типа *-o/uni* употребляется после корней, оканчивающихся на согласный (варианты *o/u* выбираются по закону сингармонизма);

- вариант типа *-ni* употребляется после корней, оканчивающихся на гласный.

2.2. двухвариантные аффиксы, начинающиеся на особый согласный {H}, например, нефинитный предикативный аффикс *-{H}a/e*, *-{H}(wo/wu)toy*, аффикс

прошедшего времени $\{-N\}as-/es-/yes-$. Этот согласный падает после гласных и согласных, но удваивает конечный глайд корня. Например:

	1	2
1	$-y=$	$-lo=$
2	$-y-y-$	$-ll-$

Особенности групп корней:

1. по материалам Оды (XV в.)

	1	2	3	4	5	6	7
1	$-p=$	$-s=$	$-t=$	$-s=$	$-i=$	$-o/u=$	$-l=$
2	$-w=$	$-sk=$	$-l=$	$-c=$	$-y=$	$-0=$	$-0=$

2. по материалам памятника XVIII в.

	1	2	3	4	5	6
1	$-p=$	$-t=$	$-s=$	$-i=$	$-o/u=$	$-l=$
2	$-w=$	$-l=$	$-0=$	$-y=$	$-0=$	$-0=$

1. Для групп 1-6 таблицы 1. и 1-5 таблицы 2. правила распределения ступеней чередования следующие: перед аффиксами, начинающимися с согласного, корень имеет ступень чередования 1. Перед аффиксами, начинающимися с гласного, корень принимает ступень чередования 2.

2. Если открытый корень (на гласную) присоединяет аффикс, начинающийся с той же гласной, что и гласный корня, они сливались с последующей утерей или неотражением на письме долготы.

3. Корни группы 7 таблицы 1. и 6 таблицы 2. принимают вторую ступень чередования перед аффиксами, начинающимися с гласного среднего ряда o/u .

Проф. Маэма предполагает, что в период, непосредственно предшествующий написанию Оды, в корейском языке было два L . Одно l он именует слабым, другое l – сильным.

Слабый вариант l довольно легко выпадал. Его можно обнаружить в большой группе глаголов с конечным $l=$ в корне ($al-$ «знать», $sal-$ «жить» и т.д.). Известно, что при присоединении некоторых окончаний это l выпадало. Именно этим можно объяснить тот факт, что при присоединении аффикса с начальным $-o/u-$ теряет конечный согласный корня (за исключением аффикса вежливости $-(o/u)si-$).

Весьма возможно, что это же «слабое» l было и в составе многих имен существительных, которые потом утеряли его в средневековом языке бесследно.

Сильное *l* изображалось, по мнению проф. Маэма, в ауслауте глаголов слогом *-lo=* (конечное *o* было таким образом своего рода диакретическим знаком, свидетельствующим о *l* иного рода). Это *l* не только никогда не выпадало, но при образовании основ легко удваивалось, давая геминат *-ll-*.

Эти соображения остаются пока гипотезой, требующей дальнейшего обоснования.

2.2.2. Морфонология аффиксов.

На морфонологическом уровне языков памятников, по видимому, действовали следующие правила:

1. $i.tV \Rightarrow .TV$ (где *T* - любой смычный). Такой процесс мы можем наблюдать в окончаниях финитных форм, например: $-(o/u)n.ka < -(o/u)ni- + -ka$, $-(o/u)n.ta < -(o/u)ni- + ta$.

Это правило действует факультативно и представляет собой маргиналию для языка памятника (встретилось 18 ($-non.ta - 2$, $-(o/u)n.ka - 1$, $-non.ka - 1$, $-(o/u)n.kwo - 1$, $-(o/u)l.ka - 10$, $-(o/u)l.nwo.ta - 3$) форм, демонстрирующих его действие, на 83 ($-(o/u)ni.a - 4$, $-no.ni.a - 2$, $-(o/u)ni.wo - 13$, $-no.ni.wo - 18$, $-(o/u)li.a - 3$, $-(o/u)li.wo - 43$.) форм, в которых имеются условия для действия правила, но оно не продействовало); действие его предшествует действию следующих двух правил, не упорядоченных относительно друг друга:

2. а) $i.tV \Rightarrow i.IV$, например, $-(o/u)ni.la < -(o/u)ni + ta$

б) $V.kV \Rightarrow V.V$, например, $-(o/u)ni.a < -(o/u)ni + ka$

3. Следующим после действий правил вышеописанной группы действует диссимилятивное правило:

$-l = + -lV \Rightarrow -l = nV$, например, при присоединении окончания императива к основе запретительного предикатива *mal-*: *mal-na*.

Большая часть описываемых грамматических показателей ранненовокорейского языка представляют собой «вторично-синтетические» формы, происходящие из среднекорейских аналитических путем слияния их компонентов в одно целое (с утратой одного или нескольких гласных, ассимиляцией и различными сандхи).

Выделяются следующие типы **окончаний**:

- а) окончания финитных форм глагола;
- б) окончания определительных (атрибутивных) форм;
- в) окончания нефинитных предикативных форм, или деепричастия;
- г) окончания отглагольного имени действия (масдар).

Мы будем различать следующие типы **аффиксов**:

- а) аффиксы вежливости,
- б) аффиксы времени.

Аффиксы являются наиболее распространенным, но не единственным способом передачи грамматического значения. Некоторые значения могут быть выражены аналитически. Таким способом в языке памятника выражаются граммы категорий залога, модальности, способа и направленности действия.

ГЛАВА III АФФИКСЫ

Аффиксы вежливости

1. Как и в современном языке, в среднекорейском языке присутствовали специальные средства для выражения вежливости как к собеседнику, так и к субъекту действия.

Эти два типа вежливости реализовывались в языке по-разному: вежливость к собеседнику (система форм, составляющая категорию ориентации) выражалась морфологическим способом в рамках категории конечной сказуемости (подробнее см. *Гл. Категория конечной сказуемости*), вежливость же к субъекту действия передавалась лексико-морфологическим способом с помощью аффикса *-(o/u)si*⁵¹.

В «Грамматике корейского языка» 1937г. А.А. Холодович называет эти формы «социальными»: «Социальная форма корейского глагола – наследие феодализма. Феодальная структура общества, феодальные общественные отношения, феодальное мировоззрение, идеология, выросшая на базе этих общественных отношений – вот источник образования и развития той сложной и очень трудной системы социальных форм, которую имеет корейский язык. В чем же особенность феодального мировоззрения, феодальной идеологии? Одной из основных черт этой идеологии является **иерархичность**. Все отношения членов общества друг к другу строго очерчены, каждому члену общества предписаны определенные правила поведения. Отношения сюзерена к вассалу, старшего к младшему, родителей к детям, мужчины к женщине – все это расписано по нормам и предписано писанным и неписанным законом феодального общества. Стиль поведения каждого члена общества, занимающего в нем то или иное положение, определяется этим самым положением. Образуется целая система стилей – высокие, благородные, низкие, подлые. Есть высокий, благородный язык, на котором могут говорить только феодалы, есть подлый, низкий язык, которым «предопределено» говорить крестьянину. Создается иерархия морали, иерархия литературы, иерархия языка. В феодальных странах Востока эта иерархия, ступенчатость языка достигла исключительных размеров»⁵².

---

⁵¹ Помимо упомянутых морфологического и лексико-морфологического способов выражения вежливости в корейском языке есть еще лексический способ. Он заключается в том, что язык вырабатывает целую систему различных, нетождественных по своей социальной значимости слов для выражения одного и того же, объективно тождественного самому себе содержания. Примерами лексической дифференциации являются такие местоимения, как *syosoung* (я в разговоре с вышестоящим), *syoso* (я в разговоре с родственниками), *shuenschuer* (я женщина о себе в разговоре с мужчинами), *kwain* (я король о себе), вежливый вариант предикатива наличия *kyeysi*- и т.д.

⁵² Холодович А.А. Грамматика корейского языка. Ч.1. Морфология. М.,1937 г. С.23.

Аффикс вежливости *-(o/u)si-* указывает на то, что действие или признак принадлежат лицу (выраженному в подлежащем), занимавшему в общественной иерархии относительно высокое положение⁵³. Эта морфема может комбинироваться с другими грамматическими показателями, создавая систему вежливых форм, параллельную системе немаркированных (невежливых/нейтральных) форм.

Особо следует отметить случаи присоединения аффикса вежливости к корням на *-l-* в ранневокорейском, как и в среднекорейском такие корни не теряют конечный согласный, например: *nal-o-si-* от *nal-* «летать». В современном же языке аффикс *-(o/u)si-* присоединяется к усеченной форме корня с конечным *-l-*: *na-si-* от *nal-* «летать», а не **nal-u-si-*.

Сочетание корня с аффиксом *-(o/u)si-* не употребляется в качестве самостоятельного слова, только при присоединении последующих окончаний финитных (1) или нефинитных (1,2) форм. Например:

1. *il-wel-i wo-loy-ni syen-il-ul hwok-cya nwi-wus-cho-sya hoy-o- lul pwo-si-myen sya-chi a-ni-si-li-is-ka* (8,2)

день-месяц-NOM давний-ДЕЕП раньшеАСС какой-то человек раскаиваться-ВЕЖ-ДЕЕП маленький ребенок- АСС смотреть-ВЕЖ-ДЕЕП щадить-ОТР не быть-ВЕЖ-КС

Прошло уже много времени с тех пор, как мы приехали сюда, может быть, он раскаялся в своем поступке? (Ли Хён о своем отце)

2. *swo-cyuy woy-ka-lwo ka-si-ta-ka so-koy i-kye hyel-hyel-il-sin-i sye-kyeng-uy nyu-lak-ho-sya syo-soyng-ul na-hu-si-ni* (30,8)

Сучжоу дом матери-INST идти-ВЕЖ-ДЕЕП несчастье-NOM побеждать-ДЕЕП одинокий и бездомный-сам-NOM Сицзин-GEN жить на чужбине-ВЕЖ-ДЕЕП я-АСС рожать-ВЕЖ-ДЕЕП

Она отправилась в Сучжоу к своим родственникам, но случилось несчастье, и она разрешилась мной в одиночестве, скитаясь у Сицзина.

В этом предложении трижды употреблен аффикс *-(o/u)si-*: один раз перед деепричастием *-taka*, второй – в форме деепричастия предшествования от глагола *nyulakho-* “скитаться”, третий - перед окончанием деепричастия предпосылки *-(o/u)ni*.

Некоторые исследователи отмечают, что аффикс *-(o/u)si-* в среднекорейском языке мог выражать вежливость не только по отношению к подлежащему (субъекту действия), как в современном языке, но и по отношению к дополнению, то есть для среднекорейского не было такого ограничения на употребление гонорифического

⁵³ Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986.С. 34.

суффикса, как для современного корейского языка. На нашем материале примеров такого употребления не зафиксировано.

2. Второй аффикс вежливости *-zow-* в традиционных описаниях называют аффиксом уничижительности⁵⁴.

Для языка XV в. Мартин⁵⁵ дает одну базовую форму аффикса уничижительности *-zoW-< -zop-< *-so po-* или **-oso po* и считает, что формы с начальным *-s-* являются ассимиляциями. Эта точка зрения расходится с той, что он принял в своей работе 1982 г., где в качестве базовой формы он предлагал показатели с начальным *-s-*, как для реконструкции более ранней основы.

Холодович⁵⁶ же констатирует два варианта аффикса уничижительности, не выделяя ни один в качестве базового: *-zow-* и *-sow-*. В XV в. они присоединялись непосредственно к корню предикатива. Порядок распределения вариантов следующий: первый вариант *-zow-* присоединяется к корню-основе с конечным гласным, второй вариант *-sow-* – к корню-основе с конечным согласным, кроме *t, c, ch*. После корней с конечными *t, c, ch* начальный согласный аффикса ассимилируется конечному согласному корня и заменяется *c*: *-sow->-cow-*. У корней с конечным *h, lh* согласный *h* ассимилируется первому согласному аффикса и заменяется *s*, которое пишется рядом с начальным *s* аффикса: *-ssow-*. Корни с конечным *l* ведут себя как корни с конечным гласным, т.е. присоединяют *-zow-* и конечный *l* корня выпадает:

3. *sin-i kyeng-so-lwo wo-op-ta-ka syeu-cyuy il-hyen chyon-ka-tyung-uy tu-o-ni* (52,9)

я-NOM столица-INST приходить-УНИЧ-ДЕЕП Цичжоу-провинция деревенский дом-посреди-GEN входить-УНИЧ-ДЕЕП

По пути в столицу я остановился в области Цичжоу в деревенском доме.

В этом примере аффикс уничижительности присоединяется к «усеченной» основе глагола *tul-* «входить».

Аффикс *-zow-/sow-* чередуется по формуле *w-p*.

Дальнейшая история этого аффикса представляется в следующем виде:

1. Анлаут аффикса *z* превратился в нуль, что связано с общей судьбой звука *z* в корейском языке.

2. Варианты анлаута *s*, т.е. *c* и *ss* исчезли; осталось одно *s*. Инлаут сохранился.

3. Ауслат *p* изменялся по правилам, описанным для групп корней в Гл. II .

---

⁵⁴ В англоязычной литературе этот аффикс называется *Deferential marker* «аффикс почтительности».

⁵⁵ *Martin S. P.268.*

⁵⁶ *Холодович А.А.* Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986.С. 32.

В дальнейшем изменения затронули только инлаут: в положении перед согласным он перешел в *u*, согласно общему закону развития *o* в непервом слог⁵⁷; перед гласными он исчез.

Эти морфемы ныне обнаруживаются в составе окончаний **-p.ni.ta** и **-sup.ni.ta**. Начальные элементы этих окончаний восходят к аффиксу уничижительности. Эти же морфемы обнаруживаются и в окончаниях **-wo** и **-swo** (например, **ka-swo** “иду” от **ka-“идти”**, **mek-swo** “ем” от **mek-** “есть”).

В памятнике XV в. сочетание корня с аффиксом уничижительности не употреблялось самостоятельно, чаще всего он употреблялся вместе с окончанием деепричастия, иными словами, в обстоятельственной функции. Например:

4. *syo-chyep-i thyung-nyen-uy sul-ha-uy uy-thak-ho-wa e-yes-pi ne-ki-si-non un-hyey-lol pas-co-wa* (66,2)

я-NOM отрочество-GEN у ног-GEN опираться-УНИЧ-ДЕЕП искренность считать-ВЕЖ-ПРИЧ милость-АСС получать-отдавать-ДЕЕП

Я в юные годы, опираясь о ваши колени, пользовалась вашими милостями.

5. *sin-i syeng-syang un-thoyk- ul nip-so-wa yen-puk-uy two-up-ho-ni* (54,7)

я-NOM наш король благодеяние- АСС получать-УНИЧ-ДЕЕП Яньбэй-GEN столица-делать-ДЕЕП

Получив милость государя, я обосновался в Яньбэе.

Также аффикс уничижительности встречается перед окончаниями причастий на *-(o/u)n* (6) и *-(o/u)l* (6), а также деепричастий, которые исторически содержат в себе эти причастия (*-(o/u)ni*, *-(o/u)na*, *-(o/u)ncila* и др., *-(o/u)lini*, *-(o/u)lcila*, *-(o/u)lyeniwa* и др.), также перед окончанием номинализатора *-(o/u)m* (7) и его производных (*-(o/u)mye*, *-(o/u)myen*, *-(o/u)moу* и др.), *-(o/u)toy* (8):

6. *hoу-ou rwu-myeng-i kyu-kwu-ho-ya rwu-an-ul mo-chom nou rwo-op-ci mwos-ho-won chyen-kwo swoy-in-u-lwo syey-kan-uy nos tu-le sa-lom-ul toy-chi mwos-ho-wol in-soyng i-lo-toy* (70,7)

ребенок-NOM приказ отца-NOM трудный-ДЕЕП лицо отца-АСС наконец увидеть-УНИЧ-ОТР не мочь-УНИЧ-ПРИЧ вечность преступник-INST мир-GEN лицо поднять-ДЕЕП люди-АСС встречаться-ОТР не мочь-УНИЧ-ПРИЧ человеческая жизнь образовывать-ДЕЕП

- Воля отца была жестокой, я так и не увидел его лица. [Теперь] навсегда я останусь в мире преступником и буду жить, не смея взглянуть людям в лицо. (я, который не

⁵⁷ Холодович А.А.. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Фонетика. М.: Наука, 1986. § 4.

смог увидеть лицо отца, останусь вечным преступником и буду вести жизнь, при которой не смогу поднять лицо и посмотреть на людей)

7. swon-kwu-uy hyung-um-ul tus-kwo wol tos-ho-toy a-ni-wo-mul kwo-i hi ne-ki-te-ni (72,10)
свекор-GEN весть о смерти-АСС слышать-ДЕЕП приходит-ПРИЧ кажется-ДЕЕП не
быть-УНИЧ-НОМ-АСС странный- НАР считать-ДЕЕП

Услышав печальную весть о свекре, она должна была бы прийти. То, что она не пришла, показалось юноше странным.

8. hon-ka-ci-lwo na-la-hul ta-so-lye wo-lang-khay-yes-non kuy-mi-lol pang-pi-khwo-cye-ho-
wo-toy (55,4)

вместе-INST страна-АСС управлять-ДЕЕП дикари-[быть] ВР-ПРИЧ секрет-АСС
укреплять-ДЕЕП-делать-УНИЧ-ДЕЕП

Мы вместе с ним будем править областью и разгадаем подстерегающие нас тайные помыслы варваров. (я бы хотел, чтобы мы вместе...)

Если в XV в. рассматриваемый аффикс указывал на то, что действие или признак принадлежит лицу (выраженному подлежащим), по понятиям того времени занимавшему относительно низкое положение в общественной иерархии, то в памятнике XVIII в. зафиксированы уже два способа употребления аффикса уничижительности: в повествовании о третьем лице (среднекорейская норма) (7,9) и диалоговое употребление (современная норма) о первом лице (10). Например:

9. sin-uy a-pi kum-cyuy kwo-hyang-uy i-sye mwun-uy ki-to-li-wo-mi ye-le chwun-chyuy-la
(29,2)

я-GEN отец Цзиньчжоу родина-GEN быть-ДЕЕП ворота-GEN ждать УНИЧ-НОМ-НОМ
несколько год-быть-КС

Мой отец живет на родине в Цзиньчжоу. Вот уже много лет он ждет у ворот.

10. sin-i kyeng-so-lwo wo-op-ta-ka cyeu-cyuy il-hyen chyon-ka-tyung-uy tu-o-ni (52,9)

я-НОМ столица-INST приходит-УНИЧ-ДЕЕП Цичжоу-провинция деревенский дом-
посреди-GEN входит-УНИЧ-ДЕЕП

- По пути в столицу я остановился в области Цичжоу в деревенском доме.

Исходя из основного смысла аффиксов вежливости, мы считаем, что они не могут употребляться вместе, за исключением тех случаев, когда аффикс вежливости *-(o/u)si* выражает вежливость к объекту, но такие примеры в памятниках не зафиксированы. В языке Оды по Холодовичу⁵⁸ порядок следования этих аффиксов был такой:

zow/sow+аспектуальный суффикс (*ke, te, {H}a/e*)

⁵⁸. Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986. С. 36-37.

аспектуальный суффикс (*ke, te, {H}a/e*)+*si*.

Таким образом, мы видим, что совмещения в Оде не было. Ли Сонъиль⁵⁹ в своей работе пишет, что форма *sop-te-si* возможна, но примеров не приводит.

Если в XV в. эти показатели занимают разные места в структуре предикатива⁶⁰, то уже в XVIII в. мы считаем, что они занимают одну позицию – непосредственно после показателя прошедшего времени. Таким образом, к XVIII в. мы уже наблюдаем смену места аффикса уничижительности в составе словоформы: *thyung-kwun-ho-ye-so-wo-ni* (53,3) от глагола *thyung-kwun-ho-* «ссылать в солдаты». Однако обращает на себя внимание, что в тексте романа XVIII в. избегается совместное употребление аффикса вежливости и временного показателя, поэтому было бы логично считать, что показатели одной категории занимают одну позицию в составе словоформы. В современном же языке аффиксы вежливости и уничижительности вновь занимают разные позиции в словоформе: гонорифический аффикс **-(o/u)si-** стоит непосредственно после корня предикатива, а уничижительности **-sup-/-up-** – после временных показателей, т.е. показатели вежливости поменялись местами.

Время и аспект

В языках мира существуют специальные средства выражения временного дейксиса (греч. ‘указание’), т.е. ориентации времени ситуации относительно времени момента речи. В связи с тем, что время в естественных языках обычно мыслится линейно, т.е. как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации и ситуации речевого акта, т.е. того момента, когда говорящий сообщает об описываемой ситуации. Это – простейший «эгоцентрический» способ локализации ситуации во времени, и все естественные языки применяют его достаточно единообразно.

Таким образом, категория временного дейксиса (в грамматиках ее принято обозначать просто как «время») может включать не более трех граммем: ‘ситуация Р совпадает во времени с моментом речи’, ‘ситуация Р предшествует моменту речи’, ‘ситуация Р следует за моментом речи’; их общепринятые названия *настоящее*, *прошедшее* и *будущее* время соответственно.

Следует обратить внимание на то, что временной дейксис ничего не сообщает о том, как развивалась сама ситуация (была ли она мгновенной или длительной, завершилась или нет и т.п.): все эти сведения (которые, пожалуй, даже больше связаны с

⁵⁹ И Сонъиль. Мунпбп чхеге саджбк йбнгу (*Ли Сониль. Историческое исследование грамматической системы корейского языка*). Сеул, 1973.

⁶⁰ См. Холодович А.А., 1986. С. 36-37; Martin S. P.261

физическим временем, чем временной дейксис) передаются разнообразными граммемами аспекта, о которых речь пойдет ниже, там же мы вернемся к вопросу о связях между временем и аспектом.

Надо отметить, что в корейском языке ясно прослеживается диахроническая вторичность времени: на материале рассматриваемых нами памятников можно проиллюстрировать универсальную эволюцию *аспект – таксис – время* и, как следствие этой модели, следы аспектуально-таксисной семантики в употреблении граммем времени. Этим, видимо, и объясняются расхождения в грамматических описаниях среднекорейского языка: Мартин⁶¹, например, вообще не выделяет категорию времени, все показатели, так или иначе выражающие временные значения, он описывает как аспектуальные; Холодович⁶² же, напротив, не выделяет отдельно аспектуальные показатели, а рассматривает их только как показатели системы времен, указывая, тем не менее, на некоторые аспектуальные отличия.

Скажем несколько слов о категории таксиса. Таксис, или относительное время – категория, которая в семантическом плане очень близка категории собственно времени (или «абсолютного» времени, как его в этом случае для большей ясности называют), но, в отличие от последнего, полностью лишена дейктического компонента. Это означает, что граммемы таксиса выражают одновременность, предшествование и следование не по отношению к моменту речи, а по отношению к любой ситуации, эксплицитно или имплицитно заданной контекстом. В некотором смысле, категорию времени можно рассматривать как частный случай категории таксиса, привязанный к одной фиксированной точке отсчета.

Следует обратить внимание, что в зависимости от синтаксической позиции корейские таксисно-временные показатели можно разделить на определительные и заключительные⁶³. Определительные формы, иначе причастия, употребляются в том случае, когда глагол выступает в роли определения к имени существительному или к его эквиваленту (подробнее см. *Гл. Причастие*). Последовательность, состоящая из глагола в причастной форме и служебного существительного, называется «закрытой структурой сказуемого» (по Холодовичу), например: *pwo-l kes i-ta* «буду видеть» (прич.буд.времени от глагола *pwo-* «видеть» + служебное имя *kes* + связка *i-ta*). Заключительные формы (временные аффиксы) употребляются в том случае, когда глагол занимает позицию сказуемого главного или придаточного предложений. С точки зрения перевода на русский

---

⁶¹ Martin S. С.262.

⁶² Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 в.(по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986.

⁶³ Холодович А.А.Грамматика корейского языка.Ч.1 Морфология.М.,1937. С.49.

язык закрытая структура эквивалентна открытой (заключительной), ибо в русском языке такого противопоставления нет.

Поскольку корейский язык допускает, чтобы в глагольных формах одновременно выражались граммы как относительного, так и абсолютного времени (таксис и время), система глагольных форм расщепляется на формы прошедшего времени, выражающие предшествование в прошлом и одновременность в прошлом, на формы будущего времени, выражающие предшествование в будущем и одновременность в будущем; часто добавляются также формы, выражающие следование в прошлом («будущее в прошедшем») и некоторые другие. Так, современный язык различает таксисно-временные формы настоящего, будущего, прошедшего, преждепрошедшего, дубитативного прошедшего, дубитативного преждепрошедшего времен⁶⁴.

Поскольку в рассматриваемую эпоху только происходило становление системы времен, в тексте XVIII в. зафиксированы лишь некоторые из возможных перечисленных форм (подробное описание см. ниже).

Холодович описывает временную систему в Оде следующим образом. Он выделяет четыре временных показателя:

- te*- - прошедшее незавершенное;
- ke*- - прошедшее завершенное;
- {H}a/e- - прошедшее завершенное;
- no*- - настоящее время.

Мартин предлагает считать перечисленные показатели аспектуальными формами. Мы в данном исследовании будем придерживаться его трактовки, т.е. будем считать, что временных показателей в языке Оды нет. Анализ памятника показал, что аффиксы, трактуемые традиционной кореистикой как временные, имеют следующие значения:

1. Аффикс *-te*- передает значение антиперфекта (прошедшее незавершенное по Холодовичу); сочетает в себе трансферентивное значение и значение плюсквамперфекта. Он не мог завершать слово без следующего за ним окончания. Например:

1. kalh kil-hi ep-te-si-ni syeun ha-na-pi-lol ha-nol-hi pu-li-si-ni

«Негде было пройти, и потому небо послало убеленного сединами старца [и указало путь]» (19)

К XVIII в. аффикс *-te*- самостоятельно (3) почти не употребляется, встречается в основном в составе аффиксов причастия *-ten* (1), деепричастия *-teni* (2), а также в качестве форманта в показателе конечной сказуемости эвиденциалиса *-tela* (подробнее о переходе аспектуальных показателей в показатели эвиденциалиса см. Гл. Финитные формы

---

⁶⁴ Мазур Ю.Н., 2004. С.139.

предикатива). В зафиксированных примерах имеет в основном трансферентивное значение. Например:

2. *cyen-il kwu-ci-cik-huy-ten mo-om-i thay pan-i-na phu-le-ci-ni* (60,2)

всей душой твердо хранить-ПРИЧ душа-НОМ больше половины-около распускаться-ДЕЕП

Сердце его, хранившее прежде верность, теперь поколебалось.

3. *kos-thon psyang-ul kwu-ho-toy nwong-hi es-ci mwos ho-ya wu-min-ho-te-ni kum-il ni kwong-co-uy phwung-mwo-lol hon pen pwo-moy i-cin-cis syo-cye-uy psyak-i-la* (17,2)

походить-ПРИЧ пара-АСС находить-ДЕЕП вполне почему не мочь-ДЕЕП терзаться-ДЕЕП сегодня Ли юноша-GEN внешность-АСС один раз видеть-ДЕЕП этот подлинный девушка-GEN пара-быть-КС

Девице нужен был жених, но отец нигде не мог найти подходящего человека и очень беспокоился. Увидев юношу Ли, он понял, что Ли и его дочь были бы хорошей парой.

4. *mi-li i-len kwok-cyel-ul ni-lo-te-myen two-mang-chi a-nil ke-sol ni-lo-ci mwos-ho-mul hon-ho-ni* (64,6)

заранее такой-ПРИЧ перипетии-АСС говорить-ДЕЕП сбежать-ОТР не быть-ПРИЧ СИ-АСС достигать-ОТР не мочь-НОМ-АСС чувствовать досаду-ДЕЕП

Что ж, если заранее узнаешь о таком деле, поневоле сбежишь.

2. Аффикс *-ke*⁶⁵ имел значение прошедшего совершенного (аористного типа). Если корень предикатива имел конечные *i* или *l*, то начальное *k* аффикса выпадало. Например, *hoke-* от *ho-* «делать, говорить», но *ale-* от *al-* «знать», *tie-* от *ti-* «падать».

5. *ken-tek-ul kwuk-in-two solp-ke-ni*

"...и тогда корейцы тоже оценили его заслуги" (72)

В настоящее время аффикс *-ke-* в значении совершенного вида является мертвым. Тем не менее, он сохраняется в составе неразложимых окончаний деепричастий **-keniwa**, **-kenmanun**, **-ketun** и некоторых других. Проф. Маэма⁶⁶ отождествляет с ним **ke** в составе повелительной формы некоторых глаголов типа **ka-kela** «иди!». Основания такого отождествления для нас, однако, не ясны.

3. Аффикс $-\{H\}a/e-$ имел значение прошедшего совершенного и, таким образом, был синонимичен аффиксу *-ke-*. В отличие от прочих аффиксов времени, $-\{H\}a/e-$ был гармонизирующим. Это значит, что он подчинялся закону гармонии гласных: к корням с

⁶⁵ Мартин дает для этого аффикса и второй вариант *-ka-*, однако на материале Оды он зафиксирован не был. Также Мартин отмечает, что варианты *-ke-/-ka-* не были гармонизирующими, их распределение по основам неясно. См. *Martin S. P.* 601.

⁶⁶ Маэма Кёсаку. Рю:ка кого: сэн. Токио, 1924.

открытым гласным в их составе присоединялся $\{-N\}a-$, а к корням с закрытым гласным в их составе присоединялся $\{-N\}e-$.

6. *pis-kun nam-kol no-la-na-ma-si-ni*

"[Он] перескочил через лежащее поперек дерево" (86)

Сочетание морфемы $\{-N\}a/e + is-$ 'существовать', которое в раннесредневековый период еще не было единым аффиксом, в позднесредневековом языке приобретает «временные» черты и «склеивается» в последовательность $\{-N\}as-/es-$, образуя аффикс прошедшего времени (при том, что все остальные видовые аффиксы утрачивают свое значение).

То, что среднекорейские аффиксы *-te-* и *-ke-* в XVIII в. не входят в систему временных показателей, подтверждает и тот факт, что в памятнике возможно их одновременное употребление в одной словоформе с морфемой прошедшего времени $\{-N\}as-/es-/yes-$, например, в составе антиперфектного причастия на *-ten* (6) и деепричастия *-kenul* (7). Например:

7. *i-non twong-kyeng-i-ni swong-na-la two-up-ho-yes-ten sta-hi-la* (107,2)

этот-ТОР дунцин-быть-ДЕЕП Сунское государство столица-ВР-ПРИЧ земля-быть-КС
...это Дунцин, бывшая столица Сунского царства.

8. *cang-nyen-i cye-mu-ci a-nya kye-si-kwo nuk-pal-i i-wu-ci a-nyas-ke-nul es-ci pul-kin-hon mal-som-ul ho-si-no-ni-is-kwo* (28,2)

чел.в возрасте-НОМ кончаться-ОТР не быть-ДЕЕП быть-ДЕЕП блестящие волосы-НОМ
увядать-ОТР не быть-ВР-ДЕЕП почему ненужный-ПРИЧ слова-АСС делать-ВЕЖ-КС
Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели?

Таким образом, мы видим, что аналитическая форма $\{-N\}a/e- + is-$ 'существовать' превращается во вторично синтетическую.

На материале XVIII в. зафиксированы две формы аффикса прошедшего времени: первая - $\{-N\}as-/es-/yes-$ и вторая - $\{-N\}asi-/esi-/yesi-$. Правила выбора первой или второй формы суффикса прошедшего времени морфологизированы, т. е. варианты $\{-N\}asi-/esi-/yesi-$ выбираются перед двухвариантными аффиксами (см. список аффиксов в *Гл. II.2*). Наличие второй формы относится к числу особенностей, типичных для языка XVIII в. и чуждых современному состоянию, что можно рассматривать как сохранение следов аналитизма в образовании этой формы.

Способность суффикса изменяться по основам объясняется тем, что исторически он восходит к аналитической форме с глаголом *is-* «существовать» в качестве второго форманта.

Основное значение этой формы: обозначение действия, имевшего место до момента речи, безотносительно к тому, мыслится ли это действие законченным (9) или нет (10):

9. wu-li mwo-coy ci-kum syeng-myeng-i nam-a-si-mun cyu-in-uy tek-i-la (12,5)

мы мать и сын-NOM сейчас жизнь-NOM остаться-VP-НОМ-ТОР хозяйка-GEN милость-
быть-КС

Мы с тобой остались в живых только благодаря доброте нашей хозяйки.

10. swa-wu-uy yong-so two-yen tyen-hyen im-hung kos-thon cya-lol twu-e-si-ni (56,6)

слева-справа-GEN отважный человек Чон Хён Ым Хын похожий-ПРИЧ человек-АСС
иметь-VP-ДЕЕП

...и к себе на службу он просит таких героев как Чон Хён, Ым Хын. (у него служили...)

4. В XV в. в корейском языке существовала морфема *-no-*, у ряда авторов рассматриваемая как показатель настоящего времени, у Мартина – как аспектуальный показатель процессива. Следует сделать замечание относительно термина «процессив». Он был предложен Мартином и употребляется в корейистике в значении длящегося состояния, наступившего в результате определенного события. Естественно, что процессив в описанном смысле имеет тенденцию восприниматься как настоящее время (см. Холодович, 1986).

rwul-hwuy ki-phun nam-kon po-lo-may a-ni mwuyul-ssoy kwos-tyo-khwo ye-lum ha-no-ni

«Дерево, корни которого глубоки, не колышется от ветра, и потому цветы его прекрасны и плодов на нем много» (2)

Мы же в данном исследовании будем придерживаться традиционной типологической терминологии, в рамках которой описанная семантика соответствует категории перфекта⁶⁷. Семантическая специфика перфекта требует некоторых комментариев. Отражая начальный этап эволюции результата⁶⁸ в сторону прошедшего времени, перфект сочетает свойства как аспектуальных, так и таксисно-временных граммем. В отличие от результата, перфект обозначает не актуальное состояние, а некоторую предшествующую ситуацию, но, в отличие от прошедшего времени (или таксисной граммемы предшествования), перфект обозначает не всякую предшествующую

⁶⁷ Плузьян В.А. Общая морфология: введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 299

⁶⁸ Показатели результата описывают естественный результат предельного процесса. Обратите внимание, что в нашей работе значение термина «результатив» расходится со значением этого же термина в системе Мельчука. «Результатив» у Мельчука соответствует нашему термину «перфект». См. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. С.76.

ситуацию, а такую, последствия которой, не обязательно естественный результат, существуют в момент наблюдения.

Таким образом, в целом перфект можно охарактеризовать как «ослабленный результатив», описывающий не конкретное, лексически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент.

Итак, здесь нет и речи о временном значении, зато, по-видимому, можно говорить о семантике аспекта.

К XVIII в. аффикс *-no-* стал выразителем эвиденциального значения очности. Такой переход является типологически естественным⁶⁹ (подробнее см. *Гл. Финитные формы предикатива*). Например:

10. kwo-chwo-hi ton-ni-no-nyo (5,5)

тягостный-НАР бродить-КС

Почему вы бродите здесь в таком отчаянии?

11. syo-in-uy cip-uy is-no-i-ta (15,1)

я(унич)-GEN дом-GEN быть-КС

Он живет в моем доме.

Настоящее время в языке памятника выражалось нулевой морфемой, как в современном языке.

Специального аффикса будущего времени в исследованных текстах также нет. Единственный след категории будущего времени для памятника 15 в. можно обнаружить в причастии *-(o/u)l* (подробнее см. *Гл. Причастие*), которое помимо значения будущего времени несет модальный оттенок⁷⁰. Холодович считает, что этот же модальный аффикс входит в состав показателя конечной сказуемости *-(o/u)li*. Мы же считаем, что *-(o/u)li* - это показатель склонения (пробабилитив), что подтверждают наши примеры (см. *Гл. Финитные формы предикатива*). В тексте XVIII в. показатель будущего времени также не зафиксирован (близкое значение передавалось конструкцией *-(o/u)l kes-ita*) (см. ниже). В современном языке часто описывают как показатель будущего времени аффикс **-keyss** (по распространенному мнению восходящее к сочетанию глагола *isi-* "существовать" с деепричастием намерения на *-key*)⁷¹, значение которого амбивалентно: он может выразить будущее время только при первом лице субъекта, в остальных же случаях он несет модальное значение.

⁶⁹ См. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. С. 76, 199.

⁷⁰ Холодович А.А., 1986. С.44

⁷¹ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. Перевод с немецкого и примеч. А.А. Холодовича. М., 1951. С. 99.

Утверждения о будущем событии коренным образом отличаются от утверждений о прошлом и настоящем: если (многие) прошлые и (большинство) настоящих событий говорящий имеет возможность – хотя бы в принципе – наблюдать лично, то будущие события не принадлежат реальному миру: любое утверждение о будущем представляет собой пусть даже и очень достоверную, но гипотезу. Употребляя грамму будущего времени, говорящий, скорее, сообщает не то, что данная ситуация следует за моментом речи, а то, что данная ситуация не принадлежит (и не принадлежала) реальному миру, но что такая возможность существует. Если бы, с точки зрения говорящего, такая возможность была полностью исключена, то он бы воспользовался формами ирреального наклонения. Таким образом, будущее время оказывается очень близко от семантической зоны ирреальности, которая обслуживается различными модальными формами (см. подробнее *Гл. Модальность, Финитные формы предикатива*). На этом основании многие лингвисты вообще отрицают вхождение граммы будущего времени в категорию времени, считая, что эта последняя должна состоять только из двух грамм: прошедшего времени и непрошедшего.

Такой позиции придерживается, например, корейский лингвист Со Чжонсу⁷². Он считает, что немаркированная форма «непрошедшего» времени выражает как настоящее, так и будущее время. Отдельной формы, передающей значение будущего времени в языке не существует, а современные формы **-keyss-** и **-(u)l kes-ita** рассматриваются им как модальные: по существу, они не соотносятся с каким-то моментом времени и передают только значение предположения о любом событии плана настоящего, прошедшего или будущего. Однако не всякое утверждение о будущем событии рассматривается как модальное. Со Чжонсу допускает, что о будущем можно говорить, используя модально нейтральную немаркированную форму («непрошедшее» время), так называемое «обудущественное» настоящее (Futurate Present):

12. **Ku-nun taum tal-ey Pusan-ey ka-yo**

он-ТОР следующий месяц-ЛОК Пусан-ЛОК ехать-FIN

Он в следующем месяце (по)едет в Пусан.

Однако, для всех стивных глаголов, включая связку **i-** и предикативы наличия/отсутствия **iss-/ eps-**, нулевая форма не может использоваться для выражения значения будущего времени. Предложения типа (13) звучат странно, в то время как его эквивалент с **-(u)l kes-ita** (14) вполне приемлем. Другими словами, **-(u)l kes-ita** используется для образования будущего времени от стивных глаголов.

---

⁷² Со Чжонсу. Кугё мунпёп (Со Чжонсу. Грамматика корейского языка). Сёул: Ханьянь тэхагкё чхулпханвон. 1996.

13.* **Ku salam-un naunyen-eu kwunin-i-ta**

этот человек-ТОР будущий год-ЛОК солдат-быть-FIN

14. **Ku salam-un naunyen-eu kwunin-i-l kes-i-ta**

этот человек-ТОР будущий год-ЛОК солдат-быть-ПРИЧ СИ-быть-FIN

Этот человек в будущем году станет солдатом

Кто-то может утверждать, что (14) сохраняет модальное значение предположения, а не является утверждением о будущем. Если мы примем такое объяснение, то получается, что в корейском языке модально нейтральное утверждение о будущем возможно построить только с определенным классом глаголов, а парадигма стативных предикативов является дефектной. На наш взгляд более разумно предположить, что **-(u)l kes-i-ta** в зависимости от контекста может выражать также и простое будущее время, заполняя тем самым пробел в парадигме стативных предикативов.

Но, какое бы решение по этому поводу ни принимать, следует в любом случае иметь в виду несимметричность между будущим временем и всеми остальными временами; «логическая» формулировка значения этих граммем, содержащая указания на одновременность, предшествование и следование, создает некоторый искусственный параллелизм, который не самом деле в языках отсутствует.

Особый статус футурума подтверждается и тем фактом, что в корейском языке, как и во многих языках мира, показатели будущего времени могут свободно сочетаться с показателями прошедшего, что делает весьма затруднительным их объединение в одну грамматическую категорию. В результате такого сочетания возникают формы так называемого «будущего в прошедшем», выражающие следование или намерение в прошлом (примеры см. ниже).

Средневековый корейский язык не имел специальной морфемы для выражения значения будущего времени, как современный язык. Вплоть до XIX в. использовалась сложная модально-временная конструкция: причастие на *-(o/u)l*+служебное имя *kes* + связка *i-* в соответствующей форме сказуемости. В современном языке существуют две возможные трактовки значения конструкции **-(u)l kes-i-ta**: во-первых, это выражение высшей степени субъективной уверенности в будущем событии. Но поскольку это все-таки субъективное мнение, конструкция при этой трактовке рассматривается в рамках зоны модальности. Однако, некоторые корейские ученые (Ли Чунмин⁷³, Чжон Хеён⁷⁴, Ли

⁷³ Lee Chungmin. Temporal Expressions in Korean, in Verschueren and Bertucelli-Papi (eds) *The Pragmatic Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics*, John Benjamins 435-453.

⁷⁴ Чжон Хейёнъ. Хангугъ конъсонхйбсанъ-ква **-kyess-**ый хвайонъ-нон (Чжон Хеён. К вопросу о прагматике суффикса **-kyess-** и феномене вежливости в корейском языке)/ Кугъхак («Корейский лингвистический журнал»), № 26, пхэйджи 125-146.

Юнчжин и Но Чжини⁷⁵) придерживаются другой точки зрения. Они считают, что выражения, содержащие **-(u)l kes-i-ta**, имеют высокий уровень объективности. Эта объективность становится более явной, если сравнить **-(u)l kes-i-ta** с **-keyss-**: последний из этих показателей, считающийся единственным показателем будущего времени в современном языке⁷⁶, выражает предположение говорящего, основанное на внутреннем суждении, в то время как **-(u)l kes-i-ta** представляет будущее время в более беспристрастной, объективной манере. Джон (1995) приходит к выводу, что, в то время, как **-keyss-** выражает отношение говорящего к слушающему, **-(u)l kes-i-ta** лишено такого оттенка и придает высказыванию более объективный характер. В следующих примерах (15) выглядит скорее как обещание, а в (16) говорящий просто констатирует факт, что он будет делать прямо сейчас, независимо от желания или ожидания слушающего:

15.aph-ulo yelsim-hi il-ha-kyess-sup-ni-ta

впредь-INST усердно-НАР работать-FUT-FIN

Впредь я буду работать усердней.

16.aph-ulo yelsim-hi il-ha-l kep-ni-ta

впредь-INST усердно-НАР работать-ПРИЧ СИ-FIN

Я буду работать усердней.

Эта способность к объективизации дает, на наш взгляд, особый статус этой конструкции внутри эпистемической модальности, отделяя ее от чисто модальных конструкций типа **-(u)l kes kath-ta**, а также способствуя ее эволюции в показатель будущего времени. Модальные значения *-(o/u)l kes-i-ta* подробно будут рассматриваться в *Гл. Модальность*. Настоящая глава посвящена таксисно-временным значениям этой конструкции, зафиксированным в тексте XVIII в.

При первом лице субъекта действия эта форма указывала на то, что данный субъект хочет, готов или решил осуществить действие в будущем, например:

17. se-uy na-hi cho-kwo syo-soy in-nyun-i wan-cyen-ho-mul ki-to-li-wol ke-si-ni-i-ta

тот-GEN возраст недоставать-ДЕЕП девочка-NOM мораль-NOM совершенный-NOM-АСС
ждать-ПРИЧ СИ-быть-КС (22,4)

Я подожду, пока она подрастет и [между нами] установятся - должны отношения.

18. nay sim-hwoy-non kyeng-chi-lul syang-wan-ho-moy te-wok sul-phul ke si-wo (11,10)

я-GEN дума-ТОР природа-АСС наслаждаться-ДЕЕП еще грустный-ПРИЧ СИ-быть-
ДЕЕП

⁷⁵ И Юнчжин, Но Чжини. Хангугё кйойук-э-сё-ый йаньтхе пхйохйён йёнгу – чхучхык-ква ыйчжи-рыр чунъсим-ыро (*Ли Юнчжин, Но Чжини. Выражение модальных значений в корейском языке*) / хангугё кйойук (*Журнал «Обучение корейскому языку»*) 14-1, 173-209.

Любование природой еще больше опечалит мою душу. (я думаю, что если буду любоваться природой, то еще более опечалюсь)

Естественно предположить, что модальный оттенок значения менее ожидаем при первом лице субъекта, как в предыдущем примере. В том случае, когда речь идет о действии, относящемся к третьему лицу, данная конструкция указывает на то, что действие, выраженное причастием, *возможно*, произойдет после момента речи.

19. *thyen-hay il-tyo-uy tha-in-uy key kal ke-si-ni* (59,6)

Поднебесная-NOM однажды-GEN другие люди-DAT идти-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

Поднебесной, о которой печется наш государь, могут в один момент завладеть чужие люди. (Поднебесная отойдет к другим людям)

Как уже говорилось, показатели будущего времени могут сочетаться с граммемами прошедшего времени, выражая препозицию по отношению к моменту речи (20) или гипотетичность действия (состояния, признака) (21), законченность действия. Например:

20. *nau syel-pyek-uy no-lye-ce mwom-i pol-sye ti-ha-uy wen-hwon-i twoy-ye-sil ke-sol nwo-kwo-uy kwu-ho-mu-lwo* (100,3)

я-NOM отвесная скала-GEN падать-ДЕЕП тело-NOM уже под землей-GEN душа обиженного при жизни человека-NOM становиться-ВР-ПРИЧ СИ-АСС старуха-GEN спасать-ДЕЕП сейчас жить-ВР-NOM-NOM

[Молодая вздохнула:]- Я упала с отвесной скалы, и старуха меня спасла, благодаря этому я не стала голодным духом под землей и осталась в живых.

21. *ke-nyen-i il-syeng-cang-wen-ho-ya kum-chuy-lwo swo-pwun-ka-te-ni pol-sye syang-kyeng-ho-ye-sil ke-si-ni* (104,2)

прошлый год-NOM сдать экзамены первым-ДЕЕП Цзиньчжоу-INST приводить в порядок могилу-идти-ДЕЕП уже ехать в столицу-ВР-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

...в прошлом году, когда совершалось паломничество на могилы, первым сдал экзамены на чин. Потом он отправился в Цзиньчжоу посетить могилы предков, а теперь, должно быть, уже уехал в столицу.

Однако многие современные исследователи утверждают, что такое сочетание - *(o/u)l kes-i-ta* с граммемой прошедшего времени может трактоваться только как предположение, а не следование.

Выводы:

1. Корейский язык различает несколько видов и степеней вежливости. В данной главе была рассмотрена вежливость по отношению к субъекту действия. Эта категория

---

⁷⁶ Основное значение этого показателя, по Холодовичу, обозначение действия после момента речи. См. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 94.

выражалась с помощью аффикса *-(o/u)si-* как в среднекорейском, так и в ранненовокорейском языке; показатель *-(o/u)si-* сохранился и в современном языке, только в настоящее время гонорифический аффикс **-(u)si-** является неизменяемым.

2. На материале Оды зафиксированы случаи употребления второго аффикса вежливости (аффикс уничижительности в традиционных описаниях) в качестве повествовательной формы. В тексте XVIII в. он начинает приобретать черты современного языка и употребляется не только как повествовательная, но и диалоговая форма. В современном корейском языке аффикс уничижительности обнаруживается в составе окончаний **-p.ni.ta**, **-sup.ni.ta**, **-wo** и **-swo**.

В качестве еще одной отличительной особенности новокорейского языка от языка Оды хотелось бы выделить тот факт, что в среднекорейскую эпоху показатели вежливости и уничижительности занимали в составе словоформы разные позиции, но уже в тексте XVIII в. они стоят явно на одном месте. В современном же языке они вновь занимают разные позиции, но уже непосредственно после корня предикатива стоит гонорифический суффикс **-(u)si-**, а второй аффикс вежливости (уничижительности) **-sup-** следует после временных показателей, то есть показатели вежливости поменялись местами в составе словоформы.

2. Система прошедших времен современного корейского языка представляет собой результат длительного развития от аспектуально-временных форм к чисто временным, которые утратили элемент видового содержания и медленно накапливают элементы расчлененного временного содержания. Анализ памятников показывает, что в XV в. в корейском языке чисто временных показателей не было. В XVIII в. мы уже наблюдаем противопоставление прошедшего/непрошедшего времени.

Если в тексте XV в. выделялись четыре аспектуальных показателя: *-te-* (аниперфект), *-ke-* (аорист), *-{H}a/e-* (аорист), *-no-* (перфект), то к XVIII в. уже четко оформился всего один показатель прошедшего времени *-{H}as-/es-/yes-*, видовые же показатели в основном вышли из употребления и вычлняются только этимологически. Среднекорейские аффиксы перфекта *-no-* и антиперфекта *-te-* в исследуемом материале XVIII в. стали выразителями эвиденциальных значений очности и заглазности, соответственно.

Будущее время при первом лице субъекта в ранненовокорейскую эпоху могло выражаться аналитической конструкцией *-(o/u)l kes-i-ta*, современный аффикс будущего времени **-kess-** в рассматриваемых памятниках не употребляется.

ГЛАВА IV

ОКОНЧАНИЯ

Финитные формы предикатива

Финитными формами предикатива ("категорией конечной сказуемости") называется совокупность форм с показателями, указывающими на то, что предикатив является основным сказуемым предложения (для корейского языка - позиционно последним в законченном предложении); это так называемые *verba finita*.

На материале памятника XV в. (Оды) нам удалось построить следующее представление форм предикативности. Порядок следования аффиксов такой:

4	3	2	1
аспект	наклонение	ориентация (вежливость)	коммуникативная направленность
общий вид - нулев.пок. перфект - <i>-no-</i> антиперфект - <i>-te-</i>	квотатив-нулев.пок. индикатив <i>-(o/u)ni</i> пробабилитив <i>-(o/u)li</i>	<i>-i(s)-</i>	констатив-нулевой показат. нарратив <i>-ta</i> интеррогатив <i>-ka/-kwo</i>

Самая последняя позиция словоформы выражает, по видимому, категорию коммуникативной направленности высказывания (катеорию дискурсивности по Мельчуку⁷⁷), т.е. в языке Оды морфологически выражалась роль сообщения в дискурсе, т.е. функция данного высказывания в целом связном тексте. Внутри этой категории различаются три категориальных значения:

1. констатив (общая констатация по Мельчуку) – высказывание выражает общую истину или сообщает о факте, имеющем место постоянно (нулевой показатель).
Например:

1. *soy-mi ki-phun mul-un ko-mol-oy a-ni ku-chul ssoy noy-hi i-le pa-lol-oy ka-no-ni* (2)

"Воды, источник которых глубок, не иссякают от засухи, и потому они, образуя реки, текут в море"

Холодович указывает, что формы на *-(o/u)ni* могли употребляться и как эквиваленты деепричастий, что также подтверждают приведенные примеры: второе предложение могло быть выводом, заключением их фактов, высказанных в первом предложении, следствием, причина которого выражена первом предложении, наконец, из соотношения содержания двух предложений иногда вытекала противительная связь:

2. *syek-two anh-ayz wumh-ul ci-kum-ey pwo-zop-no-ni, wang-ep kan-nan i i-le-ho-si-ni*

⁷⁷ Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. С. 135

«Еще и до сих пор мы можем видеть пещерные жилища на Чокто; это свидетельствует о том, каковы были трудности, с которыми пришлось сталкиваться правителям» (5)

3. kal-?-kilh-i ep-te-si-ni, syeyn ha-na-pi-pop ha-nolh-i pu-li-si-ni

«Негде было пройти, и потому небо послало убежденного сединами старца [и указало путь]» (19)

4. tay-uy-lol pol-ki-sil ssoy hwu-kwuk-i wo-zop-te-ni kyeng-so syen-ma-ho-sya hwu-kwuk-i paу-pan-hon i

«[Лю Бан] проявлял великую справедливость, и потому к нему примкнули вассальные княжества; но они же подняли мятеж против него, так как он стал игнорировать и поносить ученых» (66)

2. нарратив (частная констатация по Мельчуку) – высказывание сообщает о некотором конкретном событии (показатель *-ta*):

5. uy-sa-lol wol-tha kwa-ho-sya

"Похвалил верного слугу за его правдивость" (106)

3. интеррогатив – высказывание формально представляет собой вопрос (в данном тексте чаще риторический вопрос) (показатели: *-ka* в случае общего вопроса и *-kwo* в случае частного вопроса).

6. na-sa-wo-ten teyn mwok-swum ki-thu-li-is-ka

"Напади он на них, разве он сохранил бы свою жизнь?" (51)

7. e-tuy me-le ?-?-?-ho-li-is-kwo

«Каких отдаленных мест не достигла его власть?» (47)

Во второй от конца позиции выражается вежливость по отношению к слушающему (категория ориентации) *-i(s)*. Категория ориентации – это грамматическая категория, выражающая отношение говорящего к собеседнику. Для наименования этой категории А.А. Холодовичем предложены два термина: категория личного отношения или категория ориентации. Первый термин, пожалуй, точнее отражает сущность этой категории и является недвусмысленным, так как не употребляется в других значениях. Второй оказывается более предпочтительным своей лаконичностью, хотя ориентация может быть понята как явление, связанное с движением. «Любая речь...», - писал А.А. Холодович, - имеет по крайней мере две стороны: во-первых, она кем-то высказывается (в устной или письменной форме, что безразлично), во-вторых, она на кого-то ориентирована, к кому-то обращена...Ориентированная речь всегда обязана в той или иной мере считаться с взаимоотношением между говорящими, общающимися, учитывать эти взаимоотношения. При этом учету подлежат самые разнообразные факторы, как-то: пол, возраст, семейное и общественное положение говорящих, особенно собеседника. Если этот момент находит

отражение в грамматике, в морфологии слова, то возникает особая грамматическая категория. Мы ее называем категорией личного отношения или категорией ориентации. В корейском языке эта категория есть... Категорию ориентации не следует путать с категорией лица»⁷⁸.

Формы ориентации употребляются одинаково, вне зависимости от того, идет ли речь о говорящем, собеседнике или третьем лице. Так, употребление вежливой формы в случае, если говорящий сообщает о себе, вовсе не означает, что он проявляет подчеркнутое уважение к своей личности. Выбор формы обусловлен всегда и только отношением говорящего к собеседнику.

В третьей позиции выражаются наклонения. Отметим сразу, что мы придерживаемся такого понимания модальности, при котором термины *модальность* и *наклонение* семантически не противопоставлены: наклонением считается любая грамматическая категория, граммы которой выражают модальные значения. Таким образом, наклонение – это просто «грамматикализованная модальность»⁷⁹. Менее традиционное решение предлагает Мельчук⁸⁰, называя «наклонением» и «модальностью» две не связанные друг с другом категории глагола.

В категорию наклонения входят три граммы:

1. квотатив (нулевой показатель). Употребляется в цитатной или косвенной речи, например:

8. man-kwuk-h cul-ki-ke-nul syen-syen-ey woy-ta the-si-ni

"Так как буддисты благоденствовали по всей стране, то государь признал это несправедливым" (107)

2. индикатив – описывает реальную или достоверную ситуацию (показатель - (o/u)ni):

9. pis-kun nam-ko no-la-na-ma-si-ni

«Он перескочил через лежащее поперек дерево» (86)

3. пробабилитив – используется, когда говорящий не уверен в достоверности высказанного события, факта, когда он только предполагает, допускает его возможность (показатель -(o/u)li):

10. syeng-in cin-lyek-ul e-no ta sol-wo-li

"[После этого] все, надо думать, будут говорить о божественной силе государя" (87)

---

⁷⁸ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С.119-120.

⁷⁹ Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.309.

⁸⁰ Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том. 2. (Часть вторая: Морфологические значения). М.: ЯРК; Вена: WSA.1998.

Четвертая от конца позиция - аспектуальность (общий вид – нулевой показатель, перфект *-no-*, антиперфект *-te-*). Подробно об аспектуальных показателях см. гл. *Время и аспект*.

Допустимые сочетания категориальных значений названных четырех грамматических категорий показывает следующая таблица (формы, не зафиксированные в Оде, поставлены в скобки):

Комм напр. (1)	Асп ект (4)	наклонение (квотатив) нулевой показатель(3)		наклонение (индикат) - (<i>o/u</i>) <i>ni</i> (3)		наклонение(пробабил) - (<i>o/u</i>) <i>li</i> (3)	
		ориентация (2)		ориентация (2)		ориентация (2)	
		нуль	<i>i(s)</i>	нуль	<i>i(s)</i>	нуль	<i>i(s)</i>
нуль	нуль	<i>[-0.0.0.0]</i>	<i>[-0.0.0.0]</i>	<i>-0.(o/u)ni.0.0</i>	<i>[-0.(o/u)ni.is.0]</i>	<i>-0.(o/u)li.0.0</i>	<i>[0.(o/u)li.is.0]</i>
	<i>-no-</i>	<i>[-no.0.0.0]</i>	<i>[-no.0.is.0]</i>	<i>-no.ni.0.0</i>	<i>[-no.ni.is.0]</i>	<i>[-no.li.0.0]</i>	<i>[-no.li.is.0]</i>
	<i>-te-</i>	<i>[-te.0.0.0]</i>	<i>[-te.0.is.0]</i>	<i>-te.ni.0.0</i>	<i>[-te.ni.is.0]</i>	<i>[-te.li.0.0]</i>	<i>[-te.li.is.0]</i>
<i>-ta</i>	нуль	<i>-0.0.0.ta</i>	<i>[-0.0.is.ta]</i>	<i>[-0.(o/u)ni.0.ta]</i>	<i>-0.(o/u)ni.i.ta</i>	<i>-0.(o/u)li.0.ta</i>	<i>-0.(o/u)li.i.ta</i>
	<i>-no-</i>	<i>[-no.0.0.ta]</i>	<i>[-no.0.is.ta]</i>	<i>[-no.ni.0.ta]</i>	<i>[-no.ni.is.ta]</i>	<i>[-no.li.0.ta]</i>	<i>[-no.li.is.ta]</i>
	<i>-te-</i>	<i>[-te.0.0.ta]</i>	<i>[-te.0.is.ta]</i>	<i>[-te.ni.0.ta]</i>	<i>[-te.ni.is.ta]</i>	<i>[-te.li.0.ta]</i>	<i>[-te.li.is.ta]</i>
<i>-ka/- kwo</i>	нуль	<i>[-0.0.0.ka]</i> <i>[-0.0.0.kwo]</i>	<i>[-0.0.is.ka]</i> <i>[-0.0.is.kwo]</i>	<i>[-0.(o/u)ni.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>-0.(o/u)ni.is.ka/</i> <i>kwo</i>	<i>[-0.(o/u)li.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>0.(o/u)li.is.ka/</i> <i>kwo</i> <i>(-o/u)l.kka)</i>
	<i>-no-</i>	<i>[-no.0.0.ka]</i> <i>[-no.0.0.kwo]</i>	<i>[-no.0.is.ka]</i> <i>[-no.0.is.kwo]</i>	<i>[-no.ni.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-no.ni.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-no.li.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-no.li.is.ka/</i> <i>kwo]</i>
	<i>-te-</i>	<i>[-te.0.0.ka]</i> <i>[-te.0.0.kwo]</i>	<i>[-te.0.is.ka]</i> <i>[-te.0.is.kwo]</i>	<i>[-te.ni.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-te.ni.is.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-te.li.0.ka/</i> <i>kwo]</i>	<i>[-te.li.is.ka/</i> <i>kwo]</i>

Формы, представленные в затемненных клетках таблицы, по морфологическим законам языка запрещены, т. е. невозможны финитные формы, в которых не выражено ни наклонение, ни коммуникативная направленность.

Приведенная таблица хорошо соответствует традиционному представлению о среднекорейских формах предикативности, присоединяемых к реальному сказуемому в атрибутивной форме на *-(o/u)n/-(o/u)l* через служебное имя *i*, ср. Холодович (1986):

	Повествовательные	Вопросительные
Вежливые	<i>-ngi.ta</i>	<i>-ngis.ka, -ngis.kwo</i>
Средневежливые	нулевая морфема	нулевая морфема

Нейтральные	<i>-la</i>	<i>-a, -wo</i>
-------------	------------	----------------

Таким образом, то, что традиционно называют формами предикативности, выражает следующие грамматические категории: коммуникативная направленность, ориентация, модальность и аспектуальность.

Для исследуемого нами памятника XVIII в. (таким образом, также на ограниченном языковом корпусе) выстраивается следующее представление финитных форм предикатива:

5	4	3	2	1
наклонение	персональность	аспект	ориентация (вежливость)	коммуникативная направленность
нейтральное- нулев.пок. очевидность - <i>-no-</i> заглазность - <i>te-</i> пробабилитив <i>-(o/u)li</i>	аутоонтив- <i>nwo-</i> имперсонал- <i>two-</i>	нейтр.-нулев.пок. прогрессив <i>-(o/u)ni</i>	<i>-i(s)-</i>	нарратив <i>-ta</i> интеррогатив - <i>ka/-kwo</i>

В последней позиции словоформы выражается коммуникативная направленность: нарратив (*-ta/-la*) и интеррогатив (показатели *-ka* в случае общего вопроса и *-kwo* в случае частного вопроса).

Во второй от конца позиции выражается вежливость по отношению к слушающему (ориентация).

Перед ней выражается категория аспекта (нейтральный – нулевой показатель, прогрессив - *-(o/u)ni*).

Граммема прогрессива указывает, что данный факт находится в фиксированный момент в процессе развертывания.

Прогрессив в корейском языке обладает той особенностью, что его противопоставление нейтральному аспекту не носит обязательного характера. Нельзя сказать, что немаркированная форма глагола выражает ‘не-прогрессивность’: она лишь не выражает прогрессивности – и не более того.

Перед аспектом можно выделить позицию, в которой выражается персональность: нулевой показатель - нейтральная, *-nwo-* - первое лицо (аутоонтив), *-two-* - безличность (имперсонал).

Перед ней - категория наклонения (нейтральное - нулевой показатель, пробабилитив *-(o/u)li*, очевидность *-no-*, заглазность *-te-*).

Грамматические значения, относящиеся к сфере эвиденциальности, выражают эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Формы этого наклонения произошли из бывших аспектуальных значений. В глагольной системе новокорейского языка грамматически маркируется не только прямая информация (*-no-*), т.е. когда говорящий имел прямой доступ к ситуации, но и случаи, когда говорящий не был очевидцем действия, но по косвенным фактам свидетельствует о достоверности излагаемого события (*-te-*). Таким образом, можно заключить, что эвиденциальность в тексте XVIII в. представлена двумя значениями:

очевидность (экспериментив по Мельчуку⁸¹) - говорящий является свидетелем соответствующего события (показатель *-no-*);

заглазность⁸² - маркирует косвенную информацию, т.е. только тот факт, что говорящий не был свидетелем описываемой ситуации, при этом уже не уточняется, наблюдал ли он ее результат, слышал о ней от третьих лиц или просто предположил, что она могла иметь место (показатель *-te-*).

Описанный переход аспектуальных значений в наклонение является типологически естественным развитием: показатель перфекта *-no-* имел перфектную семантику, а наличие наблюдаемого результата предполагает существование соответствующего события, свидетелем которого был говорящий; следовательно, перфект сближается с эвиденциальностью (очностью). Также во многих языках мира существует близость между косвенными наклонениями и непрезентными временами: будущее время может рассматриваться как ожидаемое, намечаемое или желаемое, а отдаленное прошедшее (плюсквамперфект) – как предполагаемое (в частности, на основе чужих слов), поэтому вполне закономерно показатель антиперфекта, имеющий в качестве одного из значений семантику плюсквамперфекта, перешел в показатель заглазности⁸³.

Пробабилитив⁸⁴ (говорящий полагает, что факт вероятен, но не уверен, имеет ли он место) по своей семантике крайне близок к одному из видов эвиденциалиса, а именно, к презумптиву⁸⁵ (говорящий предполагает, что ситуация имеет место), поэтому представляется возможным их объединение в одну категорию.

⁸¹ См. Мельчук И.А. Курс... Т.2. С.199.

⁸² Этот термин используется в Кибрик А.Е., Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // ВЯ, №4, 27-57. Англоязычные эквиваленты – *non-attested, non-witnessed*.

⁸³ Guentcheva Z. (ed). L'enonciation mediatisee. Louvain: Peeters.1996

⁸⁴ См. Мельчук И.А. Курс... Т.2.С. 198.

⁸⁵ См. Мельчук И.А. Курс... Т.2.С. 199.

Формы⁸⁶, зафиксированные в тексте XVIII в. можно представить в следующей таблице⁸⁷:

ком.на прав (1)	накло нение (5)	аспект(3)							
		нуль						-(o/u)ni	
		персональность ⁸⁸ (4)							
		нуль		-nwo-		-two-			
		ориентация(2)		ориентация(2)		ориентация(2)		ориентация(2)	
		нуль	i(s)	нуль	i(s)	нуль	i(s)	нуль	i(s)
<i>-ta</i>	нуль	<i>-ta</i>	<i>-i.ta</i>	<i>-nwo.la</i>		<i>-two.ta</i>		<i>-(o/u)ni.la</i> <i>(-(o/u)n.ta)</i>	<i>-(o/u)ni.i.ta</i>
	<i>-(o/u)li</i>	<i>-(o/u)li.la</i>	<i>-(o/u)li.i.ta</i>	<i>(- (o/u)l.nwo.la)</i>		<i>-(o/u)li.lwo.ta</i>			
	<i>-no-</i>		<i>-no.i.ta</i>					<i>-no.n.ta</i>	
	<i>-te-</i>	<i>-te.la</i>							
<i>-ka/kwo</i>	нуль							<i>-(o/u)ni.a</i> <i>(-(o/u)n.ka)</i> <i>-(o/u)ni.wo</i> <i>(-(o/u)n.kwo)</i>	<i>-(o/u)ni.is.ka</i> <i>-(o/u)ni.is.kwo</i>
	<i>-(o/u)li</i>	<i>-(o/u)li.a</i> <i>(-(o/u)l.ka)</i> <i>-(o/u)li.wo</i> <i>(-(o/u)l.kwo)</i>	<i>-li.is.ka</i> <i>-li.is.kwo</i>						
	<i>-no-</i>							<i>-no.ni.a</i> <i>(-no.n.ka)</i> <i>-no.ni.wo</i>	<i>-no.ni.is.ka</i>
	<i>-te-</i>							<i>-te.ni.wo</i>	

Материал памятника XVIII в. показывает, что бывшие формы констатива теперь употребляются только в качестве показателей неконечной предикации. Это может быть обусловлено тем, что описываемые памятники принадлежат к разным жанрам, накладывающим свои ограничения на употребление форм предикативности. Если в Оде содержится большое количество абстрактных (общепринятых) высказываний (истин), в тексте романа XVIII в. описываются конкретные действия, происходящие в прошлом, поэтому «вневременные» формы предикативности здесь не употребляются в качестве

⁸⁶ Формы, взятые в скобки, являются в памятнике факультативными.

⁸⁷ Все возможные сочетания описанных грамматических категорий см. в Приложении Таблица 1.

⁸⁸ Персональность в данном тексте зафиксирована только на формах нейтрального аспекта, поэтому персональность на формах прогрессива в таблице не отражена.

показателей вершинной предикации, а являются вершинами в сопряженных предложениях; финитная же предикация передается формами на *-ta (-ka)*. Но, возможно, что бывшие формы констатива вообще потеряли предикативность.

Выражение ориентации не изменилось.

Серьезные изменения произошли в наклонении и аспекте. Все аспектуальные показатели приобрели модальные (эвиденциальные) значения, а индикативное наклонение стало прогрессивным аспектом. Возможно, такой переход был обусловлен тем, что прогрессив – это категория, описывающая факт в большей степени с качественной точки зрения⁸⁹ (этим сближающаяся с дискурсивностью и модальностью), и поэтому произошло смешение внутри этой зоны.

Внутри грамматической категории наклонения сочетаются собственно модальные (пробабилитив на *-(o/u)li-*) и бывшие аспектуальные значения (бывший аспект *-no-, -te-*). Категориальное объединение модальных и аспектуальных значений, в принципе, характерно для языков алтайского типа. Здесь они по общетипологическим закономерностям перешли в эвиденциальные, что хорошо сочетается с семантикой пробабилитива и образует полноценное наклонение. Понятно, что такой переход не мог произойти за один шаг. Для выяснения последовательности изменений внутри этих категорий необходимо привлекать памятники, отражающие промежуточные состояния такого перераспределения.

В памятнике XV в. не зафиксированы формы персональности, возможно, в силу жанровых особенностей текста (ср. полное отсутствие высказываний от первого лица).

Все описанные изменения соответствуют общим тенденциям изменения корейского языка. Таким образом, финитные формы глагола, зафиксированные в романе XVIII в. при сравнении с языком Оды свидетельствуют об эволюции этой системы и ее постепенном приближении к современному состоянию. Некоторые ранненовокорейские формы закрепились в современном литературном корейском языке (например, **-ta**, **-(u)nya**, **-la** и др.), некоторые в настоящее время употребляются лишь в книжном языке и придают всему высказыванию оттенок архаичности (например, **-nwola**, **-(u)lilwota**, **-(u)sose** и др.).

Ниже мы дадим подробное описание форм предикативности, зафиксированных в ранненовокорейском тексте.

1. Окончание *-ta*.

11. ha-li-wa kwan-nyou pwun-pwun-tha ho-ni (41,3)

---

⁸⁹ См. Мельчук И.А. Курс...Т.2. С. 104

канцеляристы-СОВМ чиновник-NOM суетный-КС говорить-ДЕЕП

[Чиновник сказал:] - Все чиновники собрались [приветствовать его].

Фонетический вариант *-ta* - *-la* употребляется после корня-основы связки *i-*, отрицательной связки *ani-*, а также корней, оканчивающихся на *-i*. Например:

12. ni-hyen-uy so-non yun-syang-i-ni mun-ha si-lang ni-myeng-uy coy-la (1,2)

Ли Хён-GEN прозвище-ТОР Юн Сян-быть-ДЕЕП уважаемый *сиран* Ли Мён-GEN сын-быть-КС

Он носил второе имя – Юн Сян и был сыном сирана Ли Мёна.

После имен, оканчивающихся на гласный, корень связки *i-* иногда редуцируется, и окончание *-la* присоединяется непосредственно к имени. Например:

13. ha-kwo-lwo cwok-tyey-la ho-yes-no-nyo (102,9)

по какой причине дальний родственник-[быть]-КС говорить-ВР-КС

Почему же вы назвались родственником?

Окончание *-ta* реализуется в следующих условиях:

а) оформляет сказуемое косвенной речи (как в современном языке). Например:

14. a-hoy myeng-ul hyen-i-la ho-kwo (6,10)

ребенок-NOM имя-АСС Хен-быть-КС говорить-ДЕЕП

Она нарекла его Хеном.

б) не в косвенной речи (в современном языке отсутствует):

15. pan-il-ul thwong-kwok-ho-kwo hok-so uy kwen-wi-ho-mu-lwo cwo-cho pwu-tyung-uy two-la-wo-ta (80,10)

полдня-АСС рыдать-ДЕЕП хакса GEN авторитет-ДЕЕП даже семья чиновника-GEN возвращаться-КС

Долго она рыдала и только благодаря уговорам хакса вернулась в дом.

Предикатив с окончанием *-ta/-la* является самой употребительной финитной формой.

2. Окончание *-i.ta*⁹⁰.

В памятнике XVIII в. зафиксированы случаи присоединения окончания *-i.ta* непосредственно к основе глагола (16) и после залогового показателя (17), например:

16. kwa-yen mwo-nyen wel il-uy cil-ne cwuk-il si wol-so wo-i-ta (33,5)

действительно такой-то год месяц день-GEN ударять-ДЕЕП убивать-ПРК-ПРИЧ час ыльса приходиться-КС

И в такой-то год, луну и день заколол его – это случилось в час ыльса.

⁹⁰ Восходит к среднекорейскому окончанию *-ngi.ta*. См. Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 в. (по материалам Оды). Морфология. М.: Наука, 1986. С. 46.

17. syang-kwong mal-som-i ye-cho-ho si-ni nwo-chyep-i pul-sung huy-hoing-ho-ye-i-ta (99,1)
канцлер речь-NOM подобный- ВЕЖ-ДЕЕП старый-я-NOM не сдерживать радостный и
счастливый-ПРК-КС

Ваш ответ осчастливил меня.

3. Окончание *-nwo.la*.

18. na-non i sta-hoy is-non kwa-mwo lwo mo-chom san-yak-ul khoynwo-la (94,6)
я-ТОР этот земля-GEN быть-ПРИЧ одинокая мать-INST как раз лекарства-АСС
выкапывать-КС

Я, одинокая, живу здесь, собирая лекарственные травы.

4. Окончание *-two.ta*.

19. ney mwom-i pi-lwok chwoy-ma-uy i-si-na kul a-ni-pwo-ki-non ne-mwo kwo-cip-ho-two-ta
(73,5)

ты-NOM тело-NOM хотя траурная одежда-GEN быть-ДЕЕП текст ОТР-смотреть-NOM-
ТОР слишком упрямитесь-КС

**Хотя ты и облачен в траурное платье, но не прочесть письма – это уж слишком
большое упрямство!**

В случае присоединения к корням с конечным *h* или к корню, оканчивающемуся на слог -
ho, начальный согласный окончания может аспирироваться. Например:

20. от *wolh-* ‘верный, правильный’:

wol-thwo-ta (39,4)

верный-КС

Выходит, это верно.

В словаре Нам Квангю⁹¹ окончание *-twota* описывается как эквивалент
современного восклицательного окончания **-kwuna**. Такая трактовка, возможно,
обусловлена тем, что некоторые исследователи считают показатель *-two-* выразителем
восклицательности, чего наш текстовый материал не подтверждает.

5. Окончание *-(o/u)ni.la*.

21. ke-chye ep-si hoing-ho-ni-la (63,8)

место жительства не быть-ДЕЕП направляться-КС

[Лю вручила Ун Кё письмо для госпожи Чин, а] сама отправилась куда глаза глядят.

6. Окончание *-(o/u)n.ta*.

22. koyk-i kum-cuuy-lwo ka-lye ho-sin-ta ho-ni (109,6)

гость-NOM Цзиньчжоу-INST идти-ДЕЕП делать-ВЕЖ-КС говорить-ДЕЕП

Гость говорит, что едет в Цзиньчжоу.

⁹¹ Нам Гвангю. Словарь среднекорейского языка. Сеул, 2000. (Нам Гвангю. Коо саджон. Сеул, 2000). С. 409.

7. Окончание *-(o/u)ni.i.ta*.

23. nwo-ya-lol man-na syu-cak-ho-mul kis-ke a-nya moy-mul-ho-ni-i-ta (15,6)

старик-АСС встречать-ДЕЕП говорить-НОМ-АСС радоваться-ДЕЕП не быть холодный-КС

Поэтому он не обрадовался беседе с вами и остался равнодушным. (старушка – *чхоса* Лю)

8. Окончание *-(o/u)li.la*. На материале XV в. Мартин⁹² выделяет следующие значения этого окончания: будущее время (с оттенком вероятности) и долженствование. В тексте XVIII в. показатель *-(o/u)lila* все эти значения сохраняет:

24. i-sey kyeng-so-lwo ka-li-la (89,10)

теперь столица-INST идти-КС

Они скоро уедут в столицу.

25. i-kwos-uy is-ci mwos-ho-key ho-li-la (92,5)

это место-GEN быть-ОТР не мочь-ДЕЕП делать-КС

Нужно сделать так, чтобы его здесь не было!

9. Окончание *-(o/u)li.i.ta*.

26. un-huey-lol nis-ci a-ni-ho-li-i-ta (86,5)

благосклонность-АСС терять-ОТР не быть-КС

И мы постараемся не забыть вашей милости.

10. Окончание *-(o/u)l.nwo.ta*.

27. wo-o-uy myeng-khway-hon swo-kyen-i ye-mwoy mis-ci mwos-ho-nwo-ta (22,6)

ребенок-GEN ясный-ПРИЧ суждение-НОМ я-мать-НОМ верить-ОТР не мочь-КС

Мать не может постичь чистых помыслов сына!

11. Окончание *-(o/u)li.lwo.ta*.

28. yeng-ho-ung-ho-mul i-ku-y-ci mwos-ho-li-lwo-ta (48,5)

счастье и почет-НОМ-АСС побеждать-ОТР не мочь-КС

Счастью моему нет границ.

12. Окончание *-no.n.ta*. Этот показатель встретился только в косвенных или риторических вопросах. Например:

29. ney es-ci i-len mal-ul ho-non-ta (112,4)

ты-НОМ почему такой-ПРИЧ слово-АСС говорить-КС

- Зачем ты так говоришь?

---

⁹² Martin S.E., 859

Мартин⁹³ описывает эту морфему как устаревший эквивалент вопросительного окончания *-ya/-ka*. Морфема *-ta* произошла, по Мартину, из последовательности *t[o k]a* “правда ли, что...?”.

13. *Окончание -no.i.ta.*

30. sa-lom-i chyе-soy-la ho-no-i-ta (109,5)

человек-NOM чхоса-быть-КС говорить-КС

Люди меня прозвали чхоса.

14. *Окончание -te.la.*

31. sa-lom-uy kwo-ki kwup-no-ni-two is- kwo ci-ci-no-ni-two is-kwo kos cwuk-ye an-pan-uy nwo-hu-ni-two is-te-la (45,10)

люди-GEN мясо жарить-ДЕЕП-тоже быть- ДЕЕП тушить-ДЕЕП-тоже быть-ДЕЕП только что убивать-ПРК-ДЕЕП стол-GEN класть-ДЕЕП-тоже быть-КС

Сразу нашли [там] и жареное человеческое мясо и вареное. Убитые лежали на столах.

Пример встретился в следующем контексте: “[Чиновники], выслушав приказ, взяли под стражу разбойников и пришли к трактиру, сразу нашли там и жареное человеческое мясо и вареное. Убитые лежали на столах”. Здесь видно, что воспринимали ситуацию герои романа – чиновники, а не повествователь.

15. *Окончание -(o/u)ni.a.* В ранненовокорейском тексте нами зафиксирован только один пример употребления этого окончания после связки *i-* «быть»:

32. ke-chyu al-syeng-cang-wen ni hyen-i-nya (105,9)

прошлая осень занять первое место на экзамене Ли Хён-быть-КС

- Это не тот ли Ли Хён, который прошлой осенью во время паломничества на могилы предков первым сдал экзамены?

16. *Окончание -(o/u)n.ka.*

33. hwey-pul myel-syeng-un syeng-in-uy kyeng kyey-la kwun-i hyel-up-ci-chyek-uy ce-khen-toy syen-tay-in kyey-hwun-i a-nin-ka ho-nwo-la (49,9)

святой-GEN предостережение КС ты-NOM бояться-ДЕЕП минувшая эпоха-люди не быть-КС говорить-КС

[Ван сказал со вздохом]:-Святые мудрецы боялись нарушить покой, разве не предостерегали правителей от отчаяния люди прошлых веков?

17. *Окончание -(o/u)ni.wo.*

34. swon-uy es-te-ho-nyo (23,1)

Ваше мнение какой-КС

---

⁹³ Martin S.E., 788

А каковы ваши желания?

18. *Окончание* -(o/u)n.kwo.

35. nau-key-non cwoк-tyeu nyu-huy ep-so-ni i-e-in mal-in-kwo (102,6)

я-DAT-TOP дальний родственник Лю Хи не быть-ДЕЕП это что за слова-быть-КС

У меня нет дальнего родственника по имени Лю Хи, что все это значит?

19. *Окончание* -(o/u)ni.is.ka.

36. a-ni syen-im-so-lang-ni myeng-i-si-ni-is-ka (29,10)

не быть-ДЕЕП бывший сиран Ли Мён быть-КС

Не имеете ли вы в виду бывшего сирана Ли Мёна?

20. *Окончание* -(o/u)ni.is.kwo.

37. nang-kwun-uy syeng-myeng-i mwu-e-si-ni-is-kwo (96,2)

господин-GEN фамилия-имя-NOM какой-КС

Как ваше имя?

21. *Окончание* -(o/u)li.a.

38. nyu-ka-nye-soy na-uy o-co-lol tang-ho-lya (20,2)

Лю семья-девушка-NOM я-GEN ребенок-АСС встречать-КС

Подходит ли ему девица из дома Лю?

22. *Окончание* -(o/u)l.ka.

39. ney pa-lwo kyeng-so-lwo ka hwok-cya tung-kwa-ho-ke-tun kum-cyuy-lwo ka-mi tyo-hul-ka
ho-nwo-la (24,7)

ты-NOM прямо столица-INST идти-ДЕЕП некто выдержать экзамены-ДЕЕП Цзинь-
Чжоу-INST идти-NOM-NOM хороший-КС говорить-КС

Госпожа сказала сыну: - Не лучше ли будет тебе поехать сейчас прямо в столицу и сдать экзамены, а потом отправиться в Цзиньчжоу?

40. syeng-syang wi-tek-ul yok-mek-il-ka (55,3)

наш король добродетель и авторитет-АСС опозорить-ПРК-КС

Как бы мне не опозорить могущества государя.

23. *Окончание* -(o/u)li.wo.

41. es-ci ye-le mal-som-ul ho-si-li-wo. (47,8)

почему различный слова-АСС делать-ВЕЖ-КС

Зачем же попусту говорить об этом?

42. i-len pung-thyen ci-thwong-ul man-nal_cwul mwong-moy-uy-na stus-ho-ye-si-li-wo (31,4)

такой-ПРИЧ острая боль-АСС встречать-ПРИЧ СИ сон GEN-даже ожидать-ВР-КС

Разве мог подумать хотя бы во сне, что придется пережить такое горе, какого не выдержит даже небо?

24. Окончание *-(o/u)l.kwo*.

43. koуk-i kwo-ki a-ni-mek u-ni es-ci hol-kwo (38,7)

гость-NOM мясо ОТР-кушать-ДЕЕП почему делать-КС

Гость не ест мяса, отчего бы это?

25. Окончание *-(o/u)li.is.ka*.

44. hoу-o- lul pwo-si-myen sya-chi a-ni-si-li-is-ka (8,2)

маленький ребенок- АСС смотреть-ВЕЖ-ДЕЕП щадить-ОТР не быть-ВЕЖ-КС

Разве не простит он [вас] , если увидит своего сына?

26. Окончание *-(o/u)li.is.kwo*. Это окончание представляет собой вежливый вариант вопросительного окончания *-(o/u)li.wo* и выражает специальный вопрос:

45. nung-hi yong-nar-ho-ya he-ho-si-mul e-tu-li-is-ka (97,8)

можно проявлять терпимость-ДЕЕП разрешать-ВЕЖ-НОМ-АСС получать-КС

Можно ли надеяться, что вы снизойдете и согласитесь?

27. Окончание *-no.ni.a*.

46. tyung-tang-uy-sye pwo-mye kwa-sil-ul mek-ten cwul mwo-lo-si-no-nya (103,1)

средние покои-ЛОК видеть-ДЕЕП фрукты-АСС кушать-ВР-ПРИЧ СИ не знать-ВЕЖ-КС

Разве вы не помните, как в срединх покоях познакомились со мной и угощались фруктами?

28. Окончание *-no.n.ka*. Это окончание также является дублирующим к окончанию *-no.ni.a*; выражает общий вопрос:

47. syo-cyeу kwu-ka-uy swum-es-non-ka sol-phi-la ho-ni (64,10)

девушка-NOM дом свекрови-GEN прятаться-КС выяснять-КС говорить-ДЕЕП

[Ким ...] посоветовал: - Посмотрите, не спряталась ли девица у свекрови?

29. Окончание *-no.ni.wo*.

48. es-ten ye-in i i-li kwo-chwo-hi ton-ni-no-nyo (5,4)

какой-ПРИЧ женщина-NOM быть-КС тягостный-НАР бродить-КС

Кто вы такие, [-спросила она, -] почему вы бродите здесь в таком отчаянии?

49. moу-tyeu es-cin kwo-lwo i-ey ni-lo-les-no-nyo (103,5)

младшая сестра какой-ПРИЧ СИ-INST здесь достигать-ВР-КС

- Почему сестрица оказалась здесь?

30. Окончание *-no.ni.is.ka*.

50. syu-yen-i-na tay-wang stus-i kuy-kwun-ho-ya wu-hul pem-khwo-cye-ho-si-no-ni-is-ka (115,5)

хотя оно и так, но великий князь смысл-NOM обман.короля-ДЕЕП место-АСС нарушать-ДЕЕП делать-ВЕЖ-КС

Уж не хочет ли великий князь обмануть государя и захватить престол?

30. *Окончание -no.ni.is.kwo.* Это вежливый вариант окончания *-no.ni.wo.* В памятнике XVIII в. встретился только один пример данного окончания:

51. ak-tyang-i sang-nyen-i sye-mu-ci a-nya kye-si-kwo nuk-pal-i i-wu-ci a-nyas-ke-nul es-ci pul kin-hon mal-som-ul ho-si-no-ni-is-kwo (28,2)

тесть-NOM чел.в возрасте-NOM кончатся-ОТР не быть-ДЕЕП быть-ДЕЕП волосы-NOM увядать-ОТР не быть-ВР-ДЕЕП как ненужный-ПРИЧ говорить-ВЕЖ-КС

Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели?

31. *Окончание -te.ni.wo.*

52. kwok-wal [...]mwu-son pyeng-uy pin-thyen-ho-si-ta ho-te-nyo (69,4)

плакать-говорить какой болезнь-GEN бедный-ВЕЖ-КС говорить-АСП-КС

...она заплакала: - [...]Может быть, он скончался от какого-нибудь недуга?

Отдельно рассмотрим окончания повелительного наклонения (императива). *Императив* совмещает выражение желания с выражением *побуждения*: сам факт произнесения императивной словоформы является попыткой говорящего побудить адресата к совершению действия (или в случае *прохибитива*, к его несовершению⁹⁴).

Виды побуждения различаются, во-первых, по степени категоричности, в зависимости от того, высказывает ли говорящий просьбу, совет, предложение, требование, мольбу и т.п. В корейском языке эти значения передаются разными морфологическими показателями императива, совмещенными с выражением различных степеней вежливости (см.ниже).

Во-вторых, побуждение существенно различается по своей семантике в зависимости от того, к какому участнику речевой ситуации оно обращено. Прототипический императив предполагает, что будущим исполнителем действия является непосредственный адресат говорящего, т.е. второе лицо. Однако нами зафиксированы и «смещенные» (или несобственные) побуждения, которые обращены к третьему лицу. В этом случае прямое побуждение трансформируется в косвенное: на непосредственного адресата говорящего возлагается задача воздействовать на реального исполнителя (*юссив*). Это значение выражается, как правило, аналитической конструкцией: деепричастие цели - *key* + *ho*-‘делать’ в форме повелительного наклонения. Например:

53. ney mas-tang-i cin-pwu-in-ku-y i-stus-ul kwo-ho-ya tin-cin-uy tyo-hu-mul moys-key ho-la

ты-NOM обязательно-НАР Чин г-жа-DAT этот-смысл-АСС передавать-ДЕЕП вступление
в брак-GEN хороший-NOM-АСС завязать-ДЕЕП делать-КС

Ты предложи это госпоже и постарайся уговорить ее.

Как уже было сказано, в повелительных предложениях как среднекорейского, так и ранненовокорейского языка структура с формальным сказуемым не употребляется. Окончания с императивным значением присоединяются непосредственно к корню предикатива.

Нереспективные формы этого наклонения в языке памятника образуются путем присоединения к глаголу окончания *-(o/u)la*. Например:

54. *swo-loy no-chwo-la* (38,8)

голос-NOM снижать-КС

Потише вы!

В случае включения в императивную конструкцию запретительного глагола *mal-* мы получаем аналитическую конструкцию прохибитива:

55. *kwo-i-hi ne-ki-ci mal-na* (114,6)

странный-НАР считать-ОТР запретит-КС

Не удивляйтесь этому.

Респективные повелительные формы в языке XVIII в. представлены лишь одним показателем, как и в среднекорейском языке, - окончанием *-(o/u)syosye*. Формы, образуемые этим окончанием, употребляются исключительно в обращении младшего к старшему или нижестоящего к вышестоящему:

56. *spol-ni two-la-pwo-noy-syo-sye* (57,5)

быстро обратно посылать-КС

Скорее отошлите его обратно! (Советник государю)

57. *syen-ka-lul cwu-si-kwo i-kwos-uy roy-lol no-li-syo-sye* (4,1)

плата за лодку-АСС давать-ВЕЖ-ДЕЕП этот-СИместо-GEN лодка-АСС спускаться-КС

Заплатите мне и сойдите здесь. (обращение лодочника к госпоже Чин)

В тексте XVIII в. зафиксировано окончание *-saita*, которое описывается как праформа современного пригласительного окончания **-psita**. Всего в тексте памятника нам встретились два примера, однако авторы перевода не отражают пригласительную модальность этого окончания:

---

⁹⁴ Для корейского языка характерен аналитический способ выражения запрета: конструкции с императивом так называемого «запретительного глагола» *mal-*, который не употребляется за пределами прохибитивных конструкций.

58. wen-khen-toy thay-thay-lul moy-si-kwo ya-ya-uy kye-sin kwos-ul chyon-chyon-i cho-co ka-sa-i-ta (8,5)

желать-ДЕЕП мать-АСС заботиться-ДЕЕП отец-GEN быть-ПРИЧ место-АСС каждый
искать-ДЕЕП идти-КС

Я позабочусь о вас и [поеду] разыщу его.

59. spol-ni kwu-ka-lwo ka-sa-i-ta (63,3)

быстро дом свекрови-INST идти-КС

Ступайте скорей в дом свекрови.

Более подробное изучение значений этого окончания возможно при привлечении более широкого круга текстов.

Также отдельно следует описать два следующих показателя:

1. *Окончание -two.swo.i.ta.* В это окончание входит формант *-swo-*, Мартин приписывает ему значение восклицательности, однако наш материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту точку зрения. В тексте нам встретились следующие примеры:

60. sim-tam-i po-o-ci-non tos-ho-two-swo-i-ta (67,4)

сердце-NOM разбиться-ПРИЧ значить-КС

[Сердце] мое разрывается.

61. un-hyeu nan-mang-i-lwo-swo-i-ta (109,9)

милость незабвенный-быть-КС

Мы не забудем вашей доброты.

Во втором примере *ilwo-* трактуется Мартином⁹⁵ и Ю Чхандоном⁹⁶ как расширенный вариант связки *i-*, включающий в себя эмотивную морфему *-two-* и выражающий более субъективное мнение, чем нерасширенный вариант *i-*.

2. *Окончание -(o/u)li.lwo.swo.i.ta.* Так же, как и предыдущее окончание, в тексте оно встретилось всего в двух примерах, представляющих, видимо, устойчивые выражения:

62. kam-kyek-ho-mul i-kuy-ci mwos-ho-li-lwo-swo-i-ta (48,8)

быть взволнованным-NOM-АСС побеждать-ОТР не мочь-КС

Я не скоро приду в себя от глубокого потрясения.

63. hwang-kwong-ho-mul i-kuy-ci mwos-ho-li-lwo-swo-i-ta (48,10)

трепетать от страха-NOM-АСС побеждать-ОТР не мочь-КС

Я не могу побороть в себе священного трепета.

⁹⁵ Martin S.E., 273

⁹⁶ Ю Чханьдон. Ичжо-ё сачжён (Ю Чханьдон. Словарь языка династии Ли). Сёул: Йёнсэ тэхаккё хчулпханбу. 1964.

Деепричастие

Деепричастие - позиционная категория предикатива, выражающая отношение одного предикатива к другому. Деепричастие характеризуется двумя основными функциями: сказуемостной (деепричастие в роли срединного сказуемого) и обстоятельственной. Кроме того, некоторые деепричастия часто выполняют функцию соединительной формы в ряду однородных членов предложения, а также употребляются при образовании сложных форм предикатива.

Предикативы в корейском языке имеют очень развитую систему форм срединного сказуемого. С помощью таких форм выражаются отношения условности, уступительности, причинности и др., т.е. деепричастия выполняют приблизительно ту же роль, что и союзы в других языках. Поэтому деепричастные формы иногда называют союзными⁹⁷.

Некоторые формы деепричастия используются еще как формальные деепричастия для образования аналитических форм (аналитических конструкций). Сфера употребления деепричастий качественных предикативов и особенно связки несколько уже, что оговаривается при описании соответствующих форм.

Окончания деепричастных форм глагола выражают сочинительные или подчинительные (обстоятельственные) отношения глагола (или группы слов с глаголом в роли опорного слова) к соотносимому с ним слову (или группе слов).

Деепричастные формы образуются присоединением окончаний к основе глагола, кроме того, окончания некоторых деепричастий могут присоединяться к основе, осложненной суффиксами времени и вежливости.

В языке Оды Холодович выделял следующие деепричастные формы:

1. *-kwo*; устанавливает отношение равноценности, равносильности двух действий или признаков.

2. *-{H}(wo/wu)mye*; устанавливает те же отношения, что и *-kwo*.

3. *-tun*; устанавливает временные отношения между двумя предикативами. Окончание употребляется только при наличии в предикативе аффикса прошедшего завершённого *-ke-*; этот аффикс может быть осложнен аффиксами уничижительности или вежливости; они, однако, факультативны. К предикативу *wo-* «приходить» вместо *-ketun* присоединяется *-natun*, вместо *-kesitun* - *-nasitun*.

4. *-taka*; указывает на то, что достижение успешного результата одним действием было прервано в результате возникновения другого действия.

5. *-(o/u)lye*; устанавливает целевые отношения между двумя предикативами.

Очень часто деепричастие, характеризуемое окончанием *-(o/u)lye*, устанавливает связь предикатива, оформленного этим окончанием с глаголом *ho-* «говорить, думать». Это сочетание рассматривается как аналитическая форма выражения модальности намерения (подробнее см. гл. *Модальность*).

Если *ho-* имеет в своем составе окончание, способное к аспирации, то корень *ho-* может выпасть, а начальный согласный окончания аспирироваться. Так обстоит, например, дело с окончанием *-ta*: *ho-+-ta* дает *-tha*. Соответственно аналитическое сочетание *ka-lye ho-ta* «собирается поехать» может дать синтетическую форму *kalyetha*.

6. *-{H}(wo/wu)myen*; устанавливает условные отношения между двумя предикативами. Как правило, он указывает на нереальное условие, т.е. на такое условие, которое на самом деле не имело места в действительности. Чаще всего это деепричастие соответствует русскому «если бы». Предикатив может иметь в своем составе аффиксы вежливости или уничижительности.

Это деепричастие в Оде встречается обычно в предложениях, которые содержат в себе риторический вопрос.

7. *-(o/u)na*; устанавливает противительные отношения между двумя предикативами. Предикатив может содержать в себе аффиксы уничижительности и вежливости. В этом случае вторая основа, к которой присоединяется *-(o/u)na*, естественно, образуется от этих аффиксов. Других аффиксов перед *-(o/u)na* в Оде нет.

8. *-(o/u)ntol*; устанавливает противительно-уступительные отношения между предикативами. Предикатив может содержать аффиксы уничижительности и вежливости. Проф. Маэма считает это окончание омонимичным совокупности морфем *(o/u)n to-l*, состоящей из атрибутивной формы предикатива *-(o/u)n* и служебного имени *to* в винительном падеже (эта конструкция зафиксирована в более поздних памятниках). Нам кажется, что по происхождению оба образования тождественны.

9. *-{H}(wo/wu)toy*; устанавливает противительно-уступительные отношения между предикативами. присоединяется к четвертой основе предикативов. Соответствует современному **-twe**. Окончание омонимично служебному имени *toy*. Различаются они способом связи с предикативом: деепричастие присоединяется к корню предикатива, а служебное имя к атрибутивным формам. Перед окончанием могут быть аффиксы вежливости или уничижительности, например: *ho-sya-toy*, *ho-zowo-toy* от *ho-* «делать, говорить».

---

⁹⁷ См. Levin B. Morphologie des koreanischen Verbs. Wiesbaden, 1970.

Помимо указанного выше значения, это деепричастие может указывать на то, что предикатив, оформленный им, выражает действие или признак, сопутствующий другому действию или признаку; в этом случае оно передается русским оборотом «постольку...поскольку» и подобными.

Некоторые деепричастия, как, например, деепричастие, образованное окончанием -*kwo*, могут сопровождаться частицами. Так, частица *two* вносит в значение деепричастия противительный оттенок.

10. -{H}a/e; выражает:

а) сопутствующее обстоятельство;

б) причинное отношение.

Все перечисленные среднекорейские деепричастные формы перешли в ранненовокорейский язык, сохранив свою форму и значение.

На переходе к XVIII в. система деепричастий значительно расширилась, приблизившись к современной. Итак, на материале ранненовокорейского романа зафиксированы следующие классы деепричастий:

Соединительное деепричастие.

Соединительное деепричастие в языке памятника образуются с помощью окончания -*kwo*. При присоединении к предикативам типа *tyoh*- “хороший” и т.п. начальный согласный окончания аспирируется, например: *tyo-khwo*. При присоединении к корню-основе связки *i*- начальный согласный окончания падает, например:

1. nau nos-chol tu-le thyen-il-ul mwos-pwol soy-in-i-wo (12,2)

я-НОМ лицо-АСС поднимать-ДЕЕП солнечный свет-АСС ОТР-видеть-ПРИЧ
преступник-быть-ДЕЕП

Я преступник, который не смеет даже взглянуть на солнечный свет;

Основным значением деепричастия на -*kwo* является указание на сочинительный характер связи между двумя предикативами (2) или на равноценное отношение между двумя предложениями (3).

2. nwo-kwoy wos-sol pes-kwo mwok-yok nom-ul-soy (12,10)

старушка-НОМ одежда-АСС снимать-ДЕЕП ванна получать-ПРИЧ-СИ

Старуха сняла платье и стала купаться

3. pwong-man-i syu-lye-ho-kwo kyeng-kaу cyel-sung-hon-toy (12,9)

пик горы-НОМ очаровательный-ДЕЕП природа пейзаж невидан.красоты-СИ

Горные пики были прекрасны, природа великолепна!

В памятнике обнаруживаются две формы анализируемого деепричастия: бессуффиксальная форма типа *ho-kwo* и форма прошедшего времени типа *ho-yes-kwo*:

4. i-stoy syo-cyey hoыng-nyang-i cin-hoyes-kwo kil-kyel-hi mang-yen-ho-yes-non-ci-la (108,1)

это время девушка-NOM большой дорожный мешок-NOM иссякать-ВР-ДЕЕП дорога-NOM неясный-ВР-ДЕЕП

К этому времени у странниц кончился запас еды, и они не знали как им быть.

На материале памятника можно выделить следующие оттенки значения:

5. hyeng-tyang-ul роу-syel-ho-kwo nyang cwoy-in-ul kyel-pak-ho-ya tyung-chi-ho-mye (32,10)
палка-АСС давать-ДЕЕП пара преступник-АСС связывать-ДЕЕП строго наказывать-ДЕЕП

Разложили палки, преступников привязали и строго наказали.

В этом примере деепричастие выражено глаголом *poysyelho-* “давать” и указывает на сочинительный характер связи между двумя сказуемыми.

6. syo-coy na-hi e-lye chyen-ni-uy nung-hi pal-syer-ci mwos-ho-kwo tyu-ya hoыng-wun-ul po-la up-yang-hol sto-lom-i-le-ni (34,10)

я-NOM возраст юный-ДЕЕП тысяча ли-GEN вполне исходить-ОТР не мочь-ДЕЕП день ночь счастливая судьба-АСС смотреть с надеждой-ДЕЕП уступать-ПРИЧ только-быть-ДЕЕП

Я был молод и не мог преодолеть расстояния в тысячу ли. Дни и ночи я надеялся на судьбу, но меня преследовали несчастья.

В этом примере деепричастие выражено глаголом *mwosho-* “не мочь” и указывает на равноценное отношение между двумя предложениями.

7. yen-wang-un thay-cwo uy tyey-so-coy-wo il-hum-un thayey-la (41,3)

Ён-ван-ТОР Тхэ-чжо GEN четвертый-сын-бытьДЕЕП имя-ТОР Чхэ-быть-КС

Ён-ван - четвертый сын Тхэ-чжо, имя его Чхе.

В этом предложении в форме деепричастия стоит связка *i-*, деепричастие на *-kwo* служит для сочинения равноценных предикативов, обозначающих одновременно наличествующие признаки у одного предмета.

8. tyem-cyuy tam-ma-ta ka-soy lol skos-kwo pang-wul-ul to-la (40,1)

хозяин-NOM стена-каждый терновник АСС втыкать-ДЕЕП колокольчики-АСС вешать-ДЕЕП

У трактирщика вся усадьба была обсажена терновником, а на кустах развешены колокольчики.

9. hwang-swon-i in-yak-ho-kwo pang-hyo-yu kyeng-chyeng cyey-thay hwang-co-cing-uy mwu-li-ta mi-yak-hon mwun-sin-i-la (55,10)

внук императора-NOM мягкосердечный-ДЕЕП Пан Хё Ю Кён Чхён Че Тхэ Хван
Ча Чжин-GEN дело-быть-КС слабый-ПРИЧ мунсин-быть-КС

**Мой внук характером слаб, а все эти Пан Хё Ю, Кён Чхён, Че Тхэ, Хван Ча Чжин -
недостойные мунсины.**

10. nwo-hul cwu-e ka-soy nam-kuu moy-kwo hon-skus-chol hok-so-uy pang-uy nwo-has-te-ni
(40,4)

веревка-АСС давать-ДЕЕП терновник дерево-GEN завязывать-ДЕЕП один конец-АСС
хакса-GEN комната-GEN отпустить-ВР-ДЕЕП

**Тот взял тонкую веревку, привязал ее к терновнику, а другой конец протянул в
комнату юноши.**

В этих примерах показатель деепричастия *-kwo* присоединяется к предикативам *skos*- “кончатся”, *inyakho*- “слабый” и *moy*- “завязывать” и устанавливает равноценные отношения между двумя предложениями.

Из примеров видно, что равносильная связь двух действий в одном или двух (сочиненных) предложениях может носить двоякий характер: она может быть либо соединительной (примеры 5, 6, 7, 10), либо противительной (примеры 8, 9). При реализации первого значения субъект действия, обозначенного деепричастием, совпадает с субъектом действия (подлежащим) предложения. Второе значение обычно имеет место там, где друг другу противопоставляются подлежащие, дополнения или обстоятельства при каждом предикативе.

Деепричастие на *-kwo*, образованное от глагола, может обозначать также событие, предшествующее другому событию. При этом другое действие или состояние наступает после действия или состояния, выраженного деепричастием (чаще – при контактном расположении двух глаголов):

11. (39,7) hwol-yen kyek-pyek-uy-sye ko-ma-ni wus-kwo nil-wo-toy

вдруг перегородка-ЛОК тихий-НАР смеяться-ДЕЕП говорить-ДЕЕП

Вдруг за перегородкой тихонько захихикали, и кто-то сказал:....

Также деепричастие на *-kwo* может указывать на то, что выраженное им действие предшествует другому действию, но состояние, возникшее в результате первого действия, одновременно другому действию и сопровождает его. Например:

12. hok-soy stoy-lol tha co-kuu syong-cya lwo te-pu-le na-kwi-lol tho-kwo to-la-na-te-ni (40,8)

хакса-NOM момент-АСС получать-ДЕЕП свои слуга-INST вместе осел-АСС садиться-
ДЕЕП убежать-ДЕЕП

**Они сновали вправо и влево, а юноша и его слуги воспользовавшись переполохом,
сели на ослов и бежали.**

В этом примере в форме деепричастия стоит глагол с предельным значением *tho-* “садиться (на коня и т.д.), быть, ехать”.

Бессуффиксальные формы деепричастия на *-kwo* в языке памятника могут соотноситься с предикативом в форме разных времен, обозначая действия, реально отнесенные к тому времени, которое выражено в соотносимом слове. Подтвердим это следующими примерами:

13. *mu-los two-sek-ul sang-mul-ul cap-kwo kwan-pwu-uy kwo-ho-ya kyel-tan-ho-no-ni* (42,3)
в общей сложности вор-АСС краденая вещь-АСС брат-ДЕЕП уездный начальник-GEN
сообщать-ДЕЕП решать-ДЕЕП

- Когда хватают разбойников или краденое, докладывают в управу и там решают дело.

В этом предложении деепричастие, выраженное глаголом *cap-* “брат” соотносится со сказуемым в форме настоящего времени и обозначает действие, также происходящее в настоящем.

14. *mi-che ka-tyong-ul sol-phi-ci mwos-ho-kwo stol-wa-si-ni* (43,7)
сразу же в доме АСС выяснять-ОТР не мочь-ДЕЕП следовать-ВР-ДЕЕП

Мы бросились следом, даже не осмотрев дом.

В этом примере деепричастие соотносится с глаголом в форме прошедшего времени и обозначает действие, реально имевшее место в прошлом.

15. *ye-tung-i se-nyu-lol cap-a-to-li-kwo tyem-tyung-ul co-si twi ye in-yuk chyul-chye-lol a-la wo-la* (45,8)
вы-НОМ эта группа АСС хватать-ДЕЕП трактир-АСС тщательно обыскать- ДЕЕП
чел.мясо источник-АСС знатьДЕЕП приходить-КС

Схватите эту шайку и обыщите трактир, узнайте, откуда они берут человеческое мясо!

В этом предложении действие, обозначенное конечным сказуемым должно возникнуть после момента речи. Соотнесенное с ним деепричастие, выраженное глаголом *capatali-* “хватать”, также обозначает действие, которое должно совершиться в будущем.

Сочинительное деепричастие.

Сочинительное деепричастие реализуется с помощью показателя *-(o/u)mye*. В языке памятника выступает как выразитель сочинения, соединяя однородные сказуемые или определения, например:

16. *wang-i tus-kwo sul-he-ho-myе sim-tyung-uy pwun-ang-ho-ya* (60,1)
ван-НОМ слышать-ДЕЕП печалиться-ДЕЕП сердце-середина-GEN возмущаться-ДЕЕП

Ван огорчился и разгневался.

Кроме того, это деепричастие может также использоваться для выражения сочинительной связи частей сложного предложения, например:

17. wok-myen-uy hyel-kuu ep-so-mye nyang-mwok-uy pyel-kos-thon syeng-choy syo-sak-ho-ye-si-ni (37,7)

яшма-лицо-GEN юношеский пыл не быть-ДЕЕП пара-глаза-GEN звезда похожий-ПРИЧ
блеск одинокий и унылый-ВР-ДЕЕП

На яшмовом лице [его] не было ни кровинки, звездное сияние глаз померкло

При этом, если к подлежащему той или иной части сложного целого относятся два или несколько сказуемых, то они могут быть выражены (кроме последнего) соединительным (или другим, близким по значению и функции) деепричастием, а лишь последнее – сочинительным на *-(o/u)mye*. Например:

18. hok-soy tyen-tap ul cho-co kwok-sik-ul cip-uy tu-li-kwo ka-tyung-ul syu-chik-ho-mye syen-il cin pwu-in pu-li-ten nwo-pwok-ul mwo-tu-ni (81,1)

хакса-NOM суходольные и орошаемые поля АСС искать-ДЕЕП злаки-АСС дом-GEN
брат-ДЕЕП в доме-АСС наставлять-ДЕЕП раньше Чин госпожа заставлять работать-
ПРИЧ старый слуга-АСС собирать-ДЕЕП

Хакса получил земли [отца] - орошаемые и суходольные, и с этого дня собирая урожай, он наставлял домашних; разыскал слуг, которых прежде держала госпожа Чин.

В таких случаях сочинительное деепричастие оказывается на стыке более крупных частей предложения, которые, в свою очередь, могут состоять из более мелких частей, связанных между собой другими деепричастными формами.

В памятнике зафиксированы только бессуфиксальные формы этого деепричастия, которые, соотносясь с глаголами в форме разных времен, обозначают действия, реально отнесенные к тому времени, которое выражено в соотносимом слове. Например:

19. sa-lom-uy el-kul-ul pwo-mye hwa-so-uy mo-om-i i-si-li-wo (10,10)

люди-GEN лицо-АСС видеть-ДЕЕП несчастье-GEN душа-NOM быть-КС

Когда вижу людей, душа замирает от горя.

В этом примере деепричастие, выраженное глаголом *pwo-* “смотреть”, соотносится со сказуемым в форме настоящего времени и обозначает действие, также происходящее в настоящем.

20. san-tyung-uy un-ke-ho-ya su-so-lwo ho-moy lol tul-mye kang-e-lol nas-ka syeng toy-ey han-ka-hon swon-i toy-yes-te-la (16,7)

горы-среди-GEN жить отшельником-ДЕЕП самостоятельно брать-ДЕЕП река-рыба-АСС
удить-ДЕЕП святой эра-DAT свободный-ПРИЧ гость-NOM становится-ВР-КС
**...уединившись в горах, он возделывал землю, удил рыбу и жил «гостем,
отдыхающим в святые времена».**

В этом примере деепричастие, выраженное глаголом *tul-* “брать, входить”, соотносится со сказуемым в форме прошедшего времени и также обозначает действие, предполагаемое в прошлом.

Деепричастие предшествования

Деепричастие предшествования выражается окончанием $-{H}a/e/ye$. Правила выбора вариантов окончания $-{H}a/e/ye$ следующие: к корню с открытым гласным присоединяется окончание $-{H}a$, например: *twolapwo-a* (25,10) от *twolapwo-* «оборачиваться», *tann-a* (15,7) от *tanna-* «встречать», *tol-a* (10,4) от *tol-* «вешать», к корню с закрытым гласным – окончание $-{H}e$, например: *mek-e* от *mek-* «кушать», к корню на *-i* или *i*-образный дифтонг присоединяется $-{H}ye$: *ik-ye* (30,9) от *iki-* «преодолеть, перенести» и т.д. К глаголу *ho-* присоединяется окончание *-ya*: *kwongkyengho-ya* (26,7) от *kwongkyengho-* “уважать”.

Рассматриваемое деепричастие обозначает подчиненное действие или состояние, которое во временном или логическом планах предшествует главному действию или состоянию, обычно выраженному в заключительном (или следующем) сказуемом.

А.А. Холодович отмечал, что оно может служить средством выражения нескольких разных значений:

1. Деепричастие указывает на то, что выраженное им действие или состояние предшествует другому действию или состоянию, при этом другое действие или состояние наступает только по завершении первого. Это значение предполагает наличие общего подлежащего. Например:

21. *han-coy il-si-uy to-la-tu-le hok-so-lol phip-pak-ho-ya cyong-cya-lol ta moy-ni* (42,1)

бугай-NOM сразу же-GEN броситься-ДЕЕП хакса-АСС приставать-ДЕЕП слуга-АСС все
вязать-ДЕЕП

[Только он промолвил,] как разбойники в одно мгновение подскочили и схватили его, а слуг его связали.

В этом примере в форме деепричастия стоят глаголы *tolatul-* “броситься” и *phipprakho-* “приставать”.

2. Деепричастие указывает на то, что выраженное им действие (22) или состояние (23) является причиной другого действия или состояния, например:

22. nwo-kwoy khu-key kuy-thuk-i ne-kye cha-than-ho-mul ma-ci a-ni-ho-te-la (11,1)
старушка-NOM большой-НАР похвальный-НАР считать-ДЕЕП вздыхать-NOM-АСС
прекращать-ОТР не быть-КС дальнейшее-NOM

Старушку удивляло его поведение, и она то и дело вздыхала.

23. na-hi e-li-kwo two-lwoy yo-wen-ho-ya ci-kum ni-lo-ci mwos-ho-yes-te-ni (31,1)
возраст маленький-ДЕЕП путь-NOM далекий-ДЕЕП сейчас добраться-ОТР не мочь-ВР-
ДЕЕП

я был мал, а путь далек, и потому я только сейчас явился сюда

Деепричастную форму на $-\{H\}a/e/ye$ со значением причины может принимать также предикатив наличия *is-*, например:

24. nwo-koу rwon-toy phwung-cil-i i-sye chow-cyeng-uy mwok-yok-ho-la ton-ni-te-ni (11,2)
7-месяц великолепное празднество-АСС встречать-ДЕЕП старушка-NOM изначально
нервные болезни-NOM быть-ДЕЕП Чхочжон- Чхочжон-GEN приним.ванны-ДЕЕП
ходить-ДЕЕП

Хозяйка была болезненной женщиной и ходила на купания Чхочжон. (у хозяйки были болезни...)

3. Деепричастие указывает на то, что выраженное им действие или состояние характеризует другое действие, как сопровождающее его обстоятельство, например:

25. na-mwo ku-nol-uy an-ca ka-cye-won swul-ul mek-te-ni (13,2)
NOM одежда-АСС надеть-ДЕЕП дерево тень-GEN сидеть-ДЕЕП приносить-ПРИЧ вино-
АСС пить-ДЕЕП

... сидя в тени деревьев, попивала вино, принесенное с собой.

При так называемых предельных глаголах деепричастие указывает на предшествование действия и одновременность вызванного этим действием состояния:

26. sin-rwu-lol ma-ca two-la-wa tay-lyey-lol pha-ho-kwo thyeу-royk-ul pas-tu-le-na (21,6)
невеста-АСС встречать-ДЕЕП возвращаться-ДЕЕП торж.церемония-АСС завершать-
ДЕЕП подарок-АСС получать-ДЕЕП

Встретив молодую, он вернулся [в дом] и, приняв подарки в завершение большой свадебной церемонии, удалился.

Таким образом, получается, что предшествующее действие может быть выражено двумя способами: деепричастием на *-kwo* и деепричастием с окончанием $-\{H\}a/e/ye$.

В «Очерке грамматики» А.А. Холодовича были упомянуты и другие деепричастные формы, образуемые на основе деепричастия предшествования: «Деепричастие, признаком которого является окончание *-a/-e*, может сопровождаться

частицей *-two ...*»⁹⁸. В языке памятника также деепричастие на $-\{H\}a/e/ye$ может сопровождаться частицами, вносящими дополнительные оттенки в значение деепричастной формы. Нами обнаружены его сочетания с частицей *-two*, которая вносит уступительный оттенок в значение деепричастия. Например:

27. *in-yuk a-ni-mek-e-two swo-chan-uy yak-ul psu-la kouk-i ryeng-tu-le kuy-wun-i he-ho-ni ku-yak-man ho-ye-two cwuk-u-li-la* (38,8)

человеческое мясо ОТР-кушать-ДЕЕП-ЧАСТ вегетарианский гарнир к рису-GEN зелье-АСС применять-КС гость-NOM заболеть-ДЕЕП чувство-NOM безжизненный-ДЕЕП этот-зелье-только делать-ПРК-ЧАСТ умирать-КС

Он не ест человеческого мяса, но ты приготовь ему зелье к закуске без мяса. Он заболел, ослабел и помрет от одного этого зелья!

Деепричастие на $-\{H\}a/e/ye$ в языке исследуемого памятника входит в состав ряда аналитических конструкций, в которых оно выступает как формальное деепричастие (см. гл. *Аспект, Модальность*).

Деепричастия предпосылки

К деепричастиям предпосылки относятся формы, образуемые окончаниями *-(o/u)ni*, *-poni*, *-teni*, *-(o/u)lini*.

1. *Окончание* *-(o/u)ni*. Из всех деепричастий это деепричастие обладает наибольшей предикативностью. Восходя к сочетанию причастия на $-(o/u)n$ с местоименным существительным *i*, оно в памятниках средневековой литературы могло служить сказуемым главного предложения⁹⁹ (подробнее см. *Гл. Финитные формы предикатива*).

По наблюдениям Г. Рамстедта это деепричастие употребляется для «соединения двух действий там, где между ними имеется какая-либо логическая связь; там, где первое действие является посылкой, второе – следствием. Эта связь может быть причинной, временной или какой-либо иной»¹⁰⁰. Примеры:

28. *wang-i tus-ki-lol mos-cho-moy pu-tuk-i pwo-kwo-cye-ho-ya cuk-si mwom-ul ni-le ha-sil-uy ni-lo-ni hok-soy khu-key pul-an-ho-na ma-ci mwos-ho-ya* (47,9)

ван-NOM слушать-NOM-АСС заканчивать-ДЕЕП вынужденный-НАР видеть-ДЕЕП делать-ДЕЕП сразу тело-АСС поднимать-ДЕЕП нижние покои-GEN достигать-ДЕЕП хакса-NOM большой-НАР тревожный-ДЕЕП встреча не мочь-ДЕЕП

⁹⁸ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 156

⁹⁹ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 157

¹⁰⁰ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. С.125

Ван непременно хотел повидать юношу, и сам отправился к нему. Ли Хён был так смущен, что не смог принять его должным образом.

Временное значение деепричастия *-(o/u)ni* связано с идеей предшествования:

29. *syē-kyeng sta-hoy nwo-mwo-lol to-li-la ka-non-kwo-lwo kil-hi i-kwos-ul mal-moy-am-a i-ey ni-lo-ni tyem-syuy in-yuk-ul ka-sye syo-soyng-ul swok-i-lye ho-ta-ka mwos-ho-kwo* (44,5)

Сицзин земля-GEN старуха-мать-АСС заботиться-ДЕЕП идти-ПРИЧ-СИ-INST путь-NOM этот-место-АСС зависеть- ДЕЕП здесь достигать-ДЕЕП хозяин-NOM человек.мясо-АСС брать-ДЕЕП я-АСС обманывать-ДЕЕП делать-ДЕЕП не мочь-ДЕЕП

я направился в Сицзин ухаживать за старой матерью, вот потому я и попал сюда.

Хозяин трактира задумал обмануть меня, подсунув человеческое мясо

Форму причастия на *-(o/u)ni* может иметь глагол в прошедшем времени, например:

30. *cang-so-lol ci-noy-ye-si-ni swon-kwo-uy yo-syek-ho-si-mul nyem-ye-ho-ya two-la-ka-kwo-sye ho-te-ni* (62,8)

похороны-АСС проходить-ВР-ДЕЕП свекровь-GEN прелестный-ДЕЕП возвращаться-ДЕЕП делать-ДЕЕП

Она совершила траурные обряды и, беспокоясь о благополучии свекрови, хотела вернуться к ней.

Суффикс прошедшего времени *-yesi-*, располагающийся перед окончанием *-(o/u)ni*, указывает на завершенность действия в прошлом.

Факт наличия у форм на *-(o/u)ni* значения предшествования объясняется, по-видимому, тем, что исторически окончание *-(o/u)ni* сложилось из двух морфем: окончание причастия прошедшего времени *-(o/u)n* и служебного имени *i* “тот, кто; тот, который; то, что”.

2. *Окончание -noni*. Реализуется непосредственно после корня предикатива, например: *ho-noni* (6,1) от *ho-* “делать”, *kwup-noni* (45,10) от *kwup-* «жарить» и т.д.; при присоединении к основам, оканчивающимся на *l*, конечный гласный основы выпадает, например: *a-noni* (8,9) от *al-* “знать”.

Деепричастия, образуемые окончанием *-noni*, имеют только одно значение – основание последующего действия, описывают события плана настоящего. Например:

31. *tha-il hwang-swon-kuy ni-chi a-nil-ka se-he-ho-op-no-ni spol-ni two-la-pwo-noy-syo-sye* (57,4)

другой день внук императора-DAT полезный-ОТР не быть-КС бояться-УНИЧ-ДЕЕП быстро обратно посылать-КС

Мы боимся, как бы не повредило это вашим наследникам в будущем. Скорее отошлите его обратно!

В отличие от *-(o/u)ni*, деепричастие на *-poni* не может быть формой качественного глагола и связки.

3. *Окончание -teni*. Это окончание реализуется после первой основы предикатива. Значение этого окончания – смена действия или состояния, т.е. его значение можно выразить так: “раньше было так, а теперь ...”. Например:

32. *pwon-cyep-yek-sung-u-lwo kwo-kum-ul uy-nwon-ho-te-ni hwol-yen pas-ki tu-le-y-mye* (42,8)

Пон Чжон Ек-монах -INST прежде и теперь-АСС обсуждать-ДЕЕП неожиданно снаружи шуметь-ДЕЕП

... беседовал с монахом Пон Чжон Ёком о древних и нынешних [порядках]. Вдруг с улицы донесся шум.

33. *e-mi-lol to-li-la sye-kyeng-u-lwo ka-te-ni ku-los twok-syu-uy spo-cye so-soyng-i mi-kyel-i-le-ni tay-wang-uy un-hyey-lwo im-uy kan-tang-ul chye-chi-ho-si-ni* (47,3)

мать-АСС заботиться-ДЕЕП Сицзин-INST идти-ДЕЕП ошибочно ядовитые щупальца-GEN падать-ДЕЕП жизнь и смерть-NOM быть еще не решенным-ПРК-ДЕЕП великий князь-GEN распоряжение-INST любой шайка мошенников-АСС покончить-ВЕЖ-ДЕЕП

Направляюсь сейчас в Сицзин ухаживать за матерью. Я попал в беду и находился между жизнью и смертью. Своей властью Ван избавил меня от шайки злоумышленников.

Во втором примере окончание *-teni* употреблено два раза: с предикативом *ka-«идти»* и связкой *i-*. После связки *i-* морфема *-te-* принимает свой фонетический вариант *-le-*.

Предикатив в форме деепричастия на *-teni* может иметь в своем составе суффикс прошедшего времени, который придает дополнительное значение завершенности действия:

34. *soyng-i kwo-yo-hi nwu-es-te-ni hwol-yen kyek-pyek-uy-sye ko-ma-ni wus-kwo nil-wo-toy* (39,6)

юноша-NOM спокойный-НАР лежать-ВР-ДЕЕП вдруг перегородка-ЛОК тихий-НАР смеяться-ДЕЕП говорить-ДЕЕП

Юноша спокойно улегся. Вдруг за перегородкой тихонько захихикали и кто-то сказал...

35. *pu-tuk-i ye-cho-hon kyey-kyo-lwo swok-i-kwo mwom-ul phi-ho-ya was-te-ni ce-nyu-uy uy-sim-un kwo-i-chi a-nin-ci-la* (44,9)

вынужденный-НАР такой-ПРИЧ хитрость-INST обманывать-ДЕЕП тело-АСС укрываться-
ДЕЕП приходит-ВР-ДЕЕП этот группа-GEN сомнение-ТОР странный-ОТР не быть-
ДЕЕП

Мне пришлось прибегнуть к хитрости и бежать сюда. Естественно, эта шайка погналась за мной.

Факт присоединения аффикса прошедшего времени еще раз подчеркивает неразложимый характер деепричастия *-teni* в ранненовокорейском языке: морфема *-te-*, выражающая в среднекорейском тексте значение прошедшего незавершенного характера действия, вычленяется в показателе только этимологически.

4. *Окончание -(o/u)lini*. Будучи деепричастием предпосылки, означает потенциально возможное событие, которое может повлечь другое действие, выраженное в главном сказуемом (или в следующем предикативе). Например:

36. ney pwu-chin-i phil-yen ne-lol yong-nap-ci a-ni-li-ni ney pa-lwo kyeng-so-lwo ka hwok-sua tung-kwa-ho-ke-tun (24,6)

ты-NOM отец-NOM непременно ты-АСС позволять-ОТР не быть-ДЕЕП ты-NOM прямо столица-INST идти-ДЕЕП некто выдержать экзамены-ДЕЕП

Отец может не принять тебя. Не лучше ли будет тебе поехать сейчас прямо в столицу и сдать экзамены...

37. en-yak-ul kwu-ci tyeng-ho-ya syong-sang-hwu nyey-lol ho-ng-ho-li-ni syu-in-un sam-ka swo-i-ci mal-na (98,9)

договор-АСС крепкий-НАР устанавливать-ДЕЕП трехлетний траур-после церемония-АСС направляться-ДЕЕП хозяйка-ТОР с почтением вносить напряженность-ОТР запретит.-КС

Мы заключим на словах договор и сможем исполнить все церемонии по окончании траура. Пусть хозяйка не спешит с этим.

Деепричастие прерванного действия¹⁰¹

Деепричастие прерванного действия образуется окончанием *-taka*, присоединяемым к первой основе предикатива. Окончание *-taka* указывает на то, что действие, выраженное деепричастием, сменяется другим действием или событием, которое прерывает течение первого действия. Например:

38. mal-ul a-ni-tha-ka nwun-mul-ul ke-twu-kwo skwu-le nol-wo-toy (7,9)

слово-АСС не быть-ДЕЕП слезы-АСС прекращаться-ДЕЕП падать на колени-ДЕЕП говорить-ДЕЕП

¹⁰¹ Трансферентивное деепричастие по Мазуру.

Сын, выслушав ее, залился слезами. Долго он не [мог сказать] ни слова. Но вот, роняя слезы, он упал на колени перед матерью и сказал:...

В составе предикатива в форме причастия на *-taka* может присутствовать гонорифический суффикс *--(o/u)si-*(39), а также уничижительный суффикс *-op-*(40):

39. swo-cyuy woy-ka-lwo ka-si-ta-ka so-koу i-kye hyel-hyel-il-sin-i sye-kyeng-uy nyu-lak-ho-sya (30,8)

Сучжоу дом матери-INST идти-ВЕЖ-ДЕЕП несчастье-NOM побеждать-ДЕЕП одинокий и бездомный-сам-NOM Сицзин-GEN жить на чужбине-ВЕЖ-ДЕЕП

Она отправилась в Сучжоу к своим родственникам, но случилось несчастье, и она разрешилась мной в одиночестве, скитаясь у Сицзина.

40. sin-i kyeng-so-lwo wo-op-ta-ka cyey-cyuy il-hyen chyon-ka-tyung-uy tu-o-ni (52,9)

я-NOM столица-INST приходить-УНИЧ-ДЕЕП Цичжоу-провинция деревенский дом-посреди-GEN входить-УНИЧ-ДЕЕП

- По пути в столицу я остановился в области Цичжоу в деревенском доме.

Трансфертивное деепричастие также может употребляться после суффикса прошедшего времени *-{H}as-/es-/yes-*. Например:

41. mwoy-ki solk-uy was-ta-ka hwol-yen san-syang-u-lwo cwo-cho swu-sam-kay nam-coy kwu-u-le-no-lye[...] со-пи-ци-сим-и pal-ho-ya chin-hi sam-in ul pus-tu-le chwo-wok-uy to-lye-ka koyk-sil-uy nwu-i-kwo te-won mul-ul chye kwu-wan-ho-ni (93,7)

гора-подножие-GEN подходить-ВР-ДЕЕП неожиданно на горе-INST преследовать-ДЕЕП несколько-три-штука мужчина-NOM упасть ничком-скатиться-ДЕЕП [...]чувство милосердия-NOM возникать-ДЕЕП лично три человека АСС поддерживать-ДЕЕП домик, крытый соломой-GEN приводить-ДЕЕП комната для гостей-GEN укладывать-ПРК-ДЕЕП теплый-ПРИЧ вода-АСС поливать-ДЕЕП спасать-ДЕЕП

Только она подошла к горе, как вдруг с вершины скатилось трое мужчин. [...] Доброе сердце ее сжалилось над ними, и она сама, поддерживая всех троих, привела их в свой домик, крытый травой, и , уложив в комнате для гостей, омыла теплой водой.

Сочетание с аффиксом прошедшего времени может использоваться также для связи двух глаголов, обозначающих действия, противоположные по значению друг другу. Обычным является контактное расположение антонимичных глаголов:

42. nyu-kwu-kuk-uy hung-ni-ho-la kas-ta-ka two-la-wo-ni hwong-nang-ul si-lang-i to-lye ka-si-ni (33,3)

Рюкю-государство-GEN наживать-ДЕЕП идти-ВР-ДЕЕП возвращаться-ДЕЕП Хон Нан-АСС сиран-NOM брать-ДЕЕП идти-ВЕЖ-ДЕЕП

Я отправился торговать на Рюкю, а когда вернулся, узнал, что *сиран* увел к себе Хон Нан. (...поехал туда и вернулся...)

Деепричастие причины

К деепричастиям причины относятся формы, образуемые окончаниями *-(o/u)тоу*, *-(o/u)тулво*, *-(o/u)нцила/-noncila/-lcila*, *-kenul*.

Основное и общее значение деепричастия причины, называемого еще деепричастием мотивации, предпосылки, заключается в указании на то, что выраженное им действие (или признак) является причиной или основанием действия (признака), выраженного в заключительном (следующем) сказуемом.

1. *Окончание* *-(o/u)тоу*. В памятнике встретилась форма *nwol-тоу* (7,2), это, видимо, след того, что корни на *-l* дают колебания в образовании основ.

Деепричастные формы с окончанием *-(o/u)тоу* могут иметь два значения. Во-первых, они могут обозначать действия, являющиеся причиной других действий или состояний.

43. *chye-soy pas-pi phye pwo-тоу phwung-wun-i hwoy-soyk ho-kwo ken-kwon-i mwu-kwang-hon-ci-la* (19,2)

чхоса-НОМ быстро развотачивать-ДЕЕП смотреть-ДЕЕП ветер и тучи-НОМ серый ДЕЕП небо и земля-НОМ тусклый-ДЕЕП

Лю быстро посмотрел. Сочинение было столь необыкновенным, что облака показались ему пепельными, а небо и земля потускнели.

44. *kum-il ni kwong-co-uy phwung-mwo-lol hon pen pwo-тоу i-cin-cis syo-cye-uy psyak-i-la* (17,3)

сегодня Ли юноша-GEN внешность-АСС один раз видеть-ДЕЕП этот подлинный девушка-GEN пара-быть-КС

Увидев юношу Ли, он понял, что Ли и его дочь были бы хорошей парой.

Во-вторых, эти формы могут обозначать действие, определяющее время совершения другого действия.

45. *myen-chyen-uy ni-lo-тоу kwong-i won-kun-i nil-wo-toy* (17,5)

в присутствии-GEN достигать-ДЕЕП господин-НОМ тайный-НАР говорить-ДЕЕП

Когда та пришла к нему, он обратился к ней с просьбой

46. *kil-il-i ta-to-lo-тоу kwong-coy wuy-uy-lul ke-no-lye nyu-pwu-lwo hyang-hol-soy* (20,7)

счаст.день-НОМ приходить-ДЕЕП юноша-НОМ величеств.вид-АСС вести за собой-ДЕЕП Лю господин-INST направляться-ПРИЧ-СИ

Настал счастливый день, и юноша, полный достоинства, отправился к *чхоса* Лю.

Окончание *-(o/u)тоу* исторически сложилось из окончания инфинитива *-(o/u)т* и показателя дательного падежа *-оу*.

2. *Окончание -(o/u)mulwo*. Это сравнительно позднее окончание деепричастия причины. Например:

47. ku rwu-chin-kuu tuk-coy-ho-mu-lwo il-cok wu-um-i ni-tu-le na-ci a-ni-khwo (15,3)

этот отец-DAT совершить проступок-ДЕЕП раньше улыбка-NOM появляться-ОТР не быть-ДЕЕП

...из-за жестокости отца улыбка с раннего детства не появлялась на его лице.

48. il-hyang-i hok-so-uy el-kwol pwo-ni tu-mu-ni te-wok ku il-hwom-ul e-i al-ni-wo i-le-mu-lwo a-tok-hi mwo-lwo-te-ni (68,6)

один уезд-NOM хакса-GEN лицо видеть-ДЕЕП редкий-НАР еще более этот имя-АСС каким образом давать знать-ДЕЕП такой-ДЕЕП дальний-НАР не знать-ДЕЕП

Земляки редко видели его, и мало кто знал его имя. Поэтому в Сицине о нем никто не слышал.

3. *Окончание -(o/u)ncila/-noncila/-(o/u)lcila*. По значению это деепричастие близко к деепричастию предпосылки и может выражать как причинное (49), так и временное (50) значение. Например:

49. il-cok pas-kuu na-ka-non il-i ep-so-ni il hyang-in-i ku el-kwol-ul mwos-pwo-as-nun-ci-la es-ci cul-kye nwo-ya-kuu pwoy-wo-mye (16,2)

раньше наружу-GEN выходить-ПРИЧ СИ-NOM не быть-ДЕЕП уезд люди-NOM этот лицо-АСС ОТР-видеть-ВР-ДЕЕП так любить делать старик-DAT показываться-ПРК приходить-ДЕЕП

Ведь он никогда не выходит за ворота, его не видят даже соседи. Разве он покажется вам?

50. tyen-syang-tyen-ha-uy pwo-i-non-ci-la myan-tyoy mak-pul-kyeng-a-ho-kwo (28,10)

ваше высочество-GEN показывать-ПК-ДЕЕП весь дворец-NOM поражаться-ДЕЕП

Его представили государю, все во дворце были поражены [талантом и молодостью] Ли Хёна.

При передаче временной связи между двумя действиями окончание *-noncila* передает значение одновременности (51), а окончание *-(o/u)ncila* - значение предшествования и завершенности действия, выраженного деепричастием (52):

51. in-in-i cwa-wu-lwo pwun-cwu-ho-non-ci-la hok-soy stoy-lol tha co-kuu cyong-cya-lwo te-pu-le na-kwi-lol tho-kwo to-la-na-te-ni (40,8)

люди-NOM правый и левый-INST хлопотать-ДЕЕП хакса-NOM момент-АСС получать-ДЕЕП свои слуга-INST вместе осел-АСС садиться-ДЕЕП убежать-ДЕЕП

Они сновали вправо и влево, а юноша и его слуги воспользовавшись переполохом, сели на ослов и бежали.

52. sim-kan-i skes-ke-ci-non tos-hon-ci-la wo-hwoy-la ha-nol-i cho-ma es-ci i-lol ho-si-no-nyo (35,4)

сердце-NOM рваться-ПРК-ПРИЧ кажется ДЕЕП о горе-бытьКС небо-NOM такой почему это-АСС делать-ВЕЖ-КС

Сердце мое будто разорвалось. Как могло небо допустить это!

Сравним два примера:

53. phwo-yen-i two-la-ka-non-ci-la nyu-chye-soy ku two-la-sye-sye mal-hol-cek nwun- ul pswa-a-rwo-ni (14, 4)

легко-НАР развернуться-идти-ДЕЕП Лю *чхоса*-NOM этот отворачиваться(стоя)-ДЕЕП говорить-ПРИЧ СИ глаза АСС устремлять взор-ДЕЕП

...удалился, легко ступая. А чхоса Лю пристально разглядывал юношу.

54. hyeng-yeng-i ep-son-ci-la khu-key se-wun-ho-ya (14,8)

фигура и ее тень-NOM не быть-ДЕЕП большой-НАР досадный-ДЕЕП

Не осталось ни тени его, ни следа. Чхоса опечалился.

В первом из них ясно прослеживается параллельность двух действий, а во втором действие, выраженное деепричастием на *-(o/u)ncila*, предваряло следующее событие.

Окончание *-noncila* может употребляться после аффикса прошедшего времени *{H}as-/es-/yes-*, относя действие, выраженное деепричастной формой, к плану прошлого, но с сохранением результата в настоящем времени. Например:

55. nyeng-cwon-i pi-myeng-hwoyng-so-ho-mi ta wun-syu-uy tol nyes-non-ci-la es-ci ne-mwo kwa-syang-ho-ya nwo-mwo-uy sin-syey-lol two-la-rwo-ci a-ni-ho-no-nyo (51,2)

длительность-NOM безвременно скончаться-NOM-NOM все судьба-GEN быть прикрепленным-ПРК-ВР-ДЕЕП почему слишком переоценивать-ДЕЕП старая мать-GEN жизнь-АСС заботиться-ОТР не быть-КС

То, что ваш отец преждевременно скончался, - зависело от неба. Зачем же из-за глубокой преданности [к отцу] пренебрегать здоровьем матери?

56. il-cok pas-kuy na-ka-non il-i ep-so-ni il hyang-in-i ku el-kwol-ul mwos-pwo-as-non-ci-la es-ci cul-kye nwo-ya-kuy rwoy-wo-mye (16,2)

раньше наружу-GEN выходить-ПРИЧ СИ-NOM не быть-ДЕЕП уезд люди-NOM этот лицо-АСС ОТР-видеть-ВР-ДЕЕП так любить делать старик-DAT показываться-ПРК приходить-ДЕЕП

Ведь он никогда не выходит за ворота, его не видят даже соседи. Разве он покажется вам?

Качественные предикативы присоединяют только деепричастие на *-(o/u)ncila*:

57. wo-lang-khay pang-pi-ho-mi e-lye-wonci-la sin-i tyu-ya wu-swu-ho-wa (55,2)

дикари укреплять-НОМ-НОМ трудный-ДЕЕП я-НОМ круглые сутки быть печальным-УНИЧ-ДЕЕП

Очень трудно оборонять их от варваров. Я не знаю покоя ни днем, ни ночью.

Деепричастие на *-(o/u)lcila* помимо значения причины имеет и модальный оттенок возможности. Например:

58. nung-hi pwu-chin an-cyen-uy il-wi-ci mwos-holci-la i-cey syu-in-uy me-li-lwo-pse nyeng-ha-uy kwo-ho-po-ni (35,10)

вполне отец перед глазами-GEN создавать-ПРК-ОТР не мочь-ДЕЕП теперь преступник-GEN голова-INST сообщать-ДЕЕП

Я не мог предстать перед отцом, но теперь головами преступников я обращаюсь к [его] духу.

59. kwa-in-i cho-ma an-co-sye ki-to-li-ci mwos-holci-la phil-ma-lwo ni-lo-le kwun-uy-key kyey-choyk-ul mwus-nwo-la (115,1)

я-НОМ не могу сидеть-ДЕЕП ждать-ОТР не мочь-ДЕЕП лошадь-INST достигать-??? ты-DAT замысел-АСС спрашивать-КС

Я не мог сидеть и ждать, поэтому приехал [к вам] и спрашиваю, что предпринять?!

Мартин¹⁰² описывает *-(o/u)lcila* как показатель настойчивой рекомендации, на русский язык можно перевести как “стоит, надо бы, хорошо бы”. На материале ранненовокорейского языка такие значения этого окончания не зафиксированы.

4. *Окончание -kenul*. Формы, образуемые окончанием *-kenul*, также как и формы, образуемые окончанием *-(o/u)moу*, имеют несколько значений.

Во-первых, они могут указывать на то, что действие, выраженное деепричастием, является причиной действия, выраженного глаголом-сказуемым. Например:

60. koyk-i pyeng-tu-le kuy-wun-i he-ho-ni ku-yak-man ho-ye-two cwuk-u-li-la ho-ke-nul syeng-cin-i tay-kyeng-ho-ya kup-hi soyng-uy kwos-uy ni-lo-le (38,9)

гость-НОМ заболеть-ДЕЕП чувство-НОМ безжизненный-ДЕЕП этот-зелье-только делать-ПРК-ЧАСТ умирать-КС говорить-ДЕЕП Сон Чжин-НОМ быть изумленным-ДЕЕП быстрый-НАР юноша-GEN место-GEN достигать-ДЕЕП

«...Он заболел, ослабел и помрет от одного этого зелья!» - Сон Чжин в испуге бросился к господину.

В этом предложении событие, выраженное в той части предложения, которая следует после деепричастия на *-kenul*, вытекает из события, выраженного предложением,

¹⁰² Martin S. P.854

сказуемое которого обозначено деепричастием на *-kenul*. Первая часть выступает по отношению ко второй части как причина или основание: бросился к хозяину, потому что услышал, что тот умрет.

Во-вторых, деепричастие на *-kenul* может устанавливать временные отношения между двумя предложениями. Например:

61. pou ye-hul-uy tas-ke-nol mwo-ta syeng-sin-ul tyeng-ho-ya pwo-ni i-kwos-un sye-kyeng ti-kyeng-i-la (3,5)

лодка пережат-GEN причалить-ДЕЕП все душа-АСС умиротворять-ДЕЕП смотреть-ДЕЕП этот место-ТОР Сицзин граница-быть-КС

Они пристали к берегу на пережете. Когда они пришли в себя и огляделись, оказалось, что они находятся около Сицзина.

В этом предложении событие, выраженное более высоким сказуемым *pwo-ni* “огляделись”, обнаруживается тогда, когда происходит событие, выраженное деепричастием *tas-kenul* “пристали к берегу”.

В случае присоединения окончания деепричастия *-kenul* к связке *i-*, начальный согласный окончания *k* падает и окончание принимает свой позиционный вариант *-enul*:

62. kwong-co-uy neun-kuu po-ya-hu-lwo syo-nyen-i-e-nol ha-kwo-lwo moy-yang swu-sim-uy com-kye me-li mwun-pas-kul nou-was-ci a-ni-si-ni (10,5)

он-GEN срок как раз сейчас юноша-быть-ДЕЕП почему обычно печаль-GEN погружать-ДЕЕП голова ворота-наружу-АСС выходить-ВР-ОТР не быть-ВЕЖ-ДЕЕП

Вы уже юноша, а все тоскуете, не показываете головы за ворота.

В-третьих, деепричастие на *-kenul* нередко употребляется для выражения противительных связей между двумя частями сложного предложения. Например:

63. swoy thyen-tuy-uy ko-tok-ho-ke-nul i-cey pal-myeng-ho-no-nya (33,10)

преступление небо и земля-GEN полный-ДЕЕП теперь разьяснять-КС

Небо и земля полны твоими преступлениями. Но теперь все раскрылось!

64. tyem-cuuy ung-nak-kwo ka-ke-nul soyng-uy nwo-co syeng-cin-i cip-cwi-hoy nwu-lin-noy cin-twong-ho-mul pwo-kwo ko-ma-ni twi-hu lwo tu-le-ka-te-ni (38,5)

хозяин-NOM соглашаться-ДЕЕП идти-ДЕЕП юноша-GEN слуга Сон Чжин-NOM дом-округа-GEN запах горелого издавать запах-NOM-АСС видеть-ДЕЕП подождите! назад-INST входить-ДЕЕП

Тот вышел. А Сон Чжин, почуяв, что из-за дома донесся запах жирного мясного супа, потихоньку пошел туда.

Деепричастие на *-kenul* в языке памятника может иметь форму прошедшего времени на *-{H}as-/es-/yes-*. Этот случай употребления анализируемого деепричастия представлен единственным примером, который приводится ниже:

65. *cang-nyen-i sye-mu-ci a-nya kye-si-kwo nuk-pal-i i-wu-ci a-nyas-ke-nul es-ci pul kin-hon mal-som-ul ho-si-no-ni-is-kwo* (28,2)

чел.в возрасте-NOM кончаться-ОТР не быть-ДЕЕП быть-ДЕЕП блестящие волосы-NOM увядать-ОТР не быть-ВР-ДЕЕП почему ненужный-ПРИЧ слова-АСС делать-ВЕЖ-КС

Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели?

В современном корейском языке деепричастие на **-kenul** употребляется редко и придает речи архаический оттенок.

Деепричастия противительные

К деепричастиям противительным относятся формы, образуемые окончаниями *-(o/u)na, -keniwa, -(o/u)lyeniwa, -(o/u)toy*.

1. *Окончание -(o/u)na*. При присоединении к корням на *l* дает формы типа *nwol-na* (85,5) от *nwol-* «удивляться» и т.д., что свидетельствует о колебании корней на *l*.

Устанавливает противительные отношения между двумя предикативами. Например:

66. *syo-soyng-i pul-min-ho-na es-ci mwu-sin-ho-mi i-si-li-is-kwo* (25,9)

я(с вышест.) неумный-ДЕЕП почему незаслуж.доверия-NOM-NOM быть-КС

Хоть я невежествен, но разве я могу быть бесчестным?

Окончание *-(o/u)na* может употребляться после аффикса прошедшего времени, который привносит дополнительную идею предшествования действия, выраженного глаголом в форме деепричастия, действию (факту) основного предложения:

67. *su-so-lwo sil-cyel-hon kye-cip-i toy-ye-si-na hwo-moy ni-kwong sal-hay-hon cwul-un a-ci mwos-ho-no-i-ta* (33,7)

сам изменять-ПРИЧ жена-NOM становится-ВР-ДЕЕП Хо Ма-NOM Ли господин убийство-ПРИЧ СИ-ТОР знать-ОТР не мочь-КС

И, хотя я стала его [наложницей], я ничего не знала о том, что Хо Ма убил господина Ли.

В ряде случаев противопоставление по значению приближается к уступительной связи.

68. *pi-lwok kwung-then-ci-thwong-ul ka-cin cwoy-in-i-na mwu-tan-i nwo-pyen-uy-sye cwuk-ki-non wu-un-ci-la* (44,9)

хотя беспредельность неба-нестерпимая боль-АСС брать-ПРИЧ преступник-быть-ДЕЕП
без всяких на то оснований обочина дороги-ЛОК умирать-НОМ-ТОР смешной-ДЕЕП
**Хоть я преступник, пребывающий в скорби, но погибнуть понапрасну никому не
захочется.**

69. pi-lwok ci-in-ho-non an-chyong-i ep-sona kwun-uy kyeng-nyun tay-coy-wa chi sey an-min-
hol soy-cwo-lol pwo-moy (49,2)

хотя хорошо знать-ПРИЧ зрение-НОМ не быть-ДЕЕП округ-GEN управление
способности-СОВМ правление успокаивать народ-ПРИЧ талант-АСС видеть-ДЕЕП
**хотя мне не дано постигать людей, тем не менее, я вижу в вас дар правителя и
способность повелевать подданными.**

В составе деепричастия на *-(o/u)na* может присутствовать гонорифический
суффикс *-(o/u)si-*. В следующем примере в форме деепричастия стоит качественный
предикатив *wolh-* «правильный», содержащий суффикс вежливости:

70. tay-wang mal-som-i wol-hu-si-na syo-soyng-uy syeng-ni non tha-in-kwa ta-lon-ci-la (50,1)
великий князь речь-НОМ правильный-ВЕЖ-ДЕЕП я-GEN ум и чувства ТОР другие люди-
СОВМ отличаться-ДЕЕП

**Слова ваши справедливы, - ответил юноша, - но [судьба] моя не такая, как у других
людей.**

Помимо аффикса вежливости предикатив в форме деепричастия может иметь
аффикс уничижительности, стоящий перед окончанием *-(o/u)na*:

71. cin-sil-nwo tha-il-uy cwon-kwo-wa kwun-co an-cyen-uy pwoy-wol an-myen-i ep-so-wo-na
kwun-co-uy po-li-u-si-mi chyep-uy sim-so-lol pi-chwoy-sil-ci-la (74,4)

на самом деле-INST другой день-GEN свекровь-СОВМ муж перед глазами-GEN
показаться-ПРК-УНИЧ-ПРИЧ лицо-НОМ не быть-УНИЧ-ДЕЕП муж-GEN правильный-
ВЕЖ-НОМ-НОМ я-GEN душа-АСС освещать-ВЕЖ-ДЕЕП

**Действительно, мне будет стыдно потом предстать перед свекровью и супругом. Так
пусть чистота моего супруга осветит мои помыслы.**

В случае присоединения окончания *-(o/u)na* не к основе предикатива, а к аффиксу,
последний принимает форму второй основы.

2. *Окончание -keniwa*¹⁰³. Вносит в соединительную связь оттенок противительного
характера, например:

72. ni-kwong-coy pwon-toy tan-muk-ho-ya sa-lom-kwa syu-cak ho-ki-lol sul-hi ne-ki-ke-ni-wa
kwu-ho-ya pwo-li-i-ta (17,8)

---

¹⁰³Ю.Н. Мазур определяет это и следующее деепричастие как присоединительное. См. Мазур Ю.Н., 2004. С.128

старуха-NOM глубоко задумалась-ДЕЕП говорить Ли юноша-NOM по природе люди-
СОВМ разговаривать-NOM-АСС ненавидеть-НАР думать-ДЕЕП находить-ДЕЕП
СГ‘пытаться’-КС

Юноша по природе очень неразговорчив и ему неприятны встречи с другими людьми, однако я попытаюсь.

Также придаточное предложение в случае употребления этого окончания выражает положение уступительного характера, а главное содержит критическое замечание или возражение на содержание, высказанное в придаточном:

73. yen-i-na yun-syang-un tay hyen-i-la ne-lol cye-po-lil ni ep-ke-ni-wa hwok-cya in-soy stus kos-ci mwos-ho-ya (61,3)

ДЕЕП вместе собираться-ПРК-ВР-ДЕЕП однако Юн Сян-ТОР большой мудрец-быть-КС ты-АСС отступить-ПРИЧ СИ не быть-ДЕЕП некто человек-NOM мысли похожий-ОТР не мочь-ДЕЕП

Юн Сян – мудрый человек, он не оставит тебя. Однако все может случиться, [иногда] поступки людей идут вразрез с их мыслями.

В памятнике также зафиксированы случаи употребления этого окончания после суффикса прошедшего времени. В этом случае деепричастие описывает событие, имевшее место до начала совершения действия, выраженного последующим предикативом:

74. ni-kwong-ul hwu-lyey-lwo cang-ho-yes-ke-ni-wa mwu-lo-si-mun es-ci-nyo (30,4)

Ли господин-АСС удельный князь-церемония-INST искусный-ВР-ДЕЕП спрашивать-ВЕЖ-NOM-ТОР почему-КС

Ли был похоронен со всеми [подобающими] церемониями. А почему вы интересуетесь?

3. Окончание *-(o/u)lyeniwa*. Для современного корейского языка Холодович¹⁰⁴ описывает окончание *-(o/u)lyeniwa* как особый вариант окончания *-keniwa*.

В случае употребления при первом лице субъекта это окончание описывает событие плана будущего, которое произойдет с большой долей вероятности. Например:

75. kum-il co-uy sin-mul non-hwa tha-il nyong-kem-i-coy hap-ho-mul ki-to-li-lye-ni-wa cho-mul man phyo-ho-mi myeng-royk-ci a-ni-ni (26,8)

сейчас сам-GEN прощ.подарок делить-ДЕЕП другой день соединяться-NOM-АСС ждать-ДЕЕП выражать-NOM-NOM ясный-ОТР не быть-ДЕЕП

Сегодня мы сами разъединяем прощальные подарки, нождемся дня, когда снова соединим их. Не знаю, как переживем разлуку.

¹⁰⁴ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 173.

76. wang-i man-il soyng-uy mal kos-thol-cin-toy chyen-ni-lol men ni a-ni ne-kye tha-il tang-tang-i hon-pen ka woy-wo-lye-ni-wa pul-yen-cok soyng-uy me-li tyeng-hwak-kwa pwu-wel-uy nim-ho-ye-two (117,6)

Ван-NOM если я-GEN слова похожий-ДЕЕП тысяча ли-АСС далекий ОТР-считать-ДЕЕП другой день внушительный-НАР один раз идти-ДЕЕП показываться-ПРК-УНИЧ-ДЕЕП иначе я-GEN голова правильность-СОБМ тяжелое наказание-GEN быть обращенным-ПРК-ДЕЕП

Если наш план удастся, то я не сочту тысячу ли за расстояние и навещу вас. А если все получится не так, то пусть меня обезглавят или сварят живьем.

В случае употребления при третьем или втором лице субъекта это окончание вносит в противительную связь дополнительный оттенок недоверности, предположительности. Например:

77. ka-hi nom-ul wen-chi mwos-ho-lye-ni-wa na-uy sin-syey-lol soyng-kak-ho-moy sim-tam-i mwun-he-ci ni (70,1)

можно человек-АСС желать-ОТР не мочь-ДЕЕП я-GEN жизнь-АСС думать-ДЕЕП сердце-NOM рушиться-ПРК-ДЕЕП

Ты не хотел видеть людей, но подумал о моей жизни, и сердце твое преисполнено горя.

78. i-pen ka-moy chyeng-wun-ul te-wi-cap-a e-hyang-ul pswo-i-kwo mwom-i kum-ma-uy kis-tu-lye yeng-myeng-i pis-na-lye-ni-wa yen-i-na nye-oy na-hi ho-kwo hyen-syey kuy-kwol-i syek-toy-ho-ni (25,4)

этот раз идти-ДЕЕП лазурное облако-АСС поймать-ДЕЕП вздыхать-ДЕЕП тело-NOM GEN оставить память-ДЕЕП мудрость-NOM блеснуть-ДЕЕП однако дочка-NOM возраст немного недоставать-ДЕЕП зять-NOM телослож.и темперам-NOM солидный-ДЕЕП

Вы уезжаете, поймаете синее облако, украситесь цветком корицы, устройтесь в академии, и слава ваша засияет. Дочь моя подрастет, а вы станете чиновником.

4. Окончание *-(o/u)toy*. В памятнике зафиксирован также и второй вариант этого окончания *-(wo/wu)toy*, сохранившийся в языке с предшествующего периода, который встречается только с пердикативом *nilo*- "говорить" : *nil-wo-toy* (3,8).

Деепричастие на *-(o/u)toy* устанавливает противительно-уступительные отношения между двумя предикативами. Например:

79. kwong-coy kal stus-i ep-so-toy pu-tuk-i mwo-myeng-ul sung-syun-ho-kwo (12,7)

он-NOM идти-ПРИЧ смысл-NOM не быть-ДЕЕП вынужденно мать-приказ-АСС подчиниться-ДЕЕП

Юноша не хотел идти, но ему пришлось подчиниться желанию матери.

Предикатив в форме деепричастия на *-(o/u)toy* может иметь в своем составе следующие аффиксы: времени (80), которые указывают на предшествующий характер действия; вежливости (81) и уничижительности (82):

80. il-sin-uy yeng-kwi kuk-ho ye-si-toy ka-em-uy myen-mwok-ul a-ci mwos-ho-mul kwol-twol-ho-ya (31,2)

АСС получать УНИЧ-ДЕЕП золотой-цветок корицы-GEN показывать знатоку-ДЕЕП сам-GEN почет сильный-ВР-ДЕЕП мой отец-GEN лицо-АСС знать-ОТР не мочь-НОМ-АСС погрузиться с головой-ДЕЕП

...я добился почестей и славы. Я в отчаянии от того, что не знаю отца.

81. nyang-kwu-uy ni-lo-sya-toy (55,8)

некоторое время говорить-ВЕЖ-ДЕЕП

...и через некоторое время [Ван] сказал:

82. a-hoy syen-soyng-uy hwu-uy-lul pwong-sung-khwo-cye ho-o-toy so-koy is- non-ci-la (14,2)

ребенок-НОМ учитель-GEN любезность-АСС продолжать-ДЕЕП делать-УНИЧ-ДЕЕП дело-НОМ быть-ДЕЕП

Я, невежда, с радостью послушал бы наставления учителя, но меня ждут дела,

В случае присоединения показателя деепричастия *-(o/u)toy* к связке *i-* окончание принимает вид *-lwo-toy*:

83. cwuk-e mos-cho-mi won-i-lwo-toy pwu-mwo hyel-yuk-ul sa-tyang-uy po-li-mul cho-ma mwos-ho-kwo (4,10)

умирать-ДЕЕП заканчивать-НОМ-НОМ желание-быть-ДЕЕП родители родной ребенок-АСС песчаная равнина-GEN бросать-НОМ-АСС не могу... мочь-ДЕЕП

Не пережить мне такого горя! Но я не могу допустить, чтобы со мной погиб и ребенок.

Окончание *-(o/u)toy* омонимично служебному имени *toy*. Различаются они способом связи с предикативом: деепричастие присоединяется непосредственно к корню предикатива, а служебное имя к атрибутивным формам.

Г. Рамстедт указывает на следующий оттенок значения деепричастия на *-(o/u)toy*: «Во многих случаях смысл этого деепричастия оказывается тождественным значению деепричастия допущения и деепричастия прошедшего времени (*деепричастие предшествования* в нашей системе – прим. авт.), когда оно оформлено частицей *-(o/u)two*. [...] Все же между этими формами, несмотря на общее значение, есть различие в оттенках. Так, форма на *-(o/u)toy* отчетливо указывает на наличие точки зрения

(«принимая во внимание то-то и то-то; все же надо сказать, что...») и, таким образом, до некоторой степени является формой сравнения»¹⁰⁵.

Деепричастия условные

Под этим понятием объединяется ряд форм, основным значением которых является указание на то, что действие (событие), выраженное деепричастием, обуславливает возможность действия (события), выраженного главным сказуемым. Другими словами, деепричастие обозначает обуславливающее действие, а заключительное (или следующее) сказуемое выражает обусловленное действие. Средством выражения этого отношения в языке памятника служат окончания *-(o/u)myen*, *-ketun*, *-(o/u)lcintoy*.

1. *Окончание -(o/u)myen*. Это наиболее употребительное окончание условного деепричастия. При присоединении этого окончания корни на *l* теряют соединительный гласный, например: *tul-myen* (40,2) от *tul-* «входить» и т.д..

Деепричастие, образуемое окончанием *-(o/u)myen*, может обозначать отношение обусловленности одного события другим, например:

84. *mwu-tan-hi kul-ci-un ke-sol tal-na-ho-myen sey syu-syang-hi ne-kil-ka* (18,2)

самовольный-НАР сочинять-ПРИЧ СИ-АСС просить-ДЕЕП он-НОМ сомнительный-НАР думать-КС

Если просто попросить что-нибудь написать, ему, пожалуй, покажется это подозрительным.

Время сказуемого придаточного предложения, выраженного предикативом в форме на *-(o/u)myen* определяется на основании временных форм сказуемого главного предложения. Например:

85. *ho-yo-lul pwo-si-myen sya-chi a-ni-si-li-is-ka* (8,3)

маленький ребенок-АСС смотреть-ВЕЖ-ДЕЕП щадить-ОТР не быть-ВЕЖ-КС

Разве не простит он [вас], если увидит своего сына?

В этом примере деепричастие *pwo-si-myen*, образованное от глагола *pwo-* «смотреть», соотносится со сказуемым, выражающим будущее время, и также обозначает действие, которое будет иметь место после момента речи.

Окончание *-(o/u)myen* может также присоединяться к суффиксу прошедшего времени. Такая конструкция используется в том случае, когда надо подчеркнуть законченность действия, выраженного деепричастием. Например:

86. *ne-hoy ke-sol koyk i en-ma-na two-cek-ho-ye-si-myen cang-mul-i i-sin hwu stol-ul ke-si-ni* (43,1)

¹⁰⁵ *Рамстедт Г.* Грамматика корейского языка. М., 1951. С. 132.

вы вещь-АСС гость-NOM сколько воровать-ВР-ДЕЕП краденая вещь-NOM быть-ПРИЧ
СИ привязываться-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

Если гость украл у вас [что-то], то вы можете обвинить его только в том случае, если у него есть краденые вещи.

2. *Окончание -ketun*. Рассмотренное выше деепричастие выражает условие так, как если бы оно существовало реально, как если бы оно было налицо. Для современного языка Рамстедт¹⁰⁶ определяет это деепричастие как гипотетическое, т.е. оно несет гипотетический оттенок, выражает предполагаемое или возможное условие, не решая вопроса о его реальности. Имеет значение «если бы это было так-то и так-то,...». На материале ранненовокорейского памятника значение гипотетичности не зафиксировано, присутствует только реальное условие:

87. ya-ya myeng-nyeng-i polk-u-si-ke-tun pi-chwoy-syo-sye (36,1)

отец всевидящая душа умершего-NOM яркий-ВР-ДЕЕП светить-КС

Если душе вашей светло в царстве мрака, посветите и мне!

В том случае, когда деепричастие на *-ketun* обозначает условные отношения, в начале придаточного предложения может факультативно помещаться наречие *manil* «если», которое само по себе условного отношения не создает, например:

88. kwong-coy man-il kyeng-so-lwo ka-si-lye ho-si-ke-tun syo-tyek-ul stol-wa (87,9)

господин-NOM если столица-INST идти-ВЕЖ-ДЕЕП делать-ВЕЖ-ДЕЕП ???- АСС
следовать-ДЕЕП

Если вы хотите попасть в столицу, следуйте за мной.

Деепричастие на *-ketun* может обозначать временное отношение двух событий: одно событие наступает тогда, когда налицо другое событие; оба события принадлежат плану будущего. Например:

89. ney pa-lwo kyeng-so-lwo ka hwok-cya tung-kwa-ho-ke-tun kum-cyuy-lwo ka-mi tyo-hul-ka (24,7)

ты-NOM прямо столица-INST идти-ДЕЕП некто выдержать экзамены-ДЕЕП Цзинь--INST
идти-NOM-NOM хороший-КС

Не лучше ли будет тебе поехать сейчас прямо в столицу и сдать экзамены, а потом отправиться в Цзиньчжоу?

3. *Окончание -(o/u)lcintoy*. Это окончание относится к высокому стилю в книжной (письменной) речи.

---

¹⁰⁶ Там же, с. 135.

Действие или состояние, выражаемое глаголом в форме деепричастия на *-(o/u)lcintoy*, может относиться как к настоящему (90, 91), так и к будущему (92, 93) и к прошедшему (94) времени. Например:

90. ney man-il ku un-hyeey kap-ki-lol soyng-kak-hol-cin-toy ce-le-thos mwom-ul po-li-ci a-ni-ho-li-ni (71,10)

ты-NOM если эта милость отплатить-NOM-АСС думать-ДЕЕП такой-ДЕЕП тело-АССкалечить-ОТР не быть-ДЕЕП

Но если ты думаешь отплатить мне за милость [рождения], не терзай себя.

91. syang-kwong-i man-il mis-ci a-ni-sil-cin-toy ce-lol cam-kan pwo-si-kwo kyel-tan-ho-syo-sye (99,3)

канцлер-NOM если верить-ОТР не быть ВЕЖ-ДЕЕП этот-АСС немного видеть-ВЕЖ-ДЕЕП решать-КС

Если вы не верите, сами посмотрите на нее и убедитесь.

92. wang-i man-il soyng-uy mal kos-thol-cin-toy chyen-ni-lol men ni a-ni ne-kye tha-il tang-tang-i hon-pen ka woy-wo-lye-ni-wa (117,6)

Ван-NOM если я-GEN слова похожий-ДЕЕП тысяча ли-АСС далекий ОТР-считать-ДЕЕП другой день внушительный-НАР один раз идти-ДЕЕП показываться-ПРК-УНИЧ-ДЕЕП

Если наш план удастся, то я не сочту тысячу ли за расстояние и навещу вас.

93. a-mwo il-i-la-two kan-sin-uy hwa-lol myen-hol-cin-toy syo-syo kwoy-lwo-wo-mul nyem-ho-li-wo (115,8)

любой дело-быть-даже хитрый подданный-GEN беда-АСС избегать-ДЕЕП мелкий мучительный-NOM-АСС думать-КС

Как бы то ни было, если я избегу козни коварных придворных, меня не станут беспокоить никакие неприятности.

94. wen-noy nyu syo-cyeu pwon-pwu-uy i-sil-cin-toy cwon-kwu-uy hyung-um-ul tus-kwo wol tos-ho-toy (72,9)

вообще Лю девушка-NOM родительский дом-GEN быть-ДЕЕП свекор-GEN весть о смерти-АСС слышать-ДЕЕП приходить-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

Если б девушка Лю жила в доме своего отца, то, услышав печальную весть о свекре, она должна была бы прийти.

Деепричастия цели

Окончание -(o/u)la. Деепричастие с окончанием *-(o/u)la* указывает на то, что выраженное им действие является целью другого действия и сочетается в основном с глаголами движения. Например:

95. nwo-kou pwon-toy phwung-cil-i i-sye chow-cyeng-uy mwok-yok-ho-la ton-ni-te-ni (11,2)
старушка-NOM изначально нервные болезни-NOM быть-ДЕЕП Чхочжон-GEN
приним.ванны-ДЕЕП ходить-ДЕЕП

Хозяйка была болезненной женщиной и ходила на купания Чхочжон.

В этом предложении деепричастие выражено глаголом *mwokyokho-* “принимать ванну, купаться” и соотносится с глаголом *tonni-* “ходить”.

Деепричастие на *-(o/u)la* не принимает форм времени и не способно быть формой качественного предикатива или связки. Временное значение этого деепричастия легко выводится из того, что действие, выраженное им, служит целью другого действия и поэтому всегда последует во времени за этим другим действием.

Деепричастие намерения

Деепричастие намерения образуется путем присоединения к основе предикатива окончаний *-(o/u)lya/ -(o/u)lye, -kwosye*.

1. Деепричастие намерения на *-(o/u)lya/ -(o/u)lye* в языке памятника употребляется лишь в составе аналитической конструкции “деепричастие намерения на *-(o/u)lya/ -(o/u)lye* + служебный глагол *ho-*”. Например:

96. i-seu swo-cyuy-lwo hyang-ho-lye ho-si-myen syu-choy swu-chyen-ye-li-la (3,9)
теперь Сучжоу-INST направляться-ДЕЕП делать-ВЕЖ-ДЕЕП по воде неск.тысяч-более-
ли-[быть]

Вы хотели попасть в Сучжоу, но путь туда больше тысячи ли.

Это сочетание рассматривалось нами как аналитическая форма выражения модальности намерения (см. гл. *Модальность*).

2. *Окончание -kwosye*. Деепричастие, образованное с помощью окончания *-kwosye*, также встречается только в составе аналитической конструкции “деепричастие на *-kwosye* + служебный глагол *ho-*”, служащей для выражения модальной категории желания (см. гл. *Модальность*). Например:

97. il-phyen-sye-kan-ul pus-chi-kwo-cye ho-toy (18,7)
письмо-ACC посылать-ДЕЕП делать-ДЕЕП

...и я хотела бы послать с ним письмо.

Деепричастие многократной смены действия

Значение многократной смены действия выражается следующей конструкцией:
деепричастие многократной смены действия на *-(o/u)lak* + глагол *ho-*, например:

98. se-he nos-chi phu-lo-lak pulk-u-lak ho-ni (18,3)

бояться-ДЕЕП лицо-NOM синий-ДЕЕП проявлять-ДЕЕП делать-ДЕЕП

Старушка, волнуясь, то бледнела, то краснела.

Деепричастие образа действия

Показателем причастия образа действия является окончание *-key*.

У качественных предикативов это деепричастие служит признаком обстоятельственной функции, указывая на “качественный признак действия”:

99. nwo-kwoy khu-key san-ing-hi ne-kye (6,2)

старушка-NOM большой-НАР жалкий-НАР считать-ДЕЕП

Старушка сочла ее речи слишком самоуничижительными.

Это деепричастие может быть образовано и от глаголов, однако чаще всего оно используется как формальное деепричастие в составе аналитических конструкций с залоговыми значениями (подробнее см. *гл. Выражение залоговых значений*):

100. es-ci uy-sik swo-cho суу-in-уу kun-sim-ul ki-chi-key ho-li-wo (6,1)

как еда одежда следовать-ДЕЕП хозяйка-GEN забота-АСС оказывать-ДЕЕП. делать-КС

Посмею ли я обеспокоить вас [просьбами] о еде и одежде?

В качестве же неформального деепричастия оно указывает:

1. на образ или способ совершения действия, о котором говорится в главном предложении, например:

101. oy-hwey-ho-mul nyey-ey nem-key ho-kwo chin-hi chwo-sang-ul ta-so-lye syeng-pwok-ul mos-cho-moy (61,7)

грустить-NOM-АСС девушка здесь превосходить-ДЕЕП-делать-ДЕЕП сам покойник-АСС улаживать-ДЕЕП траурная одежда-АСС заканчивать-ДЕЕП

Превозмогая печаль, она, как положено по обряду, своими руками одела покойного.

2. на то, что следующее за ним действие протекает до тех пор или до того времени, пока не наступит действие, обозначенное этим деепричастием, например:

102. ci-phil-ul nim-ho-ya houng-key chwong-kup-ho-kwo (75,1)

бумага и кисть-АСС быть обращенным-ДЕЕП отправляться-ДЕЕП спешить-ДЕЕП

Передо мной кисть и бумага, я тороплюсь в дорогу (тороплюсь отправиться в дорогу)

Итак, систему деепричастий, построенную на материале двух памятников, можно представить в виде следующей таблицы:

тип деепричастия	XV в.	XVIII в.
1. Соединительное деепричастие	<i>-kwo</i>	<i>-kwo</i>
2. Сочинительное деепричастие	<i>-(o/u)mye</i>	<i>-(o/u)mye</i>
3. Деепричастие предшествования	<i>-{H}a/e/ye</i>	<i>-{H}a/e/ye</i>
4. Деепричастие предпосылки		<i>-(o/u)ni</i> <i>-noni</i> <i>-teni</i> <i>-(o/u)lini</i>
5. Деепричастие прерванного действия	<i>-taka</i>	<i>-taka</i>
6. Деепричастие причины		<i>-(o/u)moy</i> <i>-(o/u)mulwo</i> <i>-(o/u)ncila/</i> <i>-noncila/</i> <i>(o/u)lcila</i> <i>-kenul</i>
7. Противительные деепричастие	<i>-{H}(wo/wu)toy</i>	<i>-(o/u)na</i> <i>-keniwa</i> <i>-(o/u)lyeniwa</i> <i>-(o/u)toy</i>
8. Условные деепричастия	<i>-(o/u)myen</i> <i>-ketun</i>	<i>-(o/u)myen</i> <i>-ketun</i> <i>-(o/u)lcintoy</i>
9. Уступительное деепричастие	<i>-(o/u)ntul</i>	<i>*(o/u)ntul</i> (см. гл. Причастие)
10. Деепричастие цели		<i>-(o/u)la</i>
11. Деепричастие намерения	<i>-(o/u)lye</i>	<i>-(o/u)lye/-(o/u)lya</i> <i>-kwocyе</i>
12. Деепричастие многократной смены действия		<i>-(o/u)lak</i>
13. Деепричастие образа действия		<i>-key</i>

Причастие

Причастие как грамматическая категория предикатива представляет собой его атрибутивную форму, выступающую в функции определения к имени, и указывает на

время совершения действия, выраженного данным причастием. Одновременно причастие обладает способностью (правда частично) присоединять к себе падежные окончания.

В Оде имелись две причастные формы: $-(o/u)n$ и $-(o/u)l$. Окончание $-(o/u)n$ нейтрально в модальном отношении; это – изъявительная модальность. Окончание $-(o/u)l$ является знаком «нереального» наклонения (возможность, долженствование и т.д.)¹⁰⁷. В Оде зафиксированы следующие сочетания аффиксов с причастным окончанием:

$-si-n$	$-no-n$	$-ke-n$	$-\{H\}a/e-n$	$-te-n$
		$-ke-si-n$	$-\{H\}a/e-si-n$	$-te-si-n$

Причастие на $-(o/u)n$ употреблялось в следующих случаях:

1. во-первых, как определение к полнозначному имени. В Оде это причастие в подобного рода условиях могло сопровождаться аспектуальными аффиксами: $-no$ ($-no-n$), $-ke$ ($ke-n$, $ke-si-n$); сочетаний с аффиксами $-\{H\}a/e$ и $-te-$ в Оде в этих условиях нет.

2. во-вторых, как определение к неполнозначному, служебному корню.

3. в-третьих, в сочетании с падежными окончаниями. С окончанием творительного падежа употреблялось окончание $-(o/u)n$ без сопровождения его другими аффиксами. Сочетание причастия с окончанием творительного падежа служило для выражения сказуемого придаточного предложения причины.

С окончанием винительного падежа употреблялось окончание $-(o/u)n$, осложненное сопровождающими его аспектуальными показателями $-ke-$ либо $-\{H\}a/e-$: $-ke-n-ul$ (с аффиксом вежливости также $-ke-si-n-ul$ или $-ke-si-n-ol$), $-\{H\}a/e-n-ul$ или $-\{H\}a/e-n-ol$ (с аффиксом вежливости также $-\{H\}a/e-si-n-ul$). Сочетание причастия с окончанием винительного падежа служило для выражения сказуемого придаточного предложения. В ряде случаев эта форма указывала на противительное отношение. К XVIII в. такие сочетания стали функционировать в языке только как неразложимые окончания деепричастий (подробнее см. гл. *Деепричастие*). Например:

$mul-uy spro-ci-ke-nol$ $nay kwu-ho-ya wa-si-ni$ (89,10)

вода-GEN падать-ДЕЕП я-NOM спасать-ДЕЕП приходить-ВР-ДЕЕП

- хотели броситься в воду, но я их спас и привез сюда.

Что касается причастия с окончанием $-(o/u)l$, то оно употреблялось в Оде в следующих случаях:

1. как определение к полнозначному имени существительному;
2. как определение к неполнозначному служебному имени.

Подробнее остановимся на случаях употребления атрибутивных форм со служебными именами. В Оде имеется ряд слов, лишенных номинативной функции,

¹⁰⁷ Холодович А.А., 1986. С.44

единственной функцией которых является соединение двух словосочетаний или предложений; они не употребляются без предшествующего определения. Эти слова мы объединяем термином *служебные имена*. К ним относятся:

1. *ssoy*¹⁰⁸; устанавливает причинную связь между двумя предложениями; сказуемое придаточного предложения (которое предшествует *ssoy*) имеет форму причастия на *-(o/u)l*; поскольку в этих условиях другая форма причастия (на *-(o/u)n*) невозможна, причастие на *-(o/u)l* лишено модального значения, являясь нейтральным в модальном отношении.

2. *sey*; устанавливает временное отношение между двумя предложениями; сказуемое придаточного предложения принимает в этом случае форму причастия на *-(o/u)l*, нейтральной в модальном отношении, поскольку это *-(o/u)l* не противопоставлено другой причастной форме на *-(o/u)n*.

3. *malon*, очевидно, *mal* с выделительной частицей *-on*; устанавливает противительное-уступительное отношение между двумя предложениями; сказуемое придаточного предложения имеет форму причастия на *-(o/u)n*, которой непременно предшествует аспектуальный аффикс: либо *-ke-*, либо *-{H}a/e-*.

Средневековому *malon* соответствует современное **manun** в окончании деепричастия **-kenmanun**.

4. *toy*; служебное имя со значением «место»; по-видимому, представляет собой сложное образование, являясь двухморфемным словом. В состав *toy* входит корень *to*, сохранившийся в конструкции *ho-n to-l* (причастная форма предикатива + винительный падеж от *to*). Эта конструкция засвидетельствована более поздними памятниками; в Оде ее нет. Конструкция свидетельствует о склоняемости *to*. В свете этого второй элемент *toy* – морфема *i* разъясняется как показатель именительного или родительного-дательного падежа. В период создания Оды сочетание *to+i* было, по всей видимости, уже неразложимым, о чем свидетельствует тот факт, что оно как целое присоединяло к себе другие падежные окончания, а также частицы. В Оде *toy* встречается либо с выделительной частицей *-n*, либо с окончанием винительного падежа *-(o/u)l*: *toy-n*, *toy-l*. В других памятниках зафиксирован также творительный падеж: *toy-lwo*. В силу действия закона гармонии гласных, *toy* в определительных условиях могло превратиться в *tey*. Этот вариант тоже зафиксирован в Оде.

Toy/tey употреблялось только после причастных форм сказуемого; перед окончанием причастия предикатив мог иметь аффиксы настоящего (*-no-*) или прошедшего

---

¹⁰⁸ По-видимому, первоначальной формой является не *ssoy*, а *soy*. *ss* возникает после окончания атрибутивной формы как вариант. См. Холодович А.А., 1986. С.52

прерванного действия (-te-). Сочетание *ho-te-n tey-n* соответствует русским оборотам типа «в случае, если бы он сделал то-то и то-то», «сделай он то-то и то-то».

Сочетание *ho-n toy-l* служило для образования придаточного дополнительного.

5. *cahi*; служебное слово, соответствующее современному **сеу**; присоединяется к причастной форме на *-(o/u)n*; придает предшествующему предикативу или всему словосочетанию, с ним связанному, обстоятельственное значение; указывает на то, что действие, выраженное основным сказуемым, сопровождается другим действием, которое выражено предикативом, предшествующим этому служебному слову.

Язык романа XVIII в. “*Ссяньчхон кыйбонь*” знает уже три вида причастий: причастие настоящего времени на *-non*, причастие прошедшего времени на *-(o/u)n*, причастие будущего времени на *-(o/u)l*.

Причастие настоящего времени

Показателем причастия настоящего времени в языке романа является окончание *-non*. Качественные глаголы (стативы) этой формы не образуют.

Окончание *-non* по происхождению сложное. Оно образовалось из двух элементов *-no-* и *-(o/u)n*, последний из которых является окончанием причастия, а первый восходит к старому аффиксу перфекта *-no-*, этимологически представленному в некоторых окончаниях конечной сказуемости (*-nonila*, *-noita*, *-nonyo* и др.). Остатки этого суффикса прослеживаются до сих пор в таких словах, как **khuna-ta** «увеличиваться, становиться большим» (ср. **khu-ta** «быть большим»). В современном корейском языке окончание *-non* имеет прямое соответствие в виде **-nun**. Окончание **-nun** в языке исследуемого памятника не встречается.

Время причастия является абсолютным и соотносится с моментом речи, если заключительное сказуемое выражено формой настоящего времени(1).

Время причастия является относительным и соотносится не с моментом речи, а с временем совершения другого действия или наличия другого признака (т.е. так называемое параллельное время), если заключительное сказуемое выражено формой прошедшего(2) или будущего времени.

1. *il-cok em-an-ul mwo-lo-kwo sya-ho-si-non mal-som-i ep-so-ni in-nyun-uy swoy-in-i-la*
(22,1)

раньше отец-лицо-АСС не знать-ДЕЕП прощать-ВЕЖ-ПРИЧ слово-NOM не быть-ДЕЕП мораль-GEN преступник-быть-КС

Я не знаю своего отца, и нет мне прощения, я преступник среди людей.

2. kyeng-so-lwo ka-non syu-coy mo-com cek-hwa-lol man-na mul-uy spo-ci-ke-nol nay kwu-ho-ya wa-si-ni (89,9)

столица-INST идти-ПРИЧ сын князя-NOM наконец враг-несчастье-АСС встречать-ДЕЕП вода-GEN падать-ДЕЕП я-NOM спасать-ДЕЕП приходитъ-ВР-ДЕЕП

Люди [шедшие в столицу] пострадали от разбойников, - ответил старик, хотели броситься в воду, но я их спас и привез сюда.

В памятнике зафиксированы случаи присоединения показателя *-non* только непосредственно к корню предикатива (3) или к суффиксу гоноратива *-(o/u)si-*(4):

3. sye-kyeng-uy nyu-lak-ho-ya ri-le-mek-non nwo-kwo-uy-key uy-thak-ho-ya (34,7)

Сицзин-GEN затеряться-ДЕЕП жить подаянием-ПРИЧ старуха-DAT опираться-ДЕЕП **Скиталась она у Сицзина и нашла прибежище у нищей старухи.** (...у старухи, живущей подаянием)

4. chyen-ni-uy ki-to-li-si-non co-mwo lol cho-ma po-li-ci mwos-ho-ya (36,9)

тысяча ли-GEN ждать-ВЕЖ-ПРИЧ мать- АСС удерживать-ДЕЕП 'завершенность'-ОТР не мочь-ДЕЕП

...не могу не думать о матери, которая ждет меня за тысячу ли.

Причастие прошедшего времени

Причастие на *-(o/u)n* выражает действие, предшествующее моменту речи (5) или действию главного сказуемого (6), а также действие, результат которого относится ко времени, выраженному главным сказуемым (7,8). Например:

5. thyen-syang sin-syen-i ha-kang-hon tos-ho-ni (10,1)

на небе небожитель-NOM спускаться-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

...как будто небожитель сошел на землю.

6. ni-si-lang si-sal-hon yen kwo-lol chyu-mwun-ho-ni (33,1)

Ли сиран убивать-ПРИЧ связь-АСС допрашивать-ДЕЕП

Допросили, почему они убили сирана.

7. i-uk-kwo nwo-kwoy wos-sol nip-kwo na-mwo ku-nol-uy an-ca ka-cye-won swul-ul mek-te-ni (13,1)

спустя нек время старуха-NOM одежда-АСС надеть-ДЕЕП дерево тень-GEN сидеть-ДЕЕП приносить-ПРИЧ вино-АСС пить-ДЕЕП

[После купания] старуха оделась и, сидя в тени деревьев, попивала вино, принесенное с собой.

8. sang-uy wo-lon cyep-si ma-ta yuk-chan-i-la (38,2)

стол-GEN ставиться-ПРИЧ блюда каждый шесть-сч.слово-быть-КС

На столе стояли тарелки с мясом. (поставленных тарелок было шесть)

Причастие на *-(o/u)n*, образованное от стативного предикатива (прилагательного), имеет чисто адъективное значение. Например:

9. *cyeng-kyel-hon sip ul e-te* (23,8)

чистый-ПРИЧ дом АСС приобретать-ДЕЕП

[Лю] приобрел уютный домик

10. *nye-o-non cyek-un pus-ku-li-mu-lwo pse* (27,1)

дочка-ТОР маленький-ПРИЧ кисть-INST писать-ДЕЕП

Дочь напишет маленькой кисточкой.

11. *thuk-i-hon an-soyk-kwa chyoy-syey-hon kuy-cil-ul toy-ho-ya* (21,7)

своеобразный-ПРИЧ лицо-СОВМ незаурядный-ПРИЧ характер-АСС сталкиваться-ДЕЕП

...дивное лицо невесты и ее утонченные манеры...

Форму причастия на *-(o/u)n* со значением настоящего времени в языке памятника может принимать также предикатив отсутствия *eps-*(12) и связка *i-* (13), например:

12. *ni-kwong-uy chyey-cwok-i ep-so-ni pwon-kwan-i wen-kwo ep-son wok- so-lol kyel-chi mwos-ho-ya* (30,3)

в самом деле правильный-ДЕЕП Ли господин-GEN ближ.родст.жены-NOM не быть-ДЕЕП правитель-NOM истец не быть-ПРИЧ следствие-АСС решать-ОТР не мочь-ДЕЕП

Родственников у него не было, и правитель за неимением истцов не решил дела

13. *kum-cyuy-in ni-hyey-uy nyen-i-sip-wo o-pwu-non cyen-im si-lang ni-myeng-i-la* (28,8)

Цзиньчжоу-быть-ПРИЧ Ли Хён-GEN год-NOM 15 отец-ТОР прежн.должность-сиран Ли Мён-быть-КС

Ли Хён, уроженец Цзиньчжоу, пятнадцати лет. Отец его – бывший сиран Ли Мён.

Причастные формы на *-(o/u)n*, образованные от предикатива наличия *is-*, на нашем материале не обнаружены.

Предикатив с окончанием *-(o/u)n* может иметь в своем составе морфему *-te-*, например:

14. *cin-pwu-in-i nap-thyey- lol pwo-noyl-soy pwu-in-i syo-nyen-uy ski-ten co-kum phal-soy-lol ping-choy-ho-kwo* (20,5)

Чин госпожа-NOM подарок невесте от жениха АСС посылать-ПРИЧ СИ госпожа-NOM девушка-GEN носить-РЕТР-ПРИЧ золотой браслет-АСС подарок в знак признательности - ДЕЕП

Госпожа Чин послала в дом невесты свадебные подарки и золотой браслет, который носила в молодости.

Эта последовательность восходит к средневековому сочетанию причастия с показателем антиперфекта. В рассматриваемую эпоху, по-видимому, эта последовательность уже не членилась, а функционировала как неразложимое окончание. В современном языке имеет прямое соответствие - окончание второго причастия прошедшего времени **-ten**. Оно относит наличие действия к прошлому и одновременно указывает на смену действия, т.е. имеет трансферентивное значение. Например:

15. *cyen-il kwu-ci-cik-huy-ten mo-om-i thay ran-i-na phu-le-ci- ni* (60,2)

раньше всей душой твердо хранить-ПРИЧ душа-NOM больше половины-около распускаться-ДЕЕП

Сердце его, хранившее прежде верность, теперь поколебалось.

16. *cyen-il cin rwu-in pu-li-ten nwo-pwok-ul mwo-tu-ni cip-i rwu-lye ho-ya* (81,2)

раньше Чин госпожа заставлять работать-ПРИЧ старый слуга-АСС собирать-ДЕЕП дом-NOM заставлять работать-ДЕЕП делать-ДЕЕП

...разыскал слуг, которых прежде держала госпожа Чин.

17. *ta-si soyng-kak-ho-ni nyu-cye-so-nye-o yo-lan syo-cye-lwo se-lo pwo-kwo nyen-chi-lol mwu-les-ten-ci-la* (103,2)

снова подумать-ДЕЕП Лю чхоса-дочка Ё Ран девушка-INST друг друга видеть-ДЕЕП возраст-АСС спрашивать-ВР-ДЕЕП

Правитель, выслушав юношу, снова подумал: «Я видел у отшельника Лю дочь – девицу Ё Ран – и даже спросил о ее возрасте».

Второе причастие прошедшего времени **-ten** может иметь в своем составе суффиксы прошедшего времени, что еще раз свидетельствует о том, что это не последовательность самостоятельных аффиксов, а неразложимое окончание. В таких случаях значение времени выражается суффиксами, а окончание **-ten** выступает как показатель трансферентивного значения и атрибутивной зависимости глагола от последующего имени. Например:

18. *i-non twong-kyeng-i-ni swong-na-la two-up-ho-yes-ten sta-hi-la* (107,2)

этот-ТОР дунцзин-быть-ДЕЕП Сунское государство столица-ВР-ПРИЧ земля-быть-КС
это Дунцзин, бывшая столица Сунского царства.

Других аффиксов в причастии на материале памятника не обнаружено.

Причастие будущего времени

В качестве определения к полнозначному имени причастие на **-(o/u)l** сохраняет модальное значение, как и в среднекорейском языке:

19. nau nos-chol tu-le thyen-il-ul mwos-pwoŋ coy in-i-wo nung-hi kyeng-kay pwoŋ hung-i er-
non-ci-la (12,1)

мой лицо-АСС поднимать-ДЕЕП солнечный свет-АСС ОТР-видеть-ПРИЧ преступник-
быть-ДЕЕП вполне природа видеть-ПРИЧ удовольствие-НОМ не быть-ДЕЕП

**Я преступник, который не смеет даже взглянуть на солнечный свет; любясь
природой, я не испытываю восторга.**

20. pul-chow-oy mi-hon syeng-syeng-un kum syek-i nwok-u-na cin-chi a-niŋ syel-wum-un
chyen-kwo-uy min-myel-chi a-niŋ-ke-si-lwo-toy (35,9)

недостойный сын-НОМ искренность-ТОР металл камень-НОМ плавиться-ДЕЕП иссякать-
ОТР не быть-ПРИЧ тоска-ТОР невиданный бесследно исчезать-ОТР не быть-ПРИЧ
СИ быть-ДЕЕП

**От искренности чувств, которые сводят с ума недостойного сына, расплавятся
металлы и камни!** (не исчезнет бесследно неиссякающая тоска, от которой плавятся....)

Также в этой позиции причастие на *-(o/u)l* может передавать последовательность
событий: предикатив, стоящий в причастной форме, описывает действие, которое
совершится (-лось) после основного, выраженного срединной или конечной формой
сказуемости. Например:

21. swon-kwo-wa kwun-co an-cyen-uy pwoy-wol an-myen-i er-so-wo-na (74,5)

свекровь-СОВМ муж перед глазами-GEN показаться-ПРК-УНИЧ-ПРИЧ лицо-НОМ не
быть-УНИЧ-ДЕЕП

мне будет стыдно потом предстать перед свекровью и супругом. (у меня нет лица, с
которым я потом предстану перед мужем и свекровью)

22. es-ci in-syeu-uy thwu-soyng-hoŋ stus-i i-si-li-wo (70,3)

почему мир-GEN цепляться за жизнь-ПРИЧ мысль-НОМ быть-КС

Как у тебя могла возникнуть мысль покончить с собой?

Подробнее синтаксические функции ранненовокорейских причастий будут
рассмотрены ниже.

Синтаксические функции причастия в романе «Ссянъчхон кыйбонъ».

Наиболее распространенной функцией причастия в языке романа является функция
определения к полному имени, как и в среднекорейском языке. В этой функции
причастие способно выступать в формах всех времен. Например:

23. chyen-ni-uy ki-to-li-si-non co-mwo lol cho-ma po-li-ci mwos-ho-ya (36,9)

тысяча ли-GEN ждать-ВЕЖ-ПРИЧ мать- АСС удерживать-ДЕЕП 'завершенность'-ОТР не
мочь-ДЕЕП

но не могу не думать о матери, которая ждет меня за тысячу ли.

24. chyе-soy cha-than nang-kwu-uy cip-u-lwo two-la-ka-ni-la (16,6)

КС *чхоса*-NOM вздыхать-ПРИЧ некоторое время-GEN дом-INST возвращаться-КС

Старик повздыхал и вернулся домой.

25. kwun-uy kyeng-nyun tay-soy-wa chi sey an-min-hol соy-cwo-lol pwo-moy (49,2)

округ-GEN управление способности-СОВМ правление успокаивать народ-ПРИЧ талант-АСС видеть-ДЕЕП

я вижу в вас дар правителя и способность повелевать подданными.

Несколько иначе обстоит дело, когда причастие располагается перед служебными словами, которые, как правило, лишены вещественного значения и выполняют те или иные грамматические функции. Это видно из примера, который дается ниже:

26. nyu-chye-soy ku two-la-sye-sye mal-hol-cek nwun-ul pswo-a-pwo-ni (14,4)

Лю *чхоса*-NOM этот отворачиваться(стоя)-ДЕЕП говорить-ПРИЧ СИ глаза АСС устремлять взор-ДЕЕП

А чхоса Лю пристально разглядывал юношу, пока тот говорил, пытаюсь спрятать лицо.

В приведенном предложении имеется определительное придаточное предложение к слову *cek* “время”. Однако нетрудно заметить, что это придаточное предложение является определительным лишь по форме, а по существу оно относится к придаточным времени, поскольку поясняет не один из членов главного предложения, а все главное предложение. А.А.Холодович называет такие предложения “формально-определительными”¹⁰⁹.

В памятнике встретились следующие разновидности такого способа “формально-определительного” подчинения (конструкции 1-3 перешли в ранненовокорейский из среднекорейского языка):

1. *Причастие* + *soy*. Несмотря на то, что данная конструкция перешла в ранненовокорейский язык из среднекорейского, значение ее изменилось: теперь она выражает не причинные отношения, как в предыдущую эпоху, а одновременность двух действий. Служебное имя *soy* синонимично служебному имени *cek*. Сказуемое придаточного предложения, предшествующее *soy*, имеет форму причастия на *-(o/u)l*.

27. i-stoy stwo kal-soy kwong-co-uy pi-hwoy-lul wi-lwo-khwo-cye ho-ya (11,3)

однажды также идти-ПРИЧ СИ сын янбана-GEN грустные мысли-АСС утешать- ДЕЕП делать-ДЕЕП

Как-то собираясь туда (принимать ванны), ей захотелось развеять грусть юноши.

¹⁰⁹ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 275

28. nwo-kwoy wos-sol pes-kwo mwok-yok nom-ul-soy kwong-coy sim-soy i-ey nyem-i ep-se san-syang-uy-sye pou-hwoy-ho-te-ni (12,10)

старушка-NOM одежда-АСС снимать-ДЕЕП ванна получать-ПРИЧ-СИ он-NOM душа-NOM здесь стремление не быть гора-на-ЛОК бродить-ДЕЕП

Старуха сняла платье и стала купаться, а юноша, которого не трогала красота [природы], бродил в горах.

Следует обратить внимание, что подлежащие главного и придаточного предложений могут не совпадать (28).

Мартин¹¹⁰ в качестве одного из значений этой конструкции дает синонимичность конструкции *-(o/u)l ttay* “когда”.

2. *Причастие + sey*. Это имя является китайским по происхождению, имеет значение «время»; так же, как и среднекорейская конструкция, устанавливает отношение одновременности между двумя предложениями. Сказуемое придаточного предложения стоит в форме причастия на *-(o/u)l*:

29. hok-soy tung-tyey-ho-mye kum-cyuy-lwo kal sey ha-li-lol twok-chyok-ho ya sye-kyeng-uy pwo-pou-yes-te-ni (68,3)

ДЕЕП изначально хакса-NOM выдержать экзамен-ДЕЕП Цзиньчжоу-INST идти-ПРИЧ СИ канцелярист-АСС настойчиво требовать-ДЕЕП Сицзин-GEN посылать-ВР-ДЕЕП

Хакса, сдав экзамены на чин и отправившись в Цзиньчжоу, послал в Сицзин чиновника.

В современном языке имя *sey* требует перед собой причастие прошедшего времени, а не будущего, как в описываемые эпохи.

3. *Причастие + toy*. Служебное имя *toy* имеет значение “место”. На материале ранненовокорейского текста зафиксированы случаи употребления с причастием на *-(o/u)n* и *-(o/u)l*. Часто используется для передачи подчиненного предложения времени, ситуации (30). Но оно также часто употребляется в своем первоначальном, более конкретном значении:

30. ta-si nwo-wong-ul pwo-kwo kyeng-so-lwo ka-mul chyeng-hon-toy nwo-wong-i ma-ci mwos-ho-ya (92,7)

еще раз старик-АСС видеть-ДЕЕП столица-INST идти-НОМ-АСС просить-ПРИЧ СИ старик-NOM запрещать-ОТР не мочь-ДЕЕП

...и она снова спросила у старика разрешения уехать в столицу. Хозяин не удерживал ее

31. i-kwos-i i-le-thos sya-thi-ho-ya sang-in uy ke-chye-hol toy a-ni-ni (89,5)

---

¹¹⁰ Martin S.E., 874.

этот-место-NOM такой роскошный-ДЕЕП купец- GEN жить-ПРИЧ СИ не быть-ДЕЕП
Однако ваше жилище так необычно! Оно не похоже на жилище торговца. (место, где вы живете не является жилищем торговца)

Если в Оде служебное имя *toy* употреблялось обязательно либо с выделительной частицей, либо с окончанием творительного падежа, в романе XVIII в. такие примеры уже не зафиксированы.

4. *Причастие + sek*. Служебное имя *sek* используется для оформления придаточного временного предложения, причастные формы на *-(o/u)l* перед *sek* выражают одновременность обозначенных ими действий событиям, указанным в главном сказуемом. Формы других причастий в этом случае не употребляются. Например:

32. mwo-uy pwok-tyung-uy i-sil sek ni-myeng-uy kwu-thyuk-ho-mul man-na (54,1)

мать-GEN в животе-GEN быть-ПРИЧ СИ Ли Мен-GEN изгонять-НОМ-АСС встречать-ДЕЕП

Ли Мён изгнал жену, когда его сын был еще во чреве матери.

5. *Причастие + swul*. Служебное имя *swul* употребляется в том случае, когда сказуемым главного предложения являются глаголы “знать”, “не знать”, “думать” и им подобные. Служебное имя *swul* вводит придаточное предложение, выполняющее функцию дополнения к сказуемому главного предложения. С этим служебным именем могут сочетаться все типы причастия. В следующих примерах особенно отчетливо обнаруживается характер времени причастия. В (33) причастие выражает параллельное (т.е. одновременное моменту, выраженному заключительной формой) время, в (34) – предшествующее, в (35) – предстоящее время:

33. pwu-in-i kyeng-hwang-ho-ya mwom-i ni-le-na-non swul ep-si tang-uy no-li-mul skoy-tos-si mwos-ho-te-ni (68,8)

госпожа-NOM быть в замешательстве-ДЕЕП тело-NOM вставить-ПРИЧ СИ не быть-НАР двор-GEN выходить-НОМ-АСС осознавать-ОТР не мочь-ДЕЕП

Госпожа не могла подняться, не могла даже подумать о том, чтобы выйти к нему навстречу.

34. na-uy swon-kwo-non e-cin pwu-in-i-si-ni nau ce-uy un-hyey nip-un swul al-myen kyel-tan khwo rak-cyel-chi a-ni-li-la (100,10)

я-GEN секровь ТОР мудрый-ПРИЧ госпожа-быть-ВЕЖ-ДЕЕП я-NOM этот-GEN благодеяние получать-ПРИЧ СИ знать-ДЕЕП определенно бессердечный-ОТР не быть-КС моя свекровь – умная женщина, и если она узнает, что [эта старуха спасла меня], то она не останется безучастной.

35. syang-i stwo-hon wang-uy syang-phyo-lol pwo-si-kwo tha-il hwang-swon-kuy ni-chi a-nil cwul a-lo-sya (57,7)

король-NOM также ван-GEN доклад королю-АСС видеть-ВЕЖ-ДЕЕП другой день внук императора-DAT полезный-ОТР не быть-ПРИЧ СИ знать-ВЕЖ-ДЕЕП

Государь, прочтя донесение вана, решил, что ему это [будет] невыгодно

6. *Причастие + kes*¹¹¹. Служебное имя *kes* употребляется в конструкциях составного глагольно-именного сказуемого (36, 37), а также для подчинения дополнительных придаточных предложений (38) и придаточного предложения подлежащего (4). Например:

36. pi-lwok nyu-lak-ho-na kuy-syang-i mo-chom-poy yo-so-chi a-nil ke-si-wo (76,4)

хотя жить на чужбине-ДЕЕП характер и манеры-NOM наконец безвременно скончаться-ОТР не быть-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

- Лю скитается, но разве может прерваться ее жизнь в такие молодые годы?

37. nau syang-kyeng-ho-ya cyong-sang-hwu cuk-si cho-col ke-si-ni (105,1)

я-NOM ехать в столицу-ДЕЕП трехлетний траур-после немедленно искать-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

Я поеду в столицу, а после окончания траура тотчас вас навещу

38. mwu-tan-hi kul-ci-un ke-sol tal-na-ho-myen ceu syu-syang-hi ne-kil-ka (18,2)

самовольный-НАР сочинять-ПРИЧ СИ-АСС просить-ДЕЕП сомнительный-НАР думать-КС

Если просто попросить что-нибудь написать, ему, пожалуй, покажется это подозрительным.

В этом примере придаточное предложение, которое располагается перед служебным именем *kes*, с точки зрения реальных семантико-синтаксических связей несет функцию дополнения.

39. ku kwong-coy mwun-cang-un ta-si ni-lol ke-si ep-so-lye-ni-wa (16,1)

этот юноша-NOM сочинения-ТОР снова делать-ПРИЧ СИ-NOM не быть-ДЕЕП

За свои сочинения он никогда не берется снова (не бывает такого, чтобы он брался за сочинения снова)

С точки зрения семантико-синтаксических связей придаточное определительное в (39) несет функцию подлежащего предложения.

Служебное имя *kes* зафиксировано в тексте в двух падежах – именительном и винительном: *kes-i* и *kes-ul*. В современном же языке оно имеет почти полную парадигму спряжения.

¹¹¹ Мазур определяет это служебное имя как *слово-конструкт*. См. Мазур Ю.Н. ,2004. С. 133

Как многие служебные имена, *kes* обладает абстрактным лексическим значением «вещь, предмет», которое при переводе может быть передано с большей или меньшей долей условности, например:

40. mwo-lul ke-si ep-te-la (7,4)

не знать-ПРИЧ вещи-NOM отсутствовать-КС

...не было на свете ничего, чего бы он не знал

7. *Причастие + ра*. Это служебное имя имеет значение «факт, обстоятельство», соответственно, вводит придаточные предложения дополнительные. Если в конструкции с *ра* употребляется причастие настоящего времени, значит, речь идет о событии актуальном на момент речи. Например:

41. pa-uy o-co-non pwo-lang-uy pwo-non pay-la (20,1)

я-GEN ребенок-ТОР старая женщина видеть- ПРИЧ СИ-быть-КС

Вы знаете моего сына (существует факт, что...)

42. wu-li tung i tyu-ya kun-sim-ho-non pay-le-ni (56,8)

мы группа NOM день-ночь тревожиться-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

И день и ночь мы тревожимся об этом.

43. syang-kwong-i chwoy-ma-uy kye-si-mun syo-chuер-uy pwo-non pay-la (98,1)

канцлер-NOM траурная одежда-GEN быть-NOM-ТОР я-GEN видеть-ПРИЧ СИ-быть-КС

Я вижу, что господин в трауре,

В случае употребления причастия прошедшего времени, констатируется факт или событие, произошедшее до момента речи:

44. syo-cye-non syo-chuер-i pwon pay-la (20,3)

девушка-ТОР я (женщи)-NOM видеть-ПРИЧ СИ-быть-КС

Я видела барышню Лю

45. swu-nyen-cyen tung-kwa-ho-ya sye-kyeng-uy swo-pwun-ka-sil cek syo-cyey nik-i pwon pay-le-la (102,1)

несколько лет-до выдержать экзамен-ДЕЕП Сицзин-GEN приводить могилу в порядок-ВЕЖ-ПРИЧ СИ девушка NOM неоднократно видеть-ПРИЧ СИ-быть-КС

Несколько лет тому назад он сдал экзамены на чин. Девушка видела его, когда он приехал в Сицзин посетить могилы предков.

Служебное имя *ра* может присоединять различные падежные окончания, в частности, зафиксирован случай употребления с показателем винительного падежа (46), а также с выделительной частицей *-non* (47):

46. hung-nang-uy si-sal-hon pa-lol tay-kang kwo-ho-kwo (69,9)

Хон Нан-GEN убивать-ПРИЧ СИ-АСС в общем сообщать-ДЕЕП

и вкратце рассказал об убийстве отца

47. pan-tyem si-lom-i ep-so-na il-nyem-uy kyeng-kyeng-hon pa-non nyu syo-cye ke-chye swon-mang-ul il-si-two pang-sim-chi a-ni-ho-kwo (111,5)

капля забота-NOM не быть-ДЕЕП единственное желание-GEN не забыться-ПРИЧ СИ-ТОР Лю девушка преодолеть-ДЕЕП жизнь и смерть-АСС однажды проявлять благодушие-ОТР не быть-ДЕЕП

Одно только заботило его – он ни на минуту не мог забыть [о том], что Лю где -то [странствует].

Конструкция “причастие будущего времени на *-(o/u)l* + служебное имя *pa* + связка” имеет модальное значение долженствования. Например:

48. pau es-ci ni-col pa-ly-li-wo (76,2)

я-NOM как забывать-ПРИЧ СИ-быть-КС этот

Разве я забуду когда-нибудь об этом?

49. thyen-swi tyeng-ho-ye-si-ni in-lyek-u-lwo hol pa a-ni-la (76,6)

судьба-NOM определять-ВР-ДЕЕП человеческая сила-INST делать-ПРИЧ СИ-NOM не быть-КС

Судьба моя определена, и не в силах человека ее изменить.

50. mwom-i tang-kum-uy chye-co-uy ke-chyuy-lol uy-nwon-hol pa a-ni-la (76,8)

тело-NOM сейчас-GEN девушка-GEN образ действия-АСС обсуждать-ПРИЧ СИ-NOM не быть-КС

...сейчас не узнать, где находится Лю,

8. *Причастие + tul*¹¹². Первоначальное значение этого имени, видимо, было «случай, событие»; в современном языке употребляется после причастий всех трех времен¹¹³, но в памятнике зафиксированы только случаи употребления после причастия на *-(o/u)n*, обычно при наличии отрицания или вопроса в главном предложении. Например:

51. sey sa-la-ka-lyu hon-tul wo-kyeng-uy-ya wu-li-khal-hul myen-khi swi-wo-lyu ho-non swo-loy mi-mi-hi tul-ni-ke-nol (39,8)

тот-NOM спасти жизнь-ПРК-ДЕЕП делать-ПРИЧ СИ пятая стража-GEN наш нож-АСС избегать-NOM легкий-ДЕЕП делать-ПРИЧ голос-NOM мягкий-НАР слышаться-ПРК-ДЕЕП

[кто-то сказал:]—Он хочет остаться в живых, однако ночью в пятую стражу, ему не удастся избежать нашего ножа!

¹¹² Ср. маньчж. *dule* «наоборот, в противоположность»

¹¹³ *Рамстедт Г.* Грамматика...С.144

52. syel-so cwuk-un-tul kwu-ka-lol po-li-kwo e-toy-lwo ka-li-wo (106,8)

допустим, что умирать-ПРИЧ СИ дом мужа-АСС бросать-ДЕЕП куда-INST идти-КС

Пусть я умру в дороге, но куда же мне идти как не в дом свекрови?

Здесь особо следует отметить, что в большинстве случаев сочетание причастия со служебным именем можно рассматривать как деепричастие. Основанием для этого служит, как правило, ограниченная сочетаемость имени с причастием; в том случае если имя сочетается с несколькими типами причастий и склоняется, такую последовательность нельзя рассматривать как единое окончание деепричастия. В случае со служебным именем *-tul* трудно предполагать, что в XVIII в. оно имело ограниченную сочетаемость (как можно было бы судить по имеющимся примерам), а в современном языке – уже неограниченную (хотя, в грамматике Мазура окончание *-ntul* рассматривается как показатель деепричастия). Примеров в тексте романа немного и, зная статус этого имени в современном языке, естественней было бы предположить, что в ранненовокорейском языке это имя употреблялось не только с причастием на *-(o/u)n*, просто в тексте эти примеры не зафиксированы. Поэтому мы в данном исследовании будем считать, что это сочетание причастия со служебным именем и не будем рассматривать эту последовательность в гл. *Деепричастие*.

9. *Причастие + stoy*. Это имя означает «время»; служит для передачи придаточных времени: «когда». Употребляется после причастий всех трех времен, но чаще всего после причастия будущего времени.

53. mo-chom kwun-coy ni-ka-ho-sin stoy-ni (74,1)

как раз муж-NOM отлучаться из дома-ВЕЖ-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

Это было тогда, когда вы уехали.

54. mwo-kwu-lol nip-kwo i-ka-p-ul ski-kwo mak-tay-lol cip-kwo tyung-soy wo-non stoy
tyung-phwung- hon hyeng-sang-ul ho-si-myen tyo-tyeng-i uy-sim-chi a-ni-ho-li-i-ta (116,2)

шерстяные вещи-АСС надевать-ДЕЕП кольчуга-АСС натягивать-ДЕЕП палка-АСС брать-
ДЕЕП чинов., перед.прик.короля.-NOM приходить-ПРИЧ СИ паралич-ПРИЧ вид-АСС
делать-ВЕЖ-ДЕЕП королевский двор-NOM сомневаться-ОТР не быть-КС

**Наденьте зимнее платье, закутайтесь, возьмите посох и, [когда придет время
жертвоприношений,] прикиньтесь паралитиком. При дворе этому поверят**

55. moy-yang tyo-syek-uy pwu-in-i chin-hi kun-nwo-ho- si-mul pwo-moy nyu-si-lol soyng-
kak-ho-ya ni-col stoy ep-so-ni (81,7)

обычно утро и вечер-GEN госпожа-NOM сам трудиться-ВЕЖ-NOM-АСС видеть-ДЕЕП
Лю-ВЕЖ-АСС думать-ДЕЕП забывать-ПРИЧ СИ не быть-ДЕЕП

[Сын] видел, что мать, трудясь день и ночь, никогда не забывала о его невесте. (не было момента, когда она забывала)

Это имя, наряду с *sek*, еще до сих пор ощущаются как самостоятельные слова, тогда как *toy*, *tul* и др. объясняются грамматиками либо как окончания, либо как союзы.

10. *Причастие + ci*. Имя означает «факт, вещь, событие»; в памятнике употребляется после причастий прошедшего времени, в современном же языке допускает и причастие будущего времени.

56. cho-si cin-pwu-in-i syu-cyeu kan ci wo-loy-ni sim-soy co-mwos wul-wul-ho-ya (56,4)

это время Чин-госпожа-NOM девушка-NOM идти-ПРИЧ СИ долгий-ДЕЕП душа-NOM много плакать-ДЕЕП

А госпожа Чин тем временем очень тосковала оттого, что девушка ушла от нее надолго.

57. cuk-si hoynng-cang-ul syu-sup-ho-ya kum-cyuy-lwo hoynng-ho-yen ci il-mang-un ho-ya (106,9)

немедленно дорожные принадлежности-АСС собирать-ДЕЕП Цзиньчжоу-INST ехать-ПРК-ПРИЧ СИ делать-ДЕЕП

Она только и думала о том, как бы тотчас, собрав вещи в дорогу, отправиться в Цзиньчжоу.

58. te-pu-le ni-pyel-ho-yen ci syeu-coy wo-nyen-i-la (114,4)

вместе расставаться-ПРК-ПРИЧ СИ наследный принц-NOM пять лет-быть-КС

Прошло пять лет, как мы расстались.

11. *Причастие + theye*. Имя китайского происхождения, означает «тело»; в современном языке принимает форму **chey** и употребляется после причастий всех трех времен, на материале памятника зафиксированы только случаи с причастиями прошедшего (59) и настоящего (60) времени:

59. kwong-coy nwo-kwo-uy pwun-cwu-ho-mul pwo-kwo kwo-i-hi ne-ki-na kwu-tho-ye a-lon theye a-ni-the-ni (18,4)

юноша-NOM старуха-GEN спешить-НОМ-АСС видеть-ДЕЕП странный-НАР думать-ДЕЕП специальный-ДЕЕП знать-ПРИЧ вид-NOM не быть-ДЕЕП

А юноша, заметив, что она чем-то озабочена, удивился, но сделал вид, что не замечает.(не сделал вид, что понял)

60. i-mal-ul tus-kwo nwol-na mwol-na tus-non theye ho-kwo mwom-ul twu-lo-hye two-la-ka-kwo-cye ho-te-ni (13,7)

этот-слово-АСС слушать-ДЕЕП удивиться-ДЕЕП разделить гнать-ДЕЕП слышать-ПРИЧ делать вид-ДЕЕП тело-АСС поворачивать-ПРК-ДЕЕП возвращаться-ДЕЕП делать-ДЕЕП

....сделав вид, что не слышит, повернулся и хотел уйти.

Если за этим именем следует глагол *ho-*, то сочетание *thyeu-ho-* имеет значение «делать вид, что...». Например:

61. tan-yen-i yo-twong-ho-mi ep-se mwo-lo-non thyeu-ho-ni (85,10)

решительный-НАР трястись-НОМ-НОМ не быть-ДЕЕП не знать-ПРИЧ СИ-делать-ДЕЕП
... решительно сделала вид, что ничего не замечает.

12. *Причастие + tos*. Имя означает «сходство, подобие»; в тексте зафиксирован всего один случай употребления без последующего глагола *ho-*:

62. nwo-kwo-lol ha-cik-hol soy nwo-kwoy a-yen-ho-ya ho-ng-nwo uy pwo-tyung-ho-mul il-khos-kwo il-hun ke-si is-non tos nyen-nyen-ho-ya ho-ke-nol (104,9)

старушка-АСС распрощаться-ПРИЧ СИ старушка-НОМ ошеломленный-ДЕЕП путь GEN беречь здоровье-НОМ-АСС звать-ДЕЕП потерять-ПРИЧ СИ-НОМ быть-ПРИЧ СИсловно горячо любимый-ДЕЕП говорить-ДЕЕП

Когда она прощалась со старухой, та была грустна, уговаривала [зятя] беречься в дороге и говорила, что в его отсутствие она будет так же любить его, как и раньше.

В современном языке употребляется как отдельно в конструкции подобия в качестве служебного имени со значением ‘словно’, так и с последующим глаголом **ha-** со значением ‘вероятно, кажется’.

13. *Причастие + kwo*; это слово китайского происхождения, означающее «причина»; употребляется в творительном падеже: *kwo-lwo* устанавливает причинное отношение между двумя предложениями. Перед этим существительным употребляется либо причастие настоящего (63, 64), либо причастие прошедшего времени (65):

63. so-ng-i chye-so-uy mal-ul tus-kwo stwo-hon thyen-swu-lul a-nun kwo-lwo psyang syeng-ul tu-le syo-cye-lol pwo-ni (26,4)

юноша-НОМ чхоса-GEN слова-АСС слушать-ДЕЕП также судьба-АСС знать-ПРИЧ СИ-INST пара звезда-АСС поднять-ДЕЕП девушка-АСС видеть-ДЕЕП

Юноша, выслушав чхоса, еще раз убедился в том, что это судьба, ниспосланная небом, и, подняв глаза-звезды, взглянул на невесту.

64. sye-kyeng sta-hoy nwo-mwo-lol to-li-la ka-non kwo-lwo kil-hi i-kwos-ul mal-moy-am-a i-ey ni-lo-ni (44,5)

Сицзин земля-GEN старуха-мать-АСС заботиться-ДЕЕП идти-ПРИЧ-СИ-INST путь-НОМ этот-место-АСС зависеть-ДЕЕП здесь достигать-ДЕЕП

я направился в Сицзин ухаживать за старой матерью, вот потому я и попал сюда

65. es-cin kwo-lwo i-ey ni-lo-les-no-nyo (103,5)

какой-ПРИЧ СИ-INST здесь достигать-ВР-КС

Почему сестрица оказалась здесь?

14. *Причастие + il*; это полнозначное существительное со значением «работа, дело, случай» также может употребляться в служебной функции; принимает причастия всех трех форм:

66. *il-sok pas-kuu na-ka-non il-i ep-so-ni* (16,2)

раньше наружу-GEN выходить-ПРИЧ СИ-NOM не быть-ДЕЕП

Ведь он никогда не выходит за ворота

67. *se sa-lom-tul-kwa kyel-wen-hon il ep-si ce-le-thos sto-lwo-non stus-i tyo-chi a-ni-ho-ni* (41,9)

этот человек-‘множ’-СОВМ быть на ножах-ПРИЧ СИ не быть-ДЕЕП подобный-ДЕЕП следовать-ПРИЧ смысл-NOM хороший-ОТР не быть-ДЕЕП

- Я не ссорился с этими людьми, но они преследуют меня со злым умыслом.

68. *hol il ep-se yak-kan kum royk-u-lwo syen-ka-lol cwu-kwo* (4,2)

делать-ПРИЧ СИ отсутствовать-ДЕЕП около золото сто-INST плата за лодку-АСС давать-ДЕЕП

Но делать нечего, она заплатила ему

15. *Причастие + hwi*. Эта конструкция выражает обстоятельство-временные отношения следования события, указанного в сказуемом главного предложения, за событием, стоящим в форме причастия. Сказуемым придаточного предложения может быть причастие на *-(o/u)n*. Например:

69. *kum-hyen-i tan-cyel hon hwi il-nwo sin-ul sam-a* (27,6)

сегодня разрывать ПРИЧ-СИ один-INST прощ.подарки-АСС делать-ДЕЕП

Нынче после разлуки мы разъединим свои дары

16. *Причастие + tyung*. Это слово китайского происхождения, означает «середина», часто употребляется в значении ‘в течение’; на материале памятника зафиксированы только два примера употребления этого имени после причастия, в остальных случаях *tyung* употребляется после имен, например:

70. *si-lang-i pwon-toy syeng-phwum-i kang-ho-kwo swo-thal-hon tyung cyu-soyk-ul cyung-hi ne-ki-toy* (1,9)

сиран-NOM по природе натура-NOM сильный-ДЕЕП чуждый условностей-ПРИЧ посреди вино-женщины-АСС дорого ценить-ДЕЕП

Советник был [человеком] широкой натуры, жизнерадостным, любил вино и женщин.

71. *nwo-cyuy nang-phay-hon tyung nyang sik-i cin-ho-ya twu-lwo pi-le cyu-in-ul mek-i-lyu ho-no-i-ta* (108,6)

раб и хозяин-NOM попасть в беду-ПРИЧ СИ продовольствие-NOM иссякать-ДЕЕП
вокруг просить-ДЕЕП хозяин-АСС кормить-ПРК-ДЕЕП делать-КС

**Мы сбились с пути (попали в беду) и приехали в эти места, но не знаем, что делать
еда у нас кончилась, и мы, прося милостыню, хотим накормить хозяина.**

72. hoу-ou pi-lwok mang-kuk tyung-i-wo-na (72,2)

ребенок-NOM хотя безмерное горе посреди-быть-УНИЧ-ДЕЕП

Я сейчас в беспредельной тоске.

Помимо описанных сочетаний, причастия ранненовокорейского языка участвуют в различных аналитических конструкциях, передающих модальные значения (подробнее см. гл. *Модальность*).

Имя действия (масдар)

Масдар – глагольное или адъективное имя, позиционная категория, употребляемая в том случае, когда предикатив выполняет функцию подлежащего или дополнения.

Форма на *-(o/u)t*

В Оде имелось только одно окончание масдара – $-\{H\}(wo/wu)t$. Предикатив, принимающий эту форму, мог иметь в своем составе аффиксы вежливости и уничижительности. Других аффиксов в Оде не зафиксировано.

В ранненовокорейском тексте окончание $-\{H\}(wo/wu)t$ принимает вид *-(o/u)t*.

По Рамстедту¹¹⁴ это имя выражает либо действие, либо его результат, абстрактный или конкретный.

Падежная парадигма формы на *-(o/u)t* в романе XVIII в. представлена формами основного, именительного и винительного падежей.

Основной падеж масдара функционирует в качестве предикативного члена связочного сказуемого, например:

1. chyek-sin-i phi-hwa-ho-ki e-lye-won kwo-lwo mul-uy tul-kwo-cye ho-mi-ni (86,3)

одинокий человек-NOM попасть(избегать) в беду-NOM трудный-ПРИЧ СИ-INST вода-
GEN входить-ДЕЕП делать-NOM быть-ДЕЕП

Трудно избежать несчастий нищим, и нам осталось лишь утопиться.

Именительный падеж употребляется в роли подлежащего главного (1) или придаточного (2) предложения. Например:

2. suo-soyng-i pul-min-ho-na es-ci mwu-sin-ho-mi i-si-li-is-kwo (25,9)

я(с вышест.) неумный-ДЕЕП почему незаслуж.доверия-NOM-NOM быть-КС

Хоть я невежествен, но разве я могу быть бесчестным?

¹¹⁴ Рамстедт Г. Грамматика...С. 159.

3. nyeng-cwon-i pi-myeng-hwoyng-so-ho-mi ta wun-syu-uy tol-nyes-non-ci-la es-ci ne-mwo kwa-syang-ho-ya nwo-mwo-uy sin-syey-lol two-la-pwo-ci a-ni-ho-no-nyu (51,2)
длительность-NOM безвременно скончаться-NOM-NOM все судьба-GEN быть
прикрепленным-ПРК-ВР-ДЕЕП почему слишком переоценивать-ДЕЕП старая мать-GEN
жизнь-АСС заботиться-ОТР не быть-КС

То, что ваш отец преждевременно скончался, - зависело от неба. Зачем же из-за глубокой преданности [к отцу] пренебрегать здоровьем матери?

Формы на *-(o/u)t* в винительном падеже в нашем материале фигурирует в качестве дополнения. Например:

4. soyng-i sil-nwo man-so-uy hung-i ep-so-na ak-tyang-uy ci-kay chyeng-kwo-ho-kwo syeng ho-nyng-i syeng-cik-ho-mul kwong-kyeng-ho-ya is-ta-kam nyu-pwu-uy ni-lo-le (23,6)
юноша-NOM в дейст-ти все вещи-GEN интерес-NOM не быть-ДЕЕП тесть-GEN воля и дух возвышенный-ДЕЕП характер и поведение-NOM порядочный-NOM-АСС уважать-ДЕЕП время от времени Лю-господин-GEN приходить-ДЕЕП

Он не интересовался мирскими делами, однако, уважая мудрость, высокую нравственность и честность своего тестя, часто наведывался в дом Лю.

Форма на *-(o/u)t* может субстантивироваться, т.е. переходить в имя. Переход глагола или прилагательного в класс имени в этом случае специально не выражается, смена категорий выясняется лишь в синтаксическом окружении. Например:

5. kwong-soy nwo-kwo-uy rwun-cwu-ho-mul pwo-kwo kwo-i-hi ne-ki-na (18,4)
юноша-NOM старуха-GEN спешить-NOM-АСС видеть-ДЕЕП странный-НАР думать-ДЕЕП

А юноша, заметив, что она чем-то озабочена, удивился,..(…увидел старухину суету…)

6. nye-o-lwo myeng-wi-pwu-pwi-na i-syeng-uy chin-ho-mi ep-son-ci-la (25,8)
дочка-INST супруги-быть-ДЕЕП друг.фамилия-GEN близкий-NOM-NOM не быть-ДЕЕП
вы с моей дочерью стали супругами, но свои фамилии еще не соединили. (нет близости фамилий)

В этих предложениях форма *rwuncwuho-mul* (от глагола *rwuncwuho-* “суетиться”) употреблена в функции дополнения, а *chinho-mi* (от прилагательного *chinho-* “близкий”) – в функции подлежащего. На субстантивный характер этих форм указывает наличие перед ними именных определений *nwokwo-uy* “старухина” (5) и *isyeng-uy* “фамилий” (6), возможных только при именах.

Субстантивируются в языке романа, как правило, формы, образованные от исконно корейских предикативов. Формы масдара от глаголов китайского происхождения принимают черты имени крайне редко.

Формы на *-ki*.

Показатель *-ki* (восходит к **kwi*) присоединяется непосредственно к корню предикатива. Как отмечает Г. Рамстедт, «таким путем выражается действие или качество как таковое, «в себе»¹¹⁵. Подобно формам на *-(o/u)t* тоже является склоняемой формой, т.е. способен сочетаться с падежными формантами и клитиками – модификаторами. Однако по сравнению с существительным возможности сочетания этой формы субстантива с клитиками весьма ограничены.

Падежная парадигма имени на *-ki* в языке памятника XVIII в. представлена именительным и винительным падежом.

1. Именительный падеж¹¹⁶:

7. *kuu-soyk-i chyu-wel kos-kwo ke-ci em-cyeng-ho-ya mal pus-chi-ki e-lyep-kwo* (18,1)
выражение лица-NOM осень луна похожий-ДЕЕП поведение строгий-ДЕЕП слово
держать-NOM-NOM трудный-ДЕЕП

Он был прекрасен, как светлая осенняя луна, но на вид был так строг, что сразу не заговоришь. (заговорить - трудно).

Часто, с целью подчеркнуть противопоставление, употребляется именительный падеж с последующей частицей *-non*:

8. *pi-lwok chwoy ma-uy i-si-na kul a-ni-pwo-ki-non ne-mwo kwo-cip-ho-two-ta* (73,5)
хотя траурная одежда-GEN быть-ДЕЕП текст ОТР-смотреть-NOM-ТОР слишком
упорствовать-КС

Хотя ты и облачен в траурное платье, но не прочесть письма – это уж слишком большое упрямство!

2. Винительный падеж обычно употребляется как выражение объекта последующего действия:

9. *ney sip-wo-syeu twe-ki-lul ki-to-lye* (8,10)
ты-NOM 15 лет становиться-NOM-АСС ждать-ДЕЕП

Лучше подождем, когда тебе исполнится пятнадцать лет.

Формой на *-ki* в винительном падеже также может управлять фазовый глагол *mosch-* «заканчивать, прекращать», называющий конечную фазу протекания действия, названного инфинитивом:

10. *syo-cyeu tus-ki-lol mos-cho-moy than-sik-ho-mul ma-ci a-ni-ho-te-la* (83,3)

¹¹⁵ Рамстедт Г. Грамматика...С.157

¹¹⁶ При присоединении показателя именительного падежа *-i* к основе на *-ki* происходит стяжение в *-ki*. Таким образом, формально нельзя отличить сочетание с именительным падежом от основного по сегментным причинам, поэтому мы условно считаем, что это стяженная форма именительного падежа.

девушка-NOM слушать-NOM-АСС заканчивать-ДЕЕП вздыхать с сожалением-NOM-АСС
не сметь-ОТР не быть-КС

Девушка выслушала ее, но не переставала вздыхать.

Также в качестве управляющего глагола может выступать предикатив претерпевания *tangho*- «терпеть, выносить»:

11. *kyeu-myeng-uy ka-ki-lol tang-ho-ya phi-cho nyen-nyen-ho-ya ni-pyel-hol soy* (117,3)
рассвет-GEN идти-NOM-АСС справляться-ДЕЕП друг друга горячо любить-ДЕЕП
расставаться-ПРИЧ СИ

Только на рассвете они разошлись, довольные друг другом.

Как и формы на *-(o/u)m*, формы на *-ki* также могут субстантивироваться. Например:
12. *kwa-in-i yong-wu-hon wi-in-u-lwo kwun-an-uy cho-ki e-lye-wo-na* (51,9)
я(король о себе)-NOM пошлый и глупый-ПРИЧ человек-INST ты-внутри-GEN достигать-
NOM трудный-ДЕЕП

Я человек бесталаный и не могу привлечь ваше внимание

Субстантивированный характер формы *cho-ki* от глагола «достигать» узнаем по форме приименного определения *kwun-an-uy* «ваше внимание».

В нашем материале все глагольные субстантивированные имена образованы исключительно от исконно корейских глаголов. Формы на *-ki* от глаголов китайского происхождения не субстантивируются.

Формы на *-ci*¹¹⁷.

Окончание *-ci* присоединяется к первой основе предикатива.

Формы на *-ci* во всех случаях имеют форму основного падежа. Используются для образования отрицания в составе аналитической конструкции “предикатив на *-ci* + служебный глагол *aniho-/mwosho-/mal-* (подробнее см. гл. *Отрицание*).

Выводы:

1. Говоря об эволюции форм конечной сказуемости следует, прежде всего, отметить качественный характер таких изменений. Состав и содержание грамматических категорий претерпели изменения при движении от XV в. к XVIII в. Анализ двух текстов показывает также, что изменился порядок следования формативов. Частью это объясняется переходом аспектуальных значений в эвиденциальные, и последующей сменой позиций наклонения и аспекта в составе словоформы. Таким образом мы можем

¹¹⁷ Мазур называет это окончание формой преднегатива. См. Мазур Ю.Н., 2004. С.137

полагать, что произошла перестройка самой морфологической формулы корейской словоформы.

На материале корейского языка мы можем видеть эволюцию бывших аспектуальных показателей перфекта *-no-* и антиперфекта *-te-* (прошедшее незавершенное по Холодовичу) в показатели эвиденциального наклонения (очевидность и заглазность, соответственно), а также редукцию одного из типов коммуникативной направленности - констатива (форма остается только в качестве связного деепричастия, т.е. как неконечная) и развитие семантики идикативного наклонения в семантику прогрессивного (актуального) аспекта.

2. Как показывает таблица на с. 109, система деепричастий значительно расширилась на переходе от среднекорейского к новокорейскому языку и в рассматриваемую эпоху уже очень близка к современной.

3. К XVIII в. в языке сложилась система причастных форм, присущих и современному корейскому языку. Языку XV в. были свойственны только два вида причастий.

В качестве основных функций причастия можно выделить две: как определение к полнозначному имени, либо в сочетании со служебным именем в функции сказуемого дополнительной предикатемы.

Употребление перечисленных выше послепричастных имен, равно как еще более частое употребление деепричастных оборотов, является наиболее характерной чертой корейского языка. С помощью этих средств предложение может быть распространено до любых размеров. И хотя в корейском языке отсутствуют союзы, он все же богат другими средствами связи более или менее независимых предложений в одно целое, когда в этом появляется необходимость.

4. Система форм отглагольного имени памятника XV в. ограничивается всего одним окончанием $-\{H\}(wo/wu)m$.

В исследуемом материале XVIII в. имеются три формы отглагольного имени (масдара), представленные окончаниями $-(o/u)m$, $-ki$, $-ci$, которые сохранились и в современном корейском языке. Масдар имеет двойственную природу, сочетая в себе именные и глагольные признаки.

ГЛАВА V

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Аспект¹¹⁸

При всем разнообразии аспектуальных категорий, у них есть одно общее свойство – собственно, то, что и позволяет рассматривать их как элементы единого класса. Это свойство сводится к тому, что аспектуальные категории определяют ситуацию с точки зрения *характера ее протекания во времени*. В отличие от категорий времени и таксиса, аспект никак не связан с внешней по отношению к данной ситуации «точкой отсчета»; он характеризует ситуацию «изнутри» (и в ее динамике). Аспектуальные категории дают возможность представить одну и ту же ситуацию по-разному, выделить те или иные ее стадии, важные для говорящего; сама возможность такого выбора образует не всегда заметный модальный потенциал аспектуальных категорий.

Аналитические аспектуальные конструкции в тексте XV в. зафиксированы не были. Аспектуальные значения выражались в языке той эпохи с помощью показателей, которые в отечественной лингвистической традиции принято рассматривать как временные показатели (см. *Гл. Время и аспект*). Следует отметить, что в языках, где имеется развитая система времен, она, как правило, указывает одновременно и на характер протекания действия, тем самым как бы компенсируя неразвитость категории вида, выполняя многие функции последней. Происходит это потому, что система прошедших времен представляет собой результат длительного развития от аспектуально-временных форм к чисто временным.

В корейском языке второй половины XVII и особенно в XVIII в. количество конструкций, выражающих различные аспектуальные значения, в текстах несколько возросло. Создается впечатление, что такого рода формы, в основном аналитические, оставались аспектуальными классами, охватив лишь часть глаголов, которые обладали в данном контексте соответствующим значением. Однако на нашем материале невозможно выделить соответствующие лексические классы. Для такого выделения необходимо более

---

¹¹⁸ Необходимо сделать несколько замечаний о терминах «вид» и «аспект». До начала XIX в. в европейской грамматической традиции термин «аспект» отсутствовал: соответствующие категории глагола назывались «временами». В современном значении термин «вид», как считается, начинает употребляться у славянских грамматистов уже с XVII в., и к XIX в. такое понимание вида все больше утверждается в русской грамматической традиции. В западноевропейской лингвистике термин *aspect* впервые появляется в 30-е гг. XIX в. – первоначально именно как простой эквивалент русского слова «вид». Несколько позже в немецкой лингвистической литературе для обозначения того же самого понятия (т.е. видовой оппозиции «славянского» типа) начинает использоваться предложенный К. Бругманом термин *Aktionsart*. Затем произошло смешение понятий, которое пытался снять целый ряд ведущих аспектологов. Все же можно считать, что в русской типологической литературе закрепляется тенденция использовать термин *вид* применительно к славянской оппозиции совершенный – несовершенный вид, а термин *аспект* – для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что

обширный текстовый материал. Аспект вообще принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесным образом связаны с семантикой исходной лексемы. Действительно, не всякая ситуация может быть, так сказать, повернута под произвольным углом зрения: это зависит от ее внутреннего устройства. Тем самым, аспектуальные противопоставления естественным образом участвуют в классификации глагольной лексики – просто в силу того, что к одним лексическим классам могут быть применены одни противопоставления, к другим – другие. Многие же сказуемые в среднекорейских текстах вообще были лишены формального указания на характер протекания действия. Думается, что проблема развития аспектуальных классов заслуживает специального исследования.

Прежде, чем мы дадим краткое описание зафиксированных конструкций с аспектуальным значением в тексте XVIII в., следует сделать еще одно терминологическое уточнение. В традиционной кореистике для описания нижеприводимых явлений используется термин *вид* или *аспект*, чему в общелингвистической терминологии соответствует термин *совершаемость* (*Actionsart*). Мы в данном исследовании будем придерживаться терминологии, традиционной для отечественной школы.

Категория вида образуется в корейском языке в основном аналитическим путем: сочетанием основного (смыслового) глагола в форме деепричастия предшествования на -{H}a/e/ye и служебного глагола.

В ранненовокорейском тексте зафиксированы следующие аспектуальные значения:

1. Аспектуальные формы длительности действия.

а. форма длежащего состояния; как и в последующую эпоху, длительность передавалась аналитической конструкцией, смысловую часть которых выполняет глагол в форме деепричастия на -{H}a/e/ye (этот компонент обозначает, что действие уже началось), а изменяемую грамматическую часть – вспомогательный глагол *is-*; на материале памятника XVIII в. зафиксированы только формы с глаголом *kyesi-*, т.е. вежливый вариант этой конструкции.

1. mwu-som yen-kwo-lwo hwa-lol man-na kye-si-nyo (95,6)

какой причина-INST беда-ACC встречать-ДЕЕП быть-КС

Как же вы попали в такую беду?

Характерной особенностью большинства этих аналитических форм является отсутствие формального различия между длительностью самого действия (2) и его результата (3).

славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта). На такой узус мы и будем ориентироваться в данном исследовании.

2. *cang-nyen-i cye-mu-ci a-nya kye-si-kwo nuk-pal-i i-wu-ci a-nyas-ke-nul es-ci pul kin-hon mal-som-ul ho-si-no-ni-is-kwo* (28,2)

чел.в возрасте-NOM кончатся-ОТР не быть-ДЕЕП быть-ДЕЕП блестящие волосы-NOM увядать-ОТР не быть-ВР-ДЕЕП почему ненужный-ПРИЧ слова-АСС делать-ВЕЖ-КС

Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели?

3. *ha-kwo-lwo phil-ma-lwo ni-lo-le kye-si-ni-is-kwo* (114,1)

лошадь-INST достигать-ДЕЕП быть-КС

Так почему же вы приехали запросто верхом на коне?

б. форма длительности действия, начатого в прошлом; образуется при помощи служебного глагола *wo-*:

4. *nwo-wong-i mul-hwa-lol mwo-tun sa-lom-u-lwo ho-ye-kwom cip-u-lwo ka-cye wo-kwo* (88,9)

старик-NOM товары-АСС все люди-INST делать-ПРК-ЧАСТ дом-INST брать-ДЕЕП СГ‘длительн’-ДЕЕП

Старик с помощью своих людей перенес все вещи и повел девушку со служанками к [высокому] дому.

Следует отметить, что слова типа *поу-уе-wo-* “доставать”(28,1), *two-la-wo-* “возвращаться” (21,6), *па-а-wo-* “уходить” (27,6), которые этимологически восходят к конструкции дпящегося действия, в рассматриваемую эпоху уже не членятся, а считаются одним словом и в словаре даются как самостоятельные слова.

в. форма длительности действия, направленного в будущее; образуется при помощи служебного глагола *ka-*:

5. *nung-hi hol il ep-se kyeng-yu pou-lul sa- tho-kwo chwon-chwon-i swo cyuy -lwo hyang-ho-ya ka-te-ni* (3,1)

вполне делать-ПРИЧ.БУД СИ отсутствовать-ДЕЕП едва лодка-АСС покупать-ДЕЕП садиться-ДЕЕП Сучжоу--INST направляться-ДЕЕП СГ-ДЕЕП

...и госпоже Чин не оставалось ничего другого, как нанять лодку и [с одной служанкой] отправиться в Сучжоу.

2. Аспектуальная форма результативности действия обозначает процесс, достигший в развитии своего внутреннего предела или результата. Данная категория в памятнике представлена одной конструкцией: деепричастие предшествования на - {Н} *a/e/ye* + вспомогательный глагол *poli-*. Например:

6. *syen-kwu-kwo thak-kwo-lol cye po-li-kwo* (80,7)

покойный свекр свекровь поручения-АСС миновать-ДЕЕП ‘законченность’-ДЕЕП

[Он] пренебрег заветами покойных родителей

Модальность.

Следует отметить, что зона глагольной модальности – одна из самых обширных и разнородных, что делает ее описание особенно трудным. Даже аспектуальные значения, несмотря на их разнообразие, имеют достаточно отчетливый общий компонент (описание «динамики» ситуации); между тем, у модальных значений такого единого понятийного центра обнаружить не удастся. Тем не менее, если не один, то два таких «центра» внутри зоны модальности указать можно. Это, во-первых, *отношение говорящего к ситуации* (или «оценка») и, во-вторых, *статус ситуации по отношению к реальному миру* (или «ирреальность»).

Еще раз отметим, что мы не противопоставляем термины *модальность* и *наклонение*. Наклонением считается грамматическая категория, граммы которой выражают модальные значения, таким образом, наклонение – это грамматикализованная модальность, которая синкретически выражается в показателях конечной сказуемости (см. *Гл. Категория конечной сказуемости*). В настоящей же главе будут рассмотрены в большинстве своем аналитические конструкции, имеющие модальные значения.

Присутствие «оценочных» значений в модальной зоне отражает тот факт, что модальность является одним из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир «как он есть», но представлять «субъективный» образ мира – т.е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего. Главным оценочным значением, имеющим наиболее интенсивные связи с другими значениями как в сфере модальности, так и за ее пределами, является значение так называемой *эпистемической* оценки (часто говорят просто об эпистемической модальности). Эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности, это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего.

Значения *ирреальной* модальности описывают ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь места в реальном мире, иначе говоря, модальные показатели этого типа описывают некоторый «альтернативный мир», существующий в сознании говорящего в момент высказывания.

Основными модальными значениями принято считать значения *необходимости* и *возможности*. Оба значения описывают ирреальные ситуации. Возможность отличается от необходимости существованием альтернативы: если возможно Р, то возможно и не-Р; но если Р необходимо, то это утверждение равносильно тому, что не-Р невозможно.

С лингвистической точки зрения, важнее всего оказываются возможные точки соприкосновения между двумя сферами модальности. Существует такая семантическая зона, в которой значения оценки и ирреальности объединяются; это – семантическая зона *желания*, которое, таким образом, является в некотором смысле центральным модальным значением, поскольку содержит все основные компоненты модальности.

В отличие от необходимости и возможности, желание способно приписываться как субъекту ситуации, так и говорящему. Во втором случае перед нами переход от «нелокутивной» модальности к «локутивной» (по Дж. Байби), который принято рассматривать как усиление грамматикализации.

К значению желания очень близко значение намерения, или «активного» желания, называемое также *интенциональным*.

Еще раз отметим, что мы не делим работу на «Морфологию» и «Синтаксис». Это, на наш взгляд, привело бы к ненужному дублированию и искусственному разрыву единых, в сущности, явлений.

Итак, на материале XVIII в. зафиксированы следующие модальные значения, выражаемые аналитическими конструкциями:

Категория желания

Образуется с помощью деепричастия цели *-kwosye* и служебного глагола *ho-* «делать» в соответствующей форме. Этимологически это окончание представляет собой сочетание старого деепричастия на *-kwo* + деепричастие на *-e* от глагола *ci-* “соглашаться”. В случае присоединения окончания деепричастия к корням с конечным *h* либо к глаголу *ho-* “делать” начальный согласный окончания аспирируется, например: *chwong-khwo-cye* (14,7) от *chwongho-* “звать”.

Эта конструкция обозначает то, что реализация действия, выраженного деепричастием, желательна для субъекта. Например:

1. swu-nyen-ul ki-to-lye psyang-yu-ho-mul pwo-kwo-cye ho-po-ni (23,1)

несколько лет-АСС ждать-ДЕЕП пара-быть-НОМ-АСС видеть-ДЕЕП делать-ДЕЕП

...и я хочу видеть, как вы будете жить вместе через несколько лет.

2. il-phyen-sye-kan-ul pus-chi-kwo-cye ho-toy (18,7)

письмо-АСС посылать-ДЕЕП делать-ДЕЕП

...и я хотела бы послать с ним письмо.

Предикат модальной конструкции желания может содержать аффиксы вежливости/уничижительности. В этом случае показатель присоединяется не к вспомогательному глаголу *ho-* «делать», завершающему конструкцию, а к основному предикату. В данном примере в конструкцию включены два глагола: *вернуться* и

отблагодарить, причем аффикс уничижительности содержит только последний смысловой глагол:

3. kyeng-so-uy two-la-ka thyen-un-ul man-uy-il-i-na kap-sop-kwo-cye ho-te-ni (50,5)

столица-GEN возвращаться-ДЕЕП высочайшая милость-АСС одна десятитысячная-хотя бы отплатить-УНИЧ-ДЕЕП делать-ДЕЕП

Я хотел вернуться в столицу, чтобы отблагодарить [государя] хоть на одну десятитысячную за небесную милость

Категория намерения

Образуется при помощи деепричастия намерения на *-(o/u)lye* и служебного глагола *ho-* «делать» в соответствующей форме. Деепричастие намерения в сочетании с указанным служебным глаголом обозначает, что субъект намерен осуществить действие, выраженное деепричастием. Например:

4. ha-sil-uy two-la-wa chye-chi-ho-mul ki-to-lye kil-hoy wo-lo-lye ho-te-ni (46,8)

нижние покои-GEN возвращаться-ДЕЕП принять меры-НОМ-АСС ждать ДЕЕП путь-GEN подниматься-ДЕЕП делать-ДЕЕП

Он удалился в нижние покои, ожидая дальнейших событий и собираясь отправиться в дорогу.

Этимологически окончание деепричастия *-(o/u)lye* также является вторично-синтетической формой. Оно образовалось из следующей последовательности: модально-временное причастие на *-(o/u)l+* глагол-связка *i+* окончание *-ye < -[G]a*¹¹⁹.

Показатели намерения, как и показатели желания, являются по своей семантике промежуточными между ирреальной и реальной сферой, и это их свойство широко используется в естественных языках: грамматикализация показателей намерения – один из самых распространенных способов получения показателей будущего времени; именно таково происхождение форм будущего времени в корейском языке. Современная конструкция будущего времени **-(u)l kes.ita** образована на основе модально-временного причастия на *-(o/u)l*. В среднекорейском языке эта конструкция выражала модальные значения (5-6), но уже в ранненовокорейском языке наряду с модальными значениями выражает и такисно-временные значения (7-8). Сравни:

5. pi-lwok nyu-lak-ho-na kuy-syang-i mo-chom-nou yo-so-chi a-nil ke-si-wo (76,4)

хотя скитаться-ДЕЕП характер-НОМ наконец-кончаться-ОТР не быть-ПРИЧ СИ-быть-КС
- Лю скитается, но разве может прерваться ее жизнь в такие молодые годы?

6. ke-nyen-i il-syeng-cang-wen-ho-ya kum-chyuy-lwo swo-pwun-ka-te-ni pol-sye syang-kyeng-ho-ye-sil ke-si-ni (104,3)

¹¹⁹ См. *Martin*, p. 940

прошлый год-NOM сдать экзамены первым-ДЕЕП Цзиньчжоу-INST приводить в порядок могилу-идти-ДЕЕП уже ехать в столицу-ВР-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

в прошлом году, когда совершалось паломничество на могилы, первым сдал экзамены на чин. Потом он отправился в Цзиньчжоу посетить могилы предков и теперь, должно быть, уже уехал в столицу.

7. nau syang-kyeng-ho-ya cyong-sang-hwu cuk-si cho-col ke-si-ni (105,1)

я-NOM ехать в столицу-ДЕЕП трехлетний траур-после немедленно искать-ПРИЧ СИ-быть-ДЕЕП

- Я поеду в столицу, а после окончания траура тотчас вас навещу.

8. syel-wum-un chyen-kwo-uy min-myel-chi a-nil-ke-si-lwo-toy (35,9)

тоска-ТОР невиданный бесследно исчезать-ОТР не быть-ПРИЧ СИ быть-ДЕЕП

Безграничная скорбь не исчезнет во веки веков.

Нередко начало этой эволюционной цепочки – непосредственно значение желания, поскольку само значение намерения имеет тенденцию возникать в качестве вторичного у предикатов «чистого» желания. Есть такое значение и у глагола *хотеть*:

9. i-seu swo-cyuy-lwo hyang-ho-lye ho-si-myen syu-choy swu-chyen-ye-li-la (3,9)

теперь Сучжоу-INST направляться-ДЕЕП делать-ВЕЖ-ДЕЕП по воде неск.тысяч-более-ли-[быть]КС

Вы хотели [= ‘собирались’] попасть в Сучжоу, но путь туда больше тысячи ли.

Примечательно, что вежливость в конструкции намерения выражается не в смысловом глаголе, как в случае значения желания (см. выше), а во вспомогательном глаголе.

Категория долженствования

Одним из модальных значений модально-временного причастия на *-(o/u)l* является долженствование. Причастие будущего времени с модальным значением может входить в состав сказуемого, которое образуется из глагола с окончанием *-(o/u)l* и служебного имени *pa* со связкой, например:

10. thyen-swi tyeng-ho-ye-si-ni in-lyek-u-lwo hol pay a-ni-la (76,6)

судьба-NOM определять-ВР-ДЕЕП человеческая сила-INST делать-ПРИЧ СИ-NOM не быть-КС

Судьба моя определена, и не в силах человека ее изменить.

11. nau mwom-i chwoy-ma-uy i-sye i-len hwa-so-lol uy-nwon-hol pay a-ni-lwo-ta (97,10)

я-NOM тело-NOM траурная одежда-GEN быть-ДЕЕП такой-ПРИЧ ??? -АСС обсуждать-ПРИЧ СИ-NOM не быть-КС

...но сейчас я в трауре, и не пристало мне решать такие дела столь спешно.

Видимость и подобие.

В ранненовокорейском языке существовали следующие конструкции, выражающие значение видимости и подобия:

1. причастие + *tos.ho-*. Эта конструкция могла передавать как значение вероятности (12-15), так и подобия (16).

12. *sim-sin-i e-lin tos-ho-ya* (14,6)

душа-NOM молодой-ПРИЧ похожий-ДЕЕП

Чхоса будто помолодел душой и телом

13. *sim-kan-i skes-ke-ci-non tos-hon-ci-la* (35,4)

сердце-NOM рвать-ПРК-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

Сердце мое будто разорвалось.

14. *swon-kwu-uy hyung-um-ul tus-kwo wol tos-ho-toy* (72,10)

свекор-GEN весть о смерти-АСС слышать-ДЕЕП приходить-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

...услышав печальную весть о свекре, она должна была бы прийти.

15. *thyen-syang sin-syen-i ha-kang-hon tos-ho-ni* (10,1)

на небе небожитель-NOM спускаться-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

как будто небожитель сошел на землю.

16. *ung-tap-i kang-ha-lol tu-li-won tos-ho-ya* (116,9)

отклик-NOM течение реки-АСС спускать-ПРК-ПРИЧ казаться- ДЕЕП

Беседа текла, словно река.

Эта конструкция сохранилась до настоящего времени, утратив значение подобия. В современном языке она выражает только значение вероятности.

2. В современном языке существует модальная конструкция **-nun/-*(u)n*/-(*u*)l kes kath-** со значением вероятности. В среднекорейском и ранненовокорейском такая конструкция еще отсутствовала. Предикатив *kas.tho-* присоединялся не к причастной форме, а к имени или иероглифической части предикатива китайского происхождения, выражая только сравнительное значение:

17. *chyen-chyu-hwu hwang-swon-uy wi-thoy-ho-mi nwu-lan kos-thon-ci-la* (56,7)

1000 лет-после внук императора-GEN быть в опасности-NOM-NOM гряда яиц похожий-

ДЕЕП **положение ваших потомков может оказаться так же ненадежно, как у яиц,**

сложенных горой.

18. *hak-soy man-soy pwu-wun kos-tho-toy* (52,1)

хакса-NOM 10000 вещей плывущие облака похожий-ДЕЕП

Для юноши все дела были как плывущие облака

19. *sil-nas kos-tho-ye* (71,5)

еле теплящийся похожий-ДЕЕП

... сердце еле билось.

Испытательность.

Категория испытательности действия со значением ‘пытаться, пробовать что-либо сделать’ образуется с помощью глагола *pwo-*:

20. ni-kwong-coy pwon-toy tan-muk-ho-ya sa-lom-kwa syu-cak ho-ki-lol sul-hi ne-ki-ke-ni-wa kwu-ho-ya pwo-li-i-ta (17,8)

старуха-NOM глубоко задумалась-ДЕЕП говорить Ли юноша-NOM по природе люди-СОВМ разговаривать-NOM-АСС ненавидеть-НАР думать-ДЕЕП находить-ДЕЕП ВГ ‘пытаться’-КС

Юноша по природе очень неразговорчив и ему неприятны встречи с другими людьми, однако я попытаюсь.

Как и в современном языке, употребляется чаще всего в вежливых просьбах:

21. tay-wang-un hyey-a-lye pwo-syo-sye (43,10)

великий князь-ТОР взвешивать-ДЕЕП ВГ ‘пытаться’-КС

Вы, господин, пожалуйста, подумайте об этом.

Направленность действия¹²⁰

Категории лица в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, корейский язык не знает. Однако в корейском языке есть грамматические формы, которые выражают категории, близкие к категории лица. На материале памятника нами зафиксированы формы, показывающие, что действие одного лица совершается в интересах другого. Для выражения этого значения служит глагол *swi-*, который в самостоятельном употреблении имеет значение “давать”. Он присоединяется к деепричастию предшествования основного глагола на *-{H}a/e/ye*. Например:

22. kwong-coy syu-kwo-lwo wo-si-na twu-e со cyek-e cwu-si-mul po-la-no-i-ta (18,8)

юноша-NOM хлопоты-INST приходить-ВЕЖ-ДЕЕП несколько буква писать-ДЕЕП давать-ВЕЖ-NOM-АСС желать-КС

Вы, конечно, очень заняты, но, может быть, напишете от меня несколько слов?

Категория возможности

Возможность совершения действия в тексте XVIII в. выражается с помощью конструкции: причастие будущего времени *-(o/u)l*+служебное имя *swo*+связка *i-*. В памятнике зафиксированы всего три примера:

23. ney il-cok ku kwong-co-uy ke-cci-lol al swo-nya (14,10)

ты-NOM раньше этот юноша-GEN местожительство-АСС знать-ПРИЧ СИ-[быть]-КС

¹²⁰ *Бенефактив* в терминологии И.А. Мельчука.

Не знаете ли вы, откуда этот юноша?

24. ney nung-hi ku-kul-ci-un ke-sol e-te nal-ul pwoyl swo-nya (17,7)

ты-NOM вполне этот сочинять-ПРИЧ СИ-АСС братъ-ДЕЕП я-АСС видеть-ПРК- ПРИЧ СИ-[быть]-КС

Не могли бы вы показать мне что-нибудь, написанное им?

25. ney syu-in-ul chyeng-ho-ya wol swo-nya (108,8)

ты-NOM хозяин-АСС приглашать-ДЕЕП приходить- ПРИЧ СИ-[быть]-КС

Пригласи своего хозяина, может, он придет?

Особого внимания заслуживают конструкции **отрицания**¹²¹. Существовали два глагола, формирующих отрицательные конструкции: *ani.ho-* «не быть, не являться, не делать» и *mwos.ho-* «не мочь» (подробнее см. *Гл. Отрицание*). Если первый предикатив является нейтральным в модальном отношении (26), то второй имеет значение невозможности совершения действия (27).

26. kwong-coy cho-hwu-non pal-ca-chwoy mwun-pas-kul na-ci a-ni-khwo (9,3)

он-NOM позже-ТОР следующий шаг ворота-дорога выходить-ОТР не быть-ДЕЕП

С тех пор он не выходил за ворота

27. ni-kwong-uy chye-cwok-i ep-so-ni pwon-kwan-i wen-kwo ep-son wok-so-lol kyel-chi mwos-ho-ya ta-man ka-two-kwo (30,3)

Ли господин-GEN ближ.родст.жены-NOM не быть-ДЕЕП правитель-NOM истец не быть-ПРИЧ следствие АСС решать-ОТР не мочь-ДЕЕП однако братъ под стражу-ДЕЕП

Родственников у него не было, и правитель за неимением истцов не решил дела и заключил [преступников] в темницу.

Однако не все примеры конструкции с *mwos.ho-* при переводе на русский язык сохраняют модальное значение, но надо иметь в виду, что это значение подразумевается:

30. sak-il ni-ka-kwong-co-lol tes-ep-si pwo-kwo ci-kum nis-ci mwos-ho-toy (17,6)

вчера Ли-юноша-АСС неясный-НАР видеть-ДЕЕП сейчас забывать-ОТР не мочь-ДЕЕП

Вчера я неожиданно встретил юношу Ли и никак не могу забыть его.

Выражение залоговых значений.

¹²¹ Холодович (см. *Холодович А.А.* Грамматика корейского языка. Ч.1.Морфология. М.,1937. С.63-69) рассматривает отрицание в рамках категории наклонения, мы же отрицательные конструкции опишем в отдельной главе.

Залоговые значения в ранненовокорейском языке выражались двумя основными способами: с помощью аналитических конструкций и этимологически с помощью производных основ. Остановимся подробнее на каждом из них.

Аналитическое выражение залога.

Каузативное значение создается путем присоединения к производящему глаголу в форме деепричастия на *-key* служебного глагола *ho-* “заставлять делать, позволять делать” (см. также *гл. Деепричастие*). В этом случае также можно указать две основные деривации – фактитивную (непосредственная физическая каузация) и пермиссивную (каузатив, выражающий разрешение).

При фактитивной деривации адресат каузации выражается именем в винительном (1) падеже или в творительном падеже с послелогом *ho-ye* (2).

При пермиссивной деривации адресат каузации выражается именем в дательном падеже (3, 4).

1. es-ci stwo kwan-nyo-lol syu-kwo-lwor-key ho-li-wo (105,6)

как также чиновники-АСС изнурительный-НАР делать-КС

Зачем же еще утруждать чиновников?

2. syen-kwu-kwo thak-kwo-lol cye-po-li-kwo o-co-lwo-ho-ye kwom-cwong thyen-ci hon-ul ki-chi-key ho-si-nyo (80,7)

покойный свекр свекровь поручения-АСС миновать-ДЕЕП ‘законченность’ ДЕЕП

ребенок-INST делать-ПРК небо-земля бросать-ДЕЕП делать-КС

[Он] пренебрег заветами покойных родителей, и теперь сын его обречен на бесконечную скорбь.

3. ney mas-tang-i cin-pwu-in-kuu i-stus-ul kwo-ho-ya tin-cin-uy tyo-hu-mul moys-key ho-la (19,5)

ты-NOM обязательно-НАР Чин г-жа-DAT этот-смысл-АСС передавать-ДЕЕП вступление

в брак-GEN хороший-НОМ-АСС завязать-ДЕЕП делать-КС

Ты предложи это госпоже и постарайся уговорить ее.

4. es-ci uy-sik cwo-cho cyu-in-uy kun-sim-ul ki-chi-key ho-li-wo (6,1)

как еда одежда следовать-ДЕЕП хозяйка-GEN забота-АСС оказывать-ДЕЕП. делать-КС

Посмею ли я беспокоить вас [просьбами] о еде и одежде?

Таким образом, формальным признаком при определении характера значения производной формы здесь может явиться характер окружения глагола.

Еще один тип залоговых образований - *медиатив*, *медиум* или *средний залог* по Мазуру¹²². Этот тип залога обозначает действие, которое как бы замыкается в самом

¹²² Мазур. Мазур Ю.Н. Грамматика... С. 151

«субъекте» - подлежащем или же является постоянным или временным свойством последнего. Средний залог обозначает состояние или действие предмета, которое не связано с деятельностью какого-либо другого лица, а возникает или в самом предмете ли в результате другого действия. Форма медиатива также служит для передачи изменений в состоянии «субъекта»-подлежащего. В языке памятника средний залог передается конструкцией, зафиксированной уже в XVII в.¹²³: деепричастие предшествования на - {H} *a/e/ye* + служебный глагол *ci-*.

5. *sim-kan-i skes-ke-ci-non tos-hon-ci-la* (35,4)

сердце-NOM рваться-ПРК-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

Сердце мое будто разорвалось.

6. *swo-loy co-lwo sku-chye-ce pang-in-i cho-ma pwo-ci mwos-ho-ya nwun-mul hul-ni-ci a-ni-li ep-te-la* (36,5)

голос часто обрываться- ПРК-ДЕЕП посторонний-NOM терпеть-ДЕЕП видеть-ОТР не мочь-ДЕЕП слезы проливать-ПРК-ОТР не быть-ПРИЧ СИ не быть-КС

[Горючие слезы капали на его траурное платье,] голос его часто прерывался.

Стоявшие рядом тоже не могли удержаться от слез, не будучи в силах равнодушно смотреть на его горе.

7. *men-ni pwun-myuo-lol po-la hon-pen ke-lo-moy twu-pen ep-te-ci-ni cyong-cyau pus-tu-le myo-ha-uy* (32,3)

далекий могила-АСС желать-ДЕЕП один раз шагать-ДЕЕП второй раз опрокинуться-ПРК-ДЕЕП слуга-NOM схватить-ДЕЕП земля, где покоится прах предков-GEN

Когда он увидел могилу отца, к которой шел тысячу ли, ноги у него стали подкашиваться. Он шел, поддерживаемый слугой.

Пассивное значение в языке памятника может также передаваться конструкцией, характерной для современного корейского языка: деепричастие образа действия на *-key* + служебный глагол *toy-* (современный глагол *twe-*). Например:

8. *pau i-seu yun-syang-ul tya-si mwos-pwo-kwo cwuk-key toy-ni* (61,2)

я-NOM теперь Юн Сян-АСС еще раз ОТР-видеть-ДЕЕП умирать-ДЕЕП становится-ДЕЕП

Я умру, не повидав Юн Сяна, тоска не дает мне покоя.

Этимологически производные основы.

Рассматривая встречающиеся в Оде корни, А.А. Холодович обнаружил среди них соотносительные пары, члены которых связаны друг с другом как формально, так и по

¹²³ См. Кандид.диссертация...Верхоляк В.В.

значению. Один из членов такой пары выступает в качестве производящего, другой - в качестве производного. Корни подобного рода он назвал непроизводными и производными. Дадим перечень этих пар, зафиксированный на материале Оды:

1. <i>al-</i> “знать”	<i>alloy-</i> “давать знать”
2. <i>il-</i> “становиться, делаться”	<i>ilwu-</i> “образовывать, создавать”
3. <i>kolhoy-</i> “выбирать”	<i>kolhoy-i-</i> “заставить выбирать”
4. <i>kisk-</i> “радоваться”	<i>kiski-</i> “обрадовать, заставить радоваться”
5. <i>kuch-</i> “прекращаться, иссякать”	<i>kuchi-</i> “прекращать”
6. <i>mal-</i> “не сметь”	<i>mali-</i> “запрещать”
7. <i>mast-</i> “взять в свои руки”	<i>masti-</i> “поручать”
8. <i>mac-</i> “получить попадание”	<i>machi-</i> “угодить в кого-либо”
9. <i>mwi-</i> “двигаться, шевелиться”	<i>mwi-wu-</i> “двигать”
10. <i>na-</i> “выходить, появляться”	<i>nay-</i> “давать появиться”
11. <i>nal-</i> “лететь”	<i>nali-</i> “заставлять лететь, пускать лететь”
12. <i>wola-</i> “подниматься”	<i>woli-</i> “поднимать”
13. <i>pas-</i> “раздеваться”	<i>paski-</i> “раздевать”
14. <i>pwo-</i> “видеть, смотреть”	<i>pwo-i-</i> “быть видным, показывать”
15. <i>sal-</i> “жить”	<i>sala-</i> “спасать жизнь, даровать жизнь”
16. <i>syey-</i> “стоять”	<i>syey-</i> “ставить”
17. <i>ti-</i> “падать”	<i>ti-i-</i> “ронять”
18. <i>tina-</i> “проходить”	<i>tinay-</i> “заставить проходить”
19. <i>twot-</i> “подниматься, восходить”	<i>twotwo-</i> “поднимать”
20. <i>ceh-</i> “бояться”	<i>cehi-</i> “угрожать, устрашать”
21. <i>cwuk-</i> “умирать”	<i>cwuki-</i> “убивать”

Формальными средствами образования производного корня являются морфемы *i* (14 случаев), *ki*, *hi* (по одному примеру), *wi* (два примера), *wo*, *woy*, *o* (по одному примеру). Сразу следует сказать, что как в среднекорейском, так и в современном языке этот тип словообразования является непродуктивным.

Морфему *ki* можно рассматривать как вариант морфемы *i* после корней с конечным *s*; морфему *hi* можно рассматривать как вариант морфемы *i* после корней с конечным *s*.

Морфемы *wo* и *wi* можно рассматривать как варианты одной и той же морфемы, первый из которых употребляется после корней с открытым гласным (*twot-*), второй – после корней с закрытым гласным (включая гласный *i*: *mwi-*, *il-*).

Морфема *woy*, видимо, представляет собой сочетание морфем *wo* и *i*; производность здесь, таким образом, переобозначена.

У корней с конечным *lo* присоединение *i* вызывает выпадение коренного *o*.

Таким образом, основным средством выражения производного корня являются в действительности только два гласных: *i* и *wo/wu*. Единственным исключением является *o* в *salo-*.

Значения, которые вносят в непроизводный корень, перечисленные морфемы:

1. Если непроизводный корень по значению непереходен, то перечисленные морфемы образуют следующие два типа производных корней:

- а) с собственно-переходным значением (см., например, 2,5 списка);
- б) с побудительно-переходным значением (см., например, 10, 21 списка).

2. Если непроизводный корень по значению переходен, то перечисленные выше морфемы образуют производный корень:

- а) с побудительно-переходным значением (см, например, 3, 14 списка);
- б) с непереходным значением (см, например, 14).

Последнее значение в Оде представлено единственным примером, при этом производный корень *rwoy-* обладает одновременно двумя значениями: и побудительно-переходным и непереходным. Значения эти дифференцируются контекстом того предложения, в состав которого входит *rwoy-*.

В языке памятника XVIII в. также встречены примеры залогового словообразования. Анализ образованных с помощью перечисленных суффиксов производных форм позволяет выделить следующие закономерности в способе их присоединения:

1. аффикс *i* употребляется после корней на:

-*k*:

9. kwa-yen mwo-nyen wel il-uy cil-ne cwuk-il si wol-so wo-i-ta (33,5)

действительно такой-то год месяц день-GEN ударять-ДЕЕП убивать-ПРК-ПРИЧ час
ыльса-

...и в такой-то год, луну и день заколол его – это случилось в час *ыльса*.

-*l*, -*lo/-lu*; как и в современном языке присоединение *i* в некоторых случаях вызывает долготу согласного *l* (10), в отличие от языка XV в., где оно не оказывало влияния на согласный производящего корня, но не везде (11):

10. co-soy myo-swo-lwo hyang-ho-ni hok-soy si-cya-uy-key pus-tul-nye (31,8)

правитель-NOM могила-место-INST направляться-ДЕЕП хакса-NOM слуга-DAT быть
схваченным-ПРК-ДЕЕП

Правитель направился к могиле, а Ли Хен, поддерживаемый слугой, ...

11. phi-lol mal-i-na thwo-ho-kwo (36,3)

кровь-АСС сушить-ПРК-ДЕЕП исторгать-ДЕЕП

Прочитай табличку, в которой слова были смешаны с кровью, ...

-th/-ch:

12. swu-sam-il-hwu phwung syey kus-chi-kwo (3,5)

быть-ДЕЕП через неск. дней ветер сила прекращать-ПРК-ДЕЕП

Через несколько дней ураган стих

гласный:

13. hyang-kwok-uy wul-cyек-hi ci-noy-moy (2,2)

захолустье-GEN тоскливый-НАР проходить-ПРК-ДЕЕП

...и он скорбел о них в глуши. (...тоскливо проводил дни...)

14. suo-in-uy ka-non kwos-i kwu-tho-ye sa-lom mwo-hi-non-toy a-ni-wo (11,7)

грешник-GEN идти-ПРИЧ место-NOM с какой стати-ДЕЕП человек собираться-ПРК-ПРИЧ СИ не быть-ДЕЕП

Там, куда мы с вами пойдем, -возразила старуха, - не собираются люди

В примере (14) аффикс *-i-* присоединяется к предикативу *mwohwo-* «собирать», при этом последний гласный корня падает.

На материале более ранних памятников зафиксированы случаи присоединения суффикса *-i-* к основе на *-p*¹²⁴, но в современном языке такого сочетания уже нет. В романе XVIII в. *-i-* после *p* уже не употребляется.

2. аффикс *ki* встречается после корней на:

-s:

15. mal-som-hol-soy wok-an-yeng phwung-i say-lwo-wo-ni twu-kwus-ki-kwo so-lang-ho-ya (22,8)

говорить-ПРИЧ СИ яшма-лицо манеры-NOM новый-ДЕЕП радовать-ПРК-ДЕЕП любить-ДЕЕП говорить

заговорил, его яшмовое лицо и необыкновенная внешность предстали в новом свете.

Чхоса, затаив страдание, сказал с нежностью

3. аффикс *hi* присоединяется к следующим корням:

-t/-c:

16. nay i-cey yun-syang-ul tya-si mwos-pwo-kwo cwuk-key toy-ni hon-i moy-chyes-non-ci-la (61,2)

я-NOM теперь Юн Сян-АСС еще раз ОТР-видеть-ДЕЕП умирать-ДЕЕП становиться-ДЕЕП вместе собираться-ПРК-ВР-ДЕЕП

¹²⁴ См. *Верхоляк В.В.* Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в. : На материале "Пак тхоньса онхэ" : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22, Ленинградский ун-т. Л., 1989

Я умру, не повидав Юн Сяна, тоска не дает мне покоя. (и мы уже не соберемся все вместе)

-k:

17. ho-thyen-ci thwong-kwa tal-na mo-chom-noy pwu-co thyen-nyun-ul mwo-lo-kwo sip-wo-nyen mak-hin pwu-co-ci-cyeng-u-lwo-pse yu-myeng-uy kil-hi kyek-ho-ni (35,6)

простолодин толпа-СОВМ отличаться-ДЕЕП наконец отец-отнош.м-ду род.и детьми-АСС не знать-ДЕЕП пятнадцать-лет быть закрытым-ПРК-ПРИЧ отец-самая близкая родня-INST слава-GEN путь-NOM отделять-ДЕЕП

я не похож на других людей, я даже не знаю отца. Из-за этого путь к славе закрыт для меня.

-p, следует обратить внимание, что при присоединении аффикса последний согласный корня -p- падает по аналогии со среднекорейским, когда присоединялся аффикс -i-, а не -hi-:

18. soyng-i mwom-ul spo-hye a-a-hi wok-syeu-uy ni-lo-ni (28,9)

юноша-NOM тело-АСС вытаскивать-ПРК-ДЕЕП очень высоко достигать-ДЕЕП

Юноша вышел вперед и поднялся на площадку для экзаменуемых

4. Аффикс *wo/wu* присоединяется к корням на:

-l:

19. pwu-pwu-ci-nak-ul il-wu-mye cwo-hwon syo-ping-un syeng-in-uy kyeng-kyey-la (22,2)

супруги-бесконечная радость-АСС достигать-ПРК-ДЕЕП ранний брак девочка святой мудрец-GEN грань-быть-КС

Ранний брак, женитьба на девочке предусмотрены у святых мудрецов

-t:

20. hok-soy stwo-hon mwo-chin sim-so-lol two-two-ci a-ni-lye (81,6)

хакса-NOM также мать-сокровенные мысли-АСС усиливать-ПРК-ОТР не быть-ДЕЕП

Хакса заботился о матери. (не берedit сокровенные мысли)

-i:

21. syo-in-tung-i ce koyk-in-ul pang-uy tu-lye сау-wo-te-ni (43,4)

я-другие-NOM этот гость-АСС комната-GEN входить-ДЕЕП укладывать спать-ПРК-ДЕЕП

- Мы его проводили в комнату и уложили спать.

В последнем примере предикатив *сауwo-* «укладывать спать» этимологически представляет собой пример двойного словообразования: *сауwo-* < *сау-* + *-wo-* < *са-* + *-i-* + *-wo-*.

Выбор вариантов *wo/wu* в языке Оды подчинялся закону гармонии гласных. В современном языке из этих двух вариантов сохранился только **wu**, который присоединялся как корням с открытым, так и к корням с закрытым гласным, включая *i*.

Единственным исключением из вышеописанной системы словообразования в словаре памятника, как и в Оде, является пример с глаголом *sal-* «жить», который принимает аффикс *-o-*:

22. *sey sa-la-ka-lya hon-tul* (39,8)

тот-НОМ спасать жизнь-ПРК-ДЕЕП делать-ПРИЧ СИ

Он хочет остаться в живых, ...

Как уже отмечалось, одной из особенностей корейского языка является то, что одни и те же залоговые суффиксы служат для выражения разных значений: при одних корнях они дают только каузативное значение, а при других – только пассивное. Таким образом, как это характерно и для пассива современного корейского языка, специальные показатели каузатива или пассива в рассматриваемый период отсутствуют, наличие суффикса не несет в себе информацию о характере действия, его присутствие сигнализирует только о том, что сменилась диатеза, но какая именно, с полной уверенностью сказать трудно.

Очевидно, при некоторых корнях (переходных) залоговые показатели могли выражать одновременно как каузативное, так и пассивное значение. Об этом свидетельствуют примеры из памятника XV в. и современный языковой материал. На материале XVIII в. также зафиксированы случаи полисемии данной производной формы:

23. *swon-si syo-cye-uy sye-kan-ul nou-ye pwoy-kwo* (65,1)

Сон-ВЕЖ девушка-GEN письмо-АСС доставать-ПРК ДЕЕП показывать-ПРК-ДЕЕП

Госпожа Сон показала [ему] письмо девушки [и сказала]

24. *cin-sil-nwo tha-il-uy swon-kwo-wa kwun-so an-cyen-uy pwoy-wol an-myen-i ep-so-wo-na* (74,4)

на самом деле-INST другой день-GEN свекровь-СОВМ муж перед глазами-GEN показаться-ПРК-УНИЧ-ПРИЧ лицо-НОМ не быть-УНИЧ-ДЕЕП

Действительно, мне будет стыдно потом предстать перед свекровью и супругом.

(...показаться свекрови и супругу...)

Наличие прямого дополнения в первом примере говорит о том, что производный корень имеет побудительно-переходное значение; отсутствие прямого дополнения во втором примере свидетельствует о том, что производный корень имеет непереходное значение.

Рассмотрим теперь динамику деривационных отношений, связывающих исходную и производную конструкции.

Непереходный глагол с морфой каузатива в составе своей словоформы приобретает способность управлять винительным падежом прямого объекта, т.е. становится синтаксически переходным.

25. hon-yak-u-lwo sa-lom-ul swuk-i-kwo soy-mul-ul thal-chuyu-ho-ni (53,1)

лекарство-INST люди-ACC убивать-ПРК-ДЕЕП имущество-ACC захватывать-ДЕЕП
... необыкновенными зельями губят людей и присваивают их имущество.

26. nwo-syang-uy-sye hyung-um-i ce-lol nwol-noy-ni sim-kan-i skes-ke-ci-non tos-hon-ci-la (35,4)

на дороге-ЛОК весть о смерти-NOM я-ACC поражать-ПРК-ДЕЕП сердце-NOM рваться-ПРК-ПРИЧ кажется-ДЕЕП

...на пути [к вам] меня настигла недобрая весть. Сердце мое будто разорвалось.

Переходные глаголы способны образовывать производные основы со значением либо каузатива (27), либо пассива (28). Например:

27. ney nung-hi ku-kul-ci-un ke-sol e-te nal-ul pwoyl-swo-nya (17,7)

ты-NOM вполне этот сочинять-ПРИЧ СИ-ACC брать-ДЕЕП я-ACC видеть-ПРК-КС
Не могли бы вы показать мне что-нибудь, написанное им?

28. co-soy myo-swo-lwo hyang-ho-ni hok-soy si-cya-uy-key pus-tul-nye (31,8)

правитель-NOM могила-место-INST направляться-ДЕЕП хакса-NOM слуга-DAT быть схваченным-ПРК-ДЕЕП

Правитель направился к могиле, а Ли Хен, поддерживаемый слугой, ...

Таким образом, рассмотрев способы выражения субъекта и объекта в каузативных и пассивных конструкциях, можно заключить, что лексические значения новой формы в конечном итоге находят выражение в свойственном ей окружении; глагольная форма сама по себе не может быть определена с залоговой точки зрения и не выражает залоговые значения вне ее связи с другими элементами предложения.

Отрицание

Под грамматической категорией отрицания обычно понимают категорию, которая с помощью специальных грамматических средств выражает смысловую противопоставленность между членами предложения или отдельными предложениями, отрицающую их тождество.

Прежде чем перейти к анализу отрицательных предложений, следует оговорить, что категорию отрицания глагола в корейском языке не следует смешивать с

отрицательной связкой *ani-*, которая вместе с существительным образует составное сказуемое. Например:

1. *syok-ou a-ni-le-la* (1,4)

дети из простых семей-NOM не быть-КС

Сразу было видно, что это не простое дитя.

Присвяточный член в этом случае имеет форму именительного падежа. Отрицательная связка часто используется там, где возникает необходимость отрицать не глагол-сказуемое, а какой-либо другой член предложения.

Для выражения категории отрицания как в среднекорейском, так и в ранненовокорейском языке используются имена *ani* и *mwos*. Они могут употребляться с *ho-* «делать», приравниваясь по форме к сложным глаголам типа *malho-* «говорить», основная смысловая часть которых выражена именем, а сумма грамматических значений передается глаголом *ho-*.

Различия в употреблении *ani* и *mwos* заключаются в причинной обусловленности отрицания возможности совершения данного действия при *mwos* (подробнее см. *гл. Модальность*) и, наоборот, в отсутствии такой обусловленности отрицания при *ani*. Например:

2. *kwong-coy cho-hwu-non pal-ca-chwoy mwun-pas-kul na-ci a-ni-khwo* (9,3)

он-NOM позже-ТОР следующий шаг ворота-дорога выходить-ОТР-небыть-ДЕЕП

С тех пор он не выходил за ворота.

В (2) примере налицо необусловленный характер невозможности совершения действия.

3. *can-ing-ho-mul kum-chi mwos-ho-te-la* (10,3)

несчастный-NOM-ACC запрещать-ОТР не мочь-КС

...она не в силах прекратить это зло.

В примере (3) имеется дополнительный модальный оттенок невозможности совершения действия.

4. *cwoy-in-uy hoynng-cyek-i pi-phyen-ho-ni cyu-in-uy tyo-hun stus-ul cwo-cho-ci mwos-ho-no-ni* (11,5)

грешник-GEN следы-NOM не спокойный-ДЕЕП хозяйка-GENхороший-ПРИЧ замысел-ACC следовать-ОТР не мочь-ДЕЕП

...ведь преступнику не подобает наслаждаться природой, и я не могу подчиниться вашей доброй воле,...

В (3) и (4) налицо причинная обусловленность невозможности совершения действия.

Наконец, несколько слов о месте отрицательных частиц в аналитической конструкции отрицания в среднекорейском и ранненовокорейском языке.

В Оде имелся только один способ образования отрицания: препозитивный; постпозитивного образования отрицания Ода не знает.

В ранненовокорейском тексте присутствуют уже два способа выражения отрицания: препозитивный и постпозитивный. Остановимся на них подробнее.

1. Препозитивный способ образования отрицания.

При этом способе служебные слова *ani* (сокращенный вариант – *an-*) и *mwos*, формирующие отрицательную модальность, предшествуют глаголу. Например:

5. kwong-co-uy neun-kuu po-ya-hu-lwo syo-nyen-i-e-nol ha-kwo-lwo moy-yang swu-sim-uy com-kye me-li mwun-pas-kul nou-was-ci a-ni-si-ni (10,5)

он-GEN срок как раз сейчас мальчик-быть-ДЕЕП почему обычно печаль-GEN погружать-ДЕЕП голова ворота-наружу-АСС выходить-ВР-ОТР не быть-ВЕЖ-ДЕЕП

Вы уже юноша, а все тоскуете, не показываете головы за ворота.

6. nau nos-chol tu-le thyen-il-ul mwos-pwol cwoy-in-i-wo (12,1)

я-NOM лицо-АСС поднимать-ДЕЕП солнечный свет-АСС ОТР-видеть-ПРИЧ преступник-быть-ДЕЕП

Я преступник, который не смеет даже взглянуть на солнечный свет;

2. Постпозитивный способ образования отрицания.

В этом случае отрицательные частицы в сопровождении глагола *ho-* следуют после глагола, при этом смысловой глагол принимает форму инфинитива на *-ci*. При присоединении *-ci* к корню, оканчивающемуся на слог *-ho*, первый согласный инфинитива аспирируется и принимает вид *-chi*, например: *kwu-chi aniho-kwo* (16,6) “не искал” от глагола *kwuho-* “искать”, *myenpouk-chi ani-ni* (26,9) “не знаю” от прилагательного *myenpoukho-* “ясный, очевидный” и т.д. В памятнике инфинитив всегда имеет форму основного падежа. Например:

7. cho-ya-uy kwong-soy cin-pwu-lol chos-ci a-ni-ho-ni (21,9)

не мочь-КС эта ночь-GEN юноша-NOM Чин-господин-АСС встречать-ОТР не быть-ДЕЕП

С наступлением ночи юноша не пошел к молодой...

8. sak-il ni-ka-kwong-co-lol tes-ep-si pwo-kwo ci-kum nis-ci mwos-ho-toy (17,6)

вчера Ли-юноша-АСС неясный-НАР видеть-ДЕЕП сейчас забывать-ОТР не мочь-ДЕЕП

Вчера я неожиданно встретил юношу Ли и никак не могу забыть его.

Особо следует отметить, что глагол *al-* “знать” не имеет форм отрицания в изъявительном наклонении (с частицей *ani* или в конструкции *-ci anih-*). Вместо **ani al-* или **a-ci anih-* может употребляться специальный глагол *mwolo-* со значением “не знать”:

9. ya-ya-u myen-mwok-ul mwo-lo-wo-ni (34,5)

отец-GEN лицо-ACC не знать-ДЕЕП

Я не знал в лицо своего отца.

Проанализированный нами ранненовокорейский текстовый материал приводит к выводу, что отрицательная частица *ani* при допустимости ее употребления в препозиции, тяготеет больше к постпозитивным конструкциям, и, наоборот, частица *mwos* тяготеет к препозитивному способу употребления.

Особой разновидностью категории отрицания является **запретительное отрицание**. Оно совмещает в себе значения отрицания и повелительного наклонения (также см. гл. *Модальность, Финитные формы предикатива*). Если отрицание, образованное с помощью *ani* или *anih-*, входит в систему форм изъявительного наклонения, а отрицание, образованное с помощью *mwos* или *mwosho-* - в систему форм потенциального наклонения, то отрицание, образованное с помощью служебного глагола *mal-* после инфинитива на *-ci*, входит в систему форм повелительного наклонения. Например:

10. suu-in-un sam-ka swo-i-ci mal-na (98,10)

хозяйка-ТОР с почтением вносить напряженность-ОТР запретит.-КС

Пусть хозяйка не спешит с этим.

Скажем несколько слов о служебном глаголе *mal-*. В корейском языке, как в нанайском и в некоторых других языках тунгусо-маньчжурской группы, для образования отрицательной формы повелительного наклонения употребляется особое отрицательное слово *mal-*, которое не употребляется в других отрицательных формах. Употребляясь для образования отрицательной формы повелительного наклонения, этот глагол выполняет чисто служебную функцию, принимая на себя роль грамматического показателя данной отрицательной формы. При этом смысловой глагол, принимающий в положительной форме повелительного наклонения аффикс этого наклонения, при отрицании стоит в форме недостаточного инфинитива *-ci*.

Выводы:

1. В языке Оды имелась достаточно развитая система аспектуальных аффиксов; аспектуальных аналитических конструкций на материале памятника не зафиксировано.

Однако на материале языка романа XVIII в. мы выделяем уже две формально выраженные аналитическими конструкциями категории способа действия: категорию длящегося действия и категорию завершённого действия. Таким образом, сравнивая данные языка памятника с данными современного корейского языка, имеющего очень разветвленную систему аспектуальных форм, мы видим, что корейском языке произошли изменения в аспектуальной системе, и, прежде всего, количественные (в сторону увеличения).

2. В качестве одной из особенностей корейского языка следует отметить, что в нем морфолого-синтаксический способ выражения модальности является наиболее распространенным.

В ранненовокорейском языке мы выделяем семь формально выраженных значений категории модальности: желания, намерения, возможности, долженствования, видимости и подобия, испытательности и направленности действия. Таким образом, по набору модальных значений можно считать, что категория модальности XVIII в. близка к современной, которая, однако, за последние два века своей истории несколько расширила способы выражения вышеперечисленных значений.

3. Аналитический способ образования залога в романе XVIII в. не имеет широкого распространения. Как и в современном корейском языке, для выражения каузативного значения здесь используется конструкция, состоящая из деепричастия образа действия на *-key* и служебного глагола *ho-*. Пассивное значение создается путем присоединения к глаголу в форме деепричастия предшествования на $\{-H\}a/e/ye$ служебного глагола *ci-*. Помимо этой конструкции, характерной для более ранних источников, в языке романа XVIII в. появляется конструкция, свойственная современному состоянию: деепричастие образа действия на *-key* + служебный глагол *toy-* (современный глагол **twe-**).

Кроме аналитических конструкций в корейском языке присутствуют еще этимологически производные основы. Аффиксальный способ выражения залоговых значений как в среднекорейском, так и в современном языке, является непродуктивным.

4. Основными способами передачи отрицания в корейском языке являются аналитические конструкции. Если среднекорейский язык знал только препозиционный способ, то уже в ранненовокорейском тексте присутствуют как препозиционный, так и постпозиционный способ оформления отрицания. Таким образом, можно заключить, что к XVIII в. в языке уже сложилась категория отрицания, характерная для современного языка.

В качестве особенностей отрицательных глаголов, формирующих аналитические конструкции отрицания следует отметить, что эти глаголы самостоятельно не

употребляются и сохранились только в составе сложных отрицательных форм, принимая на себя роль грамматического индикатора.

Для образования отрицательной формы повелительного наклонения в корейском языке используется особый предикатив *mal-*. Запретительный предикатив *mal-* имеет внутренние границы употребления - используется только для отрицательных повелительных форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы дадим обзор грамматических категорий, выраженных в глагольной словоформе XV в. и XVIII в. Следует отметить, что синхронно аналитические конструкции, которые входят в грамматическую систему, мы считаем аналитической словоформой и отражаем их в нижеприведенных схемах.

Итак, глагольная словоформа XV в. могла иметь в своем составе следующие показатели¹²⁵:

1	2	3	4	5	6	7	8
-zoW-	-te-	-	-no-	-(o/u)n	i	-ngi(s)-	ka (a)
	-ke-	(o/u)si-		-(o/u)l			kwo(wo)
	-						ta (la)
	{H}a/e				ssoy		
	-				cey		
					malon toy		
					cahi		
				-{H}(o/u)m			
				-ki			
				-ci			aniho-, mwosho-(9)
				-kwo			
				-{H}(wo/wu)mye			
				-tun			
				-taka			
				-(o/u)lye.....			.....ho-(10)
				-(o/u)myen			
				-(o/u)na			
				-(o/u)ntul			
				-{H}(wo/wu)toy			
				-{H}a/e			

1. аффикс уничижительности
2. аффиксы аспекта
3. аффикс вежливости
4. аффикс перфекта (процессив по Мартину)
5. причастие /имя действия/деепричастие
6. служебное имя в составе форм конечной сказуемости/ другие служебные имена

7. показатель вежливости
8. модальность
9. отрицание
10. конструкция, выражающая модальности желания

Данная таблица представляет собой краткий обзор элементов, которые составляют базовую структуру среднекорейского глагола.

Как ясно из проведенного исследования, при переходе от среднекорейского языка, зафиксированного в Оде, к новокорейскому, представленному в романе «Сяньчхон кыйбонъ», глагольная система значительно расширилась как за счет появления новых категорий, так и за счет новых показателей. Однако за прошедшие два столетия некоторые показатели уже склеились в неразложимые окончания, что и отражено в следующей схеме глагола XVIII в.:

1	2	3	4
-{H}as-/es-/yes-	-(o/u)si- -suW-	-non	soy
		-(o/u)n	cey
		-(o/u)l	toy
			cek
			cwul
			kes
			pa
			tul
			stoy
			ci
			theyey
			tos
			kwo
			il
			hwu
	tyung		
	tosho-		
	kastho-(6)		

¹²⁵ См. Холодович А.А., 1986, Martin S.

	<p><i>-(o/u)m</i></p> <p><i>-ki</i></p> <p><i>-ci</i>.....</p>	<p><i>aniho-</i></p> <p><i>mwosho-</i></p> <p>(7)</p>
	<p><i>-kwo</i></p> <p><i>-(o/u)mye</i></p> <p><i>-{H}a/e/ye</i>.....</p> <p><i>-(o/u)ni, -noni, -teni, -(o/u)lini</i></p> <p><i>-taka</i></p> <p><i>-(o/u)moy, -(o/u)mulwo, -(o/u)ncila/-</i> <i>noncila/-(o/u)lcila, -kenul</i></p> <p><i>-(o/u)na, -keniwa, -(o/u)lyeniwa, -(o/u)toy</i></p> <p><i>-(o/u)myen, -ketun, -(o/u)lcintoy</i></p> <p><i>-(o/u)la</i>.....</p> <p><i>-(o/u)lye/-lya, -kwocye</i>.....</p> <p><i>-(o/u)lak</i></p> <p><i>-key</i>.....</p>	<p><i>is-(8),</i></p> <p><i>wo-(9),</i></p> <p><i>ka-(10)</i></p> <p><i>poli-(11)</i></p> <p><i>ci-(12)</i></p> <p><i>pwo-(13)</i></p> <p><i>cwu-(14)</i></p> <p><i>ho-(15)</i></p> <p><i>ho-(15)</i></p> <p><i>ho-</i></p> <p><i>toy-(16)</i></p>

		<i>-ta, -nwola, -(o/u)nila</i> <i>-non/-(o/u)n/-(o/u)lka, -(o/u)n/(o/u)lkwo, -</i> <i>nonta, -(o/u)nyo, -(o/u)nya, -nonyo, -nonya</i> <i>-twota</i> <i>-ita, -noita, -(o/u)niita</i> <i>-(o/u)niiska, -(o/u)niiskwo, -noniiska</i> <i>-twoswoita</i> <i>-(o/u)lilwota, -(o/u)lila, -(o/u)lnwota</i> <i>-(o/u)lya, -(o/u)liwo,</i> <i>-(o/u)lnwota</i> <i>-(o/u)liita</i> <i>-(o/u)liiska, -(o/u)liiskwo</i> <i>-(o/u)lilwoswoita</i> <i>-(o/u)la, -(o/u)syosye</i> <i>-tela, -lela</i> <i>-saita</i>	
--	--	---	--

1. аффикс времени
2. аффикс вежливости/уничижительности
3. окончания атрибутивных форм (причастий)/отглагольного имени действия /нефинитных предикативных форм (деепричастий)/финитных предикативных форм (конечной сказуемости)
4. служебные имена
5. конструкции видимости и подобия
6. отрицание
7. конструкция длящегося состояния
8. конструкция длительного действия, начатого в прошлом
9. конструкция длительного действия, направленного в будущее
10. конструкция завершенного действия
11. медиатив
12. конструкция попытки
13. конструкция направленности действия
14. конструкции желания и намерения
15. модальность (каузатив и пассив)

Для современного корейского языка порядок следования аффиксов в словоформе следующий:

аффикс вежливости -(u)si-	аффиксы времени -{H}ass-/ess-/-yess	окончания атрибутивных форм (причастий) -nun/- (u)n/- (u)l
		<p>окончания отглагольного имени действия</p> <p>-(u)m</p> <p>-ki</p> <p>-ci</p> <p>окончания нефинитных предикативных форм (деепричастий)</p> <p>-kwo</p> <p>-(u)mye</p> <p>-{H}a/e/ye</p> <p>-(u)ni, -nuni (со сравн.ч. pota), -teni, -(u)lini</p> <p>-taka</p> <p>-(u)moy, -(u)mulwo, -(u)ncila/-noncila/- (u)lcila,</p> <p>-kenul</p> <p>-(u)na, -keniwa, -(u)lyeniwa, -(u)toy</p> <p>-(u)myen, -ketun, -(u)lcintoy</p> <p>-(u)la</p> <p>-(u)lye, -kwocye</p> <p>-(u)lak</p> <p>-key.....</p>

		<p>окончания финитных предикативных форм (конечной сказуемости)</p> <p>-ta,-nwola,-(u)nila</p> <p>-nun/-(u)n/-(u)lka, nun/-(u)n/-(u)lkwo,</p> <p>-(u)nyo/nya (употр. с прилагател.и связками),</p> <p>-nunyo/nya</p> <p>-twota(кн)</p> <p>-naita(кн.),</p> <p><i>-ita -(o/u)niita > -p.ni.ta/sup.ni.ta</i></p> <p><i>-(o/u)niiska/kwo > -p.ni.kka/-sup.ni.kka</i></p> <p><i>-noniiska > -na.i.kka</i>(кн.)</p> <p>-(u)lilwota(кн),</p> <p>-(u)lya,-(u)l.ka,-(u)l.kwo</p> <p><i>-(o/u)lnwota > -kess.kwu.na</i></p> <p><i>-(o/u)liita > -li.ta, -(u)l kes.ita</i></p> <p><i>-(o/u)liiska,-(o/u)liiskwo > -li.kka, (u)l kes.ip.ni.kka</i></p> <p>-(u)lswonya (кн)</p> <p>-(u)la,-(o/u)sose</p> <p>-tela,-lela</p> <p><i>-saita > -p.si.ta</i></p>
--	--	---

Данная схема представляет собой упрощенную конвертированную таблицу Мартина. В ней эксплицитно приведены формы, которые были зафиксированы в ранненовокорейском тексте. Многие из них уже малоупотребимы (**-twota**, **-naita**, **(u)lilwota** и др.) и функционируют только как книжные формы, придавая высказыванию оттенок архаичности. В современном языке существует еще очень большое количество различных показателей, которые не отражены в данной схеме. Для приведения полного списка возможных форм современного языка с указанием их употребительности (архаичности) требуется отдельное исследование. В качестве одной из причин увеличения количества показателей может выступать снятие запрета на взаимосключаемость на употребление в одной словоформе двух показателей одной категории, т.е. в современном языке возможно употребление в одной словоформе нескольких временных аффиксов, например, прош-прош-буд. **-ess-ess-kess-**, двух причастных показателей, например, **-(u)l.nun** и т.д.

Язык постоянно изменяется, и процесс разрушения устоявшейся системы не менее интересен и важен для исследователя, чем результат изменения. Среднекорейский язык представляет собой достаточно устойчивое состояние языка, современный корейский язык тоже можно охарактеризовать как устойчивый, а язык рассмотренного нами памятника XVIII в. - язык переходного периода от среднекорейского к современному состоянию. Подводя итоги нашей работы, мы пришли к выводу, что язык XVIII в. имеет больше черт современного корейского языка, нежели среднекорейского. Результаты анализа показали следующее:

1. Отражение в языке различных отношений членов общества друг к другу с точки зрения их социального статуса является одной из основных отличительных черт корейского языка. Корейский язык различает несколько видов и степеней вежливости. Вежливость по отношению к слушающему (или категория *Ориентации*) выражается в составе форм конечной сказуемости; вежливость (или уничижительность) по отношению к субъекту действия – с помощью специальных аффиксов. Аффикс вежливости *-(o/u)si* сохранился и в современном языке.

Второй аффикс вежливости (аффикс *уничижительности* в традиционных описаниях), понижающий статус субъекта действия, в среднекорейскую эпоху был повествовательной формой. К XVIII в. он начинает приобретать черты современного языка и употребляется не только как повествовательная, но и диалоговая форма. В современном корейском языке аффикс уничижительности обнаруживается в составе окончаний **-p.ni.ta** и **-sup.ni.ta**. Эти же морфемы обнаруживаются и в окончаниях **-wo** и **-swo** (например, **ka-swo** “иду” от **ka-** “идти”, **mek-swo** “ем” от **mek-** “есть”).

В качестве еще одной отличительной особенности новокорейского языка в сравнении с языком Оды хотелось бы выделить тот факт, что в среднекорейскую эпоху эти два показателя вежливости и уничижительности занимали в составе словоформы разные позиции, но уже в тексте XVIII в. они стоят явно на одном месте и совмещение в одной словоформе, о котором упоминают некоторые авторы, уже невозможно. В современном же языке аффиксы вежливости и уничижительности вновь занимают разные позиции в словоформе: гонорифический аффикс **-(u)si-** стоит непосредственно после корня предикатива, а уничижительности **-sup-/up-** – после временных показателей, т.е. можно заключить, что показатели вежливости поменялись местами в составе словоформы.

2. Сущность грамматической категории времени состоит в том, чтобы соотносить прямо или косвенно все действия, выраженные глагольной формой, с каким-то моментом объективного времени. Когда реальная действительность, протекающая в объективном времени, отражается в речи по отношению к ее моменту непосредственно, мы можем с

известной условностью говорить о прямом или абсолютном употреблении времен. Однако не всегда то или иное событие оценивается в речи относительно момента речи. Поэтому особо следует остановиться на тех случаях, когда внутри высказывания временной план второстепенного события перекрещивается с временным планом главного, и время первого определяется его соотношением со временем второго. В этих случаях временные формы лишены прямой связи с моментом речи и отражают объективную действительность в смысле времени косвенно, относительно – по отношению к тому временному плану, который характерен для всего высказывания в целом и определяется временем сказуемого. Эти ситуации будут отражать граммемы таксиса.

Система прошедших времен современного корейского языка представляет собой результат длительного развития от аспектуально-временных форм к чисто временным, которые утратили элемент видового содержания и медленно накапливают элементы расчлененного временного содержания. Тексты XV и XVIII в. иллюстрируют нам этот переход.

Анализ Оды показал, что в языке XV в. временных показателей еще не было. На материале памятника выстраивается следующая система аспектуальных форм, которые в традиционной кореистике описываются как временные:

- te*- - антиперфект;
- ke*- - аорист;
- {H}a/e- - аорист;
- no*- - перфект.

К XVIII в. оформился только один показатель прошедшего времени -{H}as-/es-/yes-, остальные же показатели -*te*- (антиперфект) и -*ke*- (прошедшее завершённое) практически вышли из употребления и вычлняются только этимологически. Среднекорейские аффиксы перфекта -*no*- и антиперфекта -*te*- в исследуемом материале XVIII в. стали выразителями эвиденциальных значений очности и заглазности, соответственно.

К числу особенностей, типичных для языка XVIII в. и чуждых современному состоянию, относится наличие в нем второй формы аффикса прошедшего времени, что можно рассматривать как сохранение следов аналитизма в образовании этой формы.

Значение, близкое к значению будущего времени передавалось в тексте XVIII в. аналитической конструкцией -(o/u)l kes-i-ta. Эту форму отличают также особенности модального характера. На основе этого отличия формы на -(o/u)l kes-i-ta можно трактовать как один из способов реализации эпистемической модальности. Суффикс будущего времени -**kess**-, характерный для современного корейского языка, в рассматриваемых памятниках не употребляется.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что корейский язык к XVIII в. выработал систему временных форм более близкую к современному состоянию языка, чем к средневековому корейскому языку.

3. Формы конечной сказуемости, зафиксированные в романе XVIII в., при сравнении с языком Оды свидетельствуют об эволюции этой системы и ее постепенном приближении к современному состоянию. На переходе от среднекорейского к новокорейскому языку система форм конечной сказуемости значительно расширилась, также изменился и порядок выражения категорий в словоформе. Языку рассматриваемого периода свойственны разрушение старых форм, увеличение числа дифференциальных признаков, различающих формы конечной сказуемости, появление дублирующих форм. Эти изменения в наибольшей степени затронули системы вопросительных форм конечной сказуемости.

Анализ двух текстов показывает также, что произошел переход некоторых показателей из одной грамматической категории в другую (бывшие аспектуальные показатели перфекта *-no-* и антиперфекта *-te-* (прошедшее незавершенное по Холодовичу) эволюционировали в показатели эвиденциального наклонения наклонения (очевидность и заглазность, соответственно), среднекорейский показатель наклонения *-(o/u)ni* в тексте XVIII в. выражает аспектуальное значение и т.д.).

Некоторые ранненовокорейские формы закрепились в современном литературном корейском языке (например, *-ta*, *-(u)nya*, *-(u)la* и др.), некоторые в настоящее время употребляются лишь в книжном языке и придают всему высказыванию оттенок архаичности (например, *-nwota*, *-(u)lilwota*, *-(u)sose* и др.).

4. Нефинитные предикативные формы (деепричастия)- это формы предикатива, сигнализирующие о том, что предикатив выполняет функцию слова, находящегося в зависимости от другого предикатива. В европейских языках два глагола связываются между собой обычно союзами, в корейском же языке, для которого союзы нехарактерны, как и для других алтайских языков, связь одного действия с другим выражается с помощью деепричастий.

Формы деепричастий формируют сказуемое придаточного предложения, выражая различного рода обстоятельственные отношения одного предложения к другому, в одних случаях, и несамостоятельный, незавершенный характер предложения, имеющего деепричастные формы, в других случаях.

Корейский язык очень богат деепричастными формами. Основная трудность в описании системы деепричастных форм состоит в том, что постоянно ощущается

некоторое отклонение в употреблении той или другой формы от того, что подсказывает ее наименование.

Большинство деепричастных окончаний исторически сложилось из сочетания двух или более морфем или морфемы и некогда самостоятельного слова. Среди них можно выделить, например, формы, сложившиеся из сочетания окончания отглагольного имени действия *-(o/u)m* и падежного показателя *-ou*, атрибутивного окончания *-(o/u)n* и служебного имени *i*. В окончании *-ketun* прослеживается суффикс прошедшего времени *-ke-* в сочетании со служебным именем *tu* в форме основного падежа с выделительной частицей *-(nu)n* и т.д. Некоторые деепричастные формы употребляются в ранненовокорейском тексте в таком виде и с тем же значением, в каком они встречаются в письменном памятнике XV в.

Думается, процесс формирования нынешней системы деепричастий в ранненовокорейском языке можно считать уже завершенным.

5. К XVIII в. в языке сложилась система атрибутивных форм (причастий), присущих и современному корейскому языку (*-non*, *-(o/u)n*, *-(o/u)l*). Языку XV в. были свойственны только два вида причастий на *-(o/u)n* и *-(o/u)l*.

В качестве основных функций причастия можно выделить две: как определение к полнозначному имени, либо в сочетании со служебным именем в функции сказуемого дополнительной предикатемы.

6. Отглагольное имя действия (масдар) в памятнике XV в. выражается всего одним окончанием *-{H}(wo/wu)m*.

В исследуемом материале XVIII в. имеются три формы, представленные окончаниями *-(o/u)m*, *-ki*, *-ci*. Масдар имеет двойственную природу, сочетая в себе именные и глагольные признаки.

К глагольным признакам масдара могут быть отнесены значения переходности и непереходности: *ka-m* «идти» - *pwuto-lol hyen-ho-m* «прославить родителей», залог: *tek-ki* «есть» - *tek-i-ki* «кормить».

Именные свойства масдара проявляются в том, что он, подобно существительным, может выступать в предложении в функции подлежащего, дополнения, именной части сказуемого. Исключение составляет лишь форма на *-ci*, падежная парадигма которой представлена только формой основного падежа. Однако это не означает, что другие падежи в этом случае невозможны, вполне вероятно, что они будут обнаружены в ходе дальнейшего изучения памятников, характеризующих язык анализируемой эпохи.

7. Среднекорейский язык, имея достаточно развитую систему аффиксальных показателей аспекта, практически не имел чисто аналитических аспектуальных форм.

Однако уже к XVIII в. категория вида расширилась за счет появления новых аналитических конструкций.

Во всех аналитических конструкциях видовым классификатором является вспомогательный глагол, так как в зависимости от выбора вспомогательного глагола меняется значение всей конструкции. На материале языка памятника XVIII в. мы выделяем две формально выраженные категории способа действия: категорию длежащего действия и категорию завершённого действия. Таким образом, сравнивая данные языка памятника с данными современного корейского языка, можно предположить, что в современном корейском языке произошли определенные изменения в аспектуальной системе, и, прежде всего, количественные (в сторону увеличения).

Одной из особенностей категории аспекта является то, что она присуща и предикативным прилагательным.

8. Определение модальности до сих пор остается одной из самых спорных и широко дискутируемых тем современного языкознания. Как справедливо отмечает один из исследователей, «пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности»¹²⁶. Полемика вокруг понятия модальности во многом возникала именно из-за того, что разные лингвистические теории считали главным то «оценочный», то «ирреальный» компонент в составе модальности; между тем, отказаться от одного из них в пользу другого без существенного сужения понятия модальности по сравнению с общепринятым, по-видимому, нельзя – поэтому остается считать модальность «двухполюсной» зоной.

В качестве одной из особенностей корейского языка следует отметить, что в нем морфолого-синтаксический способ выражения модальности является наиболее распространенным, в отличие от русского, где модальность выражается в основном при помощи лексических средств. В корейском же языке, даже в тех случаях, когда для выражения модальности используется специальная лексика, ее функция заключается чаще всего только в смысловом акцентировании, подчеркивании модальной характеристики.

В ранненовокорейском языке мы выделяем семь формально выраженных значений категории модальности: желания, намерения, возможности, долженствования, видимости и подобия, испытательности и направленности действия. Таким образом, сравнивая данные ранненовокорейского языка с данными современного корейского языка, можно предположить, что по набору модальных значений эта категория близка к современной,

---

¹²⁶ Панфилов В.В. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения// Вопросы языкознания. М.1977.№4. С.37

которая, однако, за последние два века своей истории несколько расширила способы выражения вышеперечисленных значений.

9. Залоговое значение в языке памятника XV в. выражалось синтетическим способом – с помощью аффиксов. Язык XVIII в. также сохранил этот способ передачи различных залоговых значений; данные аффиксы существуют и в современном корейском языке, но являются непродуктивными, хотя встречаются в довольно большом количестве производных корней, образуя новые формы с тем же значением, что и языке памятников.

Для корейского языка характерна полисемия показателей пассива и каузатива, по своим синтаксическим функциям, казалось, противоположных, т.е. одни и те же залоговые суффиксы в языке служат для выражения разных значений: при одних корнях они дают только каузативное значение, а при других – только пассивное, а при некоторых корнях залоговые показатели могли выражать одновременно как каузативное, так и пассивное значение. Об этом свидетельствуют примеры из памятника XV в. и современный языковой материал. Таким образом, как это характерно и для пассива современного корейского языка, специальные показатели каузатива или пассива в рассматриваемый период отсутствуют, наличие суффикса не несет себе информацию о характере действия, его присутствие сигнализирует только о том, что сменилась диатеза, но какая именно, с полной уверенностью сказать трудно.

Язык романа XVIII в., в отличие от языка Оды, имел и аналитический способ передачи залоговых значений, однако, он не имеет широкого распространения в языке романа. Как и в современном языке, для выражения каузативного значения здесь используется конструкция, состоящая из деепричастия образа действия и служебного глагола *ho-*. Пассивное значение выражается конструкцией, характерной для современного корейского языка: «деепричастие образа действия на *-key* + служебный глагол *toy-*(современный глагол *twe-*)».

10. Основными способами передачи отрицания в корейском языке являются аналитические конструкции. Если среднекорейский язык знал только препозиционный способ, то уже в ранненовокорейском тексте присутствуют как препозиционный, так и постпозиционный способ оформления отрицания. Таким образом, можно заключить, что к XVIII в. в языке уже сложилась категория отрицания, характерная для современного языка.

Таковы некоторые важнейшие признаки грамматических форм предикатива языка памятника XVIII в., описанные в сравнении с формами, зафиксированными на материале Оды – литературного памятника XV в., и современного состояния. Проведенное

исследование позволяет с уверенностью сказать, что язык этого периода уже значительно отличается от языка первых письменных памятников и сближается с современным корейским языком. Общий характер развития грамматического строя корейского языка можно определить как взаимовлияние двух тенденций: унификация окончаний и прекращение действия закона гармонии гласных, что выразилось в потере вариативности многих показателей.

Наши наблюдения не являются исчерпывающими, скорее, наоборот, это весьма скромные попытки представить подобные явления как таковые, чтобы заинтересовать исследователей и продолжить работу по сбору и описанию этих, на наш взгляд, интересных явлений.

Настоящая работа освещает только один из возможных аспектов рассмотрения языка отдельного памятника. В дальнейшем представляется возможным описание не только грамматических категорий предикатива, но и морфологии имени, а также фонетики языка памятников.

Мы надеемся, что данная работа поможет осветить определенный этап развития корейского языка, и наше изучение грамматики средневекового корейского языка продолжится уже на более широкой основе, с привлечением других памятников корейской письменности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисова Т.Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума. // Вопросы языкознания, №1, 1971. С.54.
2. Большой корейско-русский словарь в двух томах. Под ред. Л.Б.Никольского и Цой Ден Ху. М.: Русский язык, 1976.
3. Большой словарь китайских имен. Шанхай, 1921.
4. *Васильев А.Г.* Выражение общего и частного вопроса в старокорейском языке // Востоковедение, вып. 24, №8, ЛГУ, Л., 1981, с. 35-39.
5. *Васильев А.Г.* Корейский язык (общие сведения). // Квантитативная типология языков Азии и Африки. ЛГУ, Л., 1982. С. 175-189.
6. *Верхоляк В.В.* Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в. : На материале "Пак тхоньса онхэ" : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22, Ленинградский ун-т. Л., 1989
7. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963. С.60-94.
8. *Гусева Е.К.* Система видов в современном корейском языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
9. *Дмитриева В.Н.* Об образовании и употреблении залогов в корейском языке. // Корейский язык. М., 1961. С.94-113.
10. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
11. *Качевич В.Б., Яхонтов С.Е.* Типологическое изучение языков и место в нем квантитативной типологии. // Квантитативная типология языков Азии и Африки. ЛГУ., Л., 1982. С.8-44.
12. *Кибрик А.Е.,* Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // ВЯ, №4, 27-57.
13. *Ким Ф.З.* Возникновение и исчезновение некоторых звуков в корейском языке. // Корейский язык. М., 1961. С.7-29
14. *Мазур Ю.Н.* Грамматика корейского языка (Морфология, словообразование). Теоретический курс. Изд. подготовлено Л.Р. Концевичем при участии Мун Хесук. М.: Муравей: Вост. лит., 2004.
15. *Мазур Ю.Н.* Корейский язык. Л.: Изд-во восточной литературы, 1960.
16. *Мальков Ф.В.* Сходство и различие предикативных прилагательных и глаголов в корейском языке. // Корейский язык. М., 1961. С. 149-183.
17. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Том. 2. (Часть вторая: Морфологические значения). М.: ЯПК; Вена: WSA.1998.

18. *Никольский Л.Б.* Из истории становления национального литературного языка в Корее // Проблемы востоковедения. №6.М., 1960. С. 57-69.
19. *Никольский Л.Б.* Нормирование национального литературного языка в Корее // Современные литературные языки стран Азии. М.: Наука, 1965.
20. *Никольский Л.Б.* Служебные слова в корейском языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
21. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М. –Л., 1956.
22. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
23. *Рамстедт Г.* Грамматика корейского языка. Перевод с немецкого и примеч. *А.А. Холодовича*. М., 1951.
24. *Рачков Г.Е.* Времена деепричастий 1 и 2 групп в современном корейском языке// Вопросы корейского и китайского языкознания. Л., 1958. С. 40-98.
25. *Рачков Г.Е.* Категория времени глагола в современном корейском языке. Дисс...канди. филол.наук. Л., 1963.
26. *Сухинин В.Е.* Корея// Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика. М., Наука, 1986.
27. *Ссяньчхон кыйбонъ* (Удивительное соединение двух браслетов). Издание , перевод и предисловие *М.И. Никитиной и А.Ф. Троцевич*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.(Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. XV). 78 с., 124 с. факс.
28. *Холодович А.А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
29. *Холодович А.А.* Грамматика корейского языка. Ч.1. Морфология. М., 1937.
30. *Холодович А.А.* Грамматика корейского языка XV в (по материалам Оды). М.: Наука, 1986.
31. *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
32. *Cho Seung-bog.* A phonological study of Korean with historical analisis. Uppsala, 1967.
33. *Courant Maurice.* Bibliographie Coréenne. Paris, 1894.
34. *Guentcheva Z.* (ed). L'enonciation mediatisee. Louvain: Peeters.1996.
35. *Kontsevich L.R.* Some Problems of Periodisation of Korean Linguistics History (from ancient times until the 1950's) // *Концевич Л.Р.* Корееведение избранные работы. М., 2001.
36. *Lee Chungmin.* Temporal Expressions in Korean, in Verschueren and Bertucelli-Papi (ets) *The Pragmatic Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics*, John Benjamins 435-453.
37. *Lee Ki-moon.* Geschichte der Koreanischen Sprache. Wiesbaden, 1977.

38. *Martin S.E.* A Reference Grammar of Korean. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan. 1992.
39. *Skillend W.E.* A Survey of Korean Traditional Style Popular Novels. London, 1968.
40. *Ан Бйёнъхи, И Гванъхо.* Чунъсе кугё мунпёмнон (*Ан Бёнхи, Ли Гванхо.* Теория грамматики средневекового корейского языка). Сеул, 1990.
41. *И Гуган.* Сибо сеги кугё-ый санътхэ чисоксанъ-гва кы пйёнчхин (*Ли Гуган.* Способ обозначения длящегося состояния в корейском языке XV в. и его дальнейшая судьба)// Хангыл. Хангыл хакхве, 1981.
42. *И Гимун.* XVI сеги кугё йёнгу (*Ли Гимун.* Историческое исследование корейского языка XVI в). Сеул, 1978.
43. *И Йунчжин, Но Чжини.* Хангугё кйойук-э-сё-ый йанътхе пхйохйён йёнгу – чхучхык-ква ыйчжи-рыр чунъсим-ыро (*Ли Юнчжин, Но Чжини.* Выражение модальных значений в корейском языке) // Хангугё кйойук (Журнал «Обучение корейскому языку») 14-1, 173-209.
44. *И Сонъиль.* Мунпёп чхеге саджёк йёнгу (*Ли Сониль.* Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сеул, 1973.
45. *И Сунънийён.* Кочжён мунпёп (*Ли Суннён.* Грамматика коассического корейского языка). Сёул, 1961.
46. *И Сунънийён.* Чунъсеё кугё мунпёп (*Ли Суннён.* Грамматика средневекового корейского языка). Ёйрю мунхваса, Сёул, 1961.
47. *И Сунънийён.* Кукё мунпёп чхеге-ый сачжёк йёнгу (*Ли Суннён.* Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Илччогак, Сёул, 1973.
48. *И Хонъчжик.* Кукса тэсачжён (*Ли Хонджик.* Большой исторический словарь). Сёул, 1981. 1 квон.
49. *Йёкса сачжон* (Исторический словарь). Пхйёнъянь, 1971.
50. *Йём Чжонънюл, Ким Йёнъхванъ.* Чосён ёмунхак кочжён канъдок (*Ём Джоннюль, Ким Ёнхван.* Хрестоматия по классической корейской литературе). Кодынъ кёюк тосё чхулпханса, Пхйёнъянь, 1964.
51. *Йём Чжонънюл.* Чосёнё мунпёпса (*Ём Джоннюль.* Историческая грамматика корейского языка). Ким Илсёнъ чонъхаптэхак сачжён чхулпханса, Пхйёнъянь, 1980.
52. *Канъ Синханъ.* Сасёнъ тхонъхэ йёнгу (*Канн Синхан.* Исследование рифмического словаря «Общее толкование четырех тонов»). Санаса, Сёул, 1980.
53. *Ким Бйёнъдже.* Чосёнёхак са (*Ким Бёндже.* История корейского языкознания). Квахак пэкква сачжён чхулпханса, Пхйёнъянь, 1989.
54. *Ким Йёнхванъ.* Чосёнё сарё канъдок (*Ким Ёнхван.* Хрестоматия по корейскому языку). Ким Илсёнъ чонъхаптэхак чхулпханса, Пхйёнъянь, 1978.

55. *Ким Ёнхвань*. Чосён минчжогё паллчён йёкса йёngu (*Ким Ёнхван*. Исследование по истории развития корейского национального языка). Квахак пэкква сачжён чхулпханса, Пхйёнъянь, 1980.
56. *Ким Минсу*. Син кукёхак са (*Ким Минсу*. История нового корейского языкознания). Сёул, 1989.
57. *Ким Сёктык*. Хангугё йёngуса (*Ким Соктык*. История изучения корейского языка). Сёул, 1975.
58. *Ким Тхэчжун*, История корейской повествовательной литературы. Сеул, 1939.
59. *Ким Чжонъо*. Коё рйехэ (*Ким Джоно*. Материалы по старокорейскому языку) // Чосёно йёngu. Чосён ёмун йёngухве, Пхйёнъянь, 1949.
60. *Ким Чёнъгю*. Кукёса (*Ким Чонгю*. История корейского языка). Пэгйёнъса, Сёул, 1957.
61. *Ким Чёнъгю*. Кукёса йёngu (*Ким Чонгю*. Исследование по истории корейского языка). Илччогак, Сёул, 1962.
62. *Ким Юнгйёнъ*. Хангуг мунчча кып ёхакса (*Ким Юнгён*. История корейской письменности и языка). Тонъгук мунхваса, Сёул, 1954.
63. *Ко Ёнъгын*. Пхёджун чунъсе кугё мунпёмнон. (*Ко Ёнгын*. Грамматика литературного средневекового корейского языка). Сёул, 1997.
64. Кугёхак чарё сёнчжип (Материалы по корейскому языкознанию), III. Кугё хакхве, Илччогак, Сёул, 1975.
65. *Нам Гванъу*. Коё саджён (*Нам Гвану*. Словарь среднекорейского языка). Сеул, 2000.
66. *Нам Гванъу*. Кугёхак йёngu (*Нам Гвану*. Исследование по корейскому языкознанию). Ибан чхулпханса, Сёул, 1980.
67. *Пак Тхэгвон*. Пёнйёк ногёлтэ-ый мурымппёб-е тэхайё (*Пак Тхэгвон*. О вопросительных формах «Переведенного *Ногольтэ*») // Хангыл. Сёул, 1981, пхечжи 455-482.
68. *Пхёчжунё сачжён* (Словарь литературного языка). Сёул, 1960.
69. *Сё Чжёнъсу*. Кугё мунпёп (*Со Чжонсу*. Грамматика корейского языка). Сёул: Ханьянь тэхаккйо чхулпханвон. 1996.
70. *Сунъ Кай-ди*, Сводный каталог китайской художественной прозы. Пекин. 1958.
71. *Ха Чхичжсин*. Чосёно ситхэ-е тэхан йёксачжёк кочхал (*Ха Чхичжсин*. Историческое исследование видо-временной категории в корейском языке). – Чосёно йёngu-есёый мйёт качжи мунчже. Пхйёнъянь, 1964.
72. Хангук коинсвэ чарё торок (Материалы по книгопечатанью в древней Корее). Илччогак, Сёул, 1974.

73. Хангук мунхваса тэге (История корейской литературы), V. Корйё тэхаккё минчжок мунхва йёнгу, Сёул, 1971.
74. Хван Буйёнъ. Сибо сеги чосёнё чончинъ пёмчжу-ый йёнгу (Хван Буён. Исследование категории вежливости в корейском языке XV в.). Квахагвён чхулпханса, Пхйёнъянь, 1959.
75. Хё Унь. Кугё ттэмэкимпёп-ый пйёнчхёнса (Хо Ун. Историческое исследование грамматической системы корейского языка). Сёул, 1987.
76. Хё Унь. Сипку сеги кугё ттэ мэгимпёп йёнгу (Хо Ун. Исследование категории времени в корейском языке XIX в.) // Хангыл, № 177, 1982.
77. Хё Унь, Пак Чихонъ. Кугё кунъмунхак сачжён (Хо Ун, Пак Чихон. Литературоведческий словарь). Илччиса, Сёул, 1978.
78. Хё Унь. Ури малбон (Хо Ун. Корейский язык). Сэммунхваса, Сёул, 1981.
79. Хонъ Гимун. Иду йёнгу (Хон Гимун, Изучение иду). Пхйёнъянь, 1957.
80. Хонъ Гимун. Чосёнё йёкса мунпёп (Хон Гимун. Историческая грамматика корейского языка). Пхйёнъянь, 1966.
81. Чжён Хйейёнъ. Хангугё конъсонхйёсанъ-ква –**kyess**-ый хвайонъ-нон (Чжон Хеён. К вопросу о прагматике суффикса –**kyess**- и феномене вежливости в корейском языке)/ Кугёхак («Корейский лингвистический журнал»), № 26, пхэйджи 125-146.
82. Чён Чэхва. Туси ёнхэ-ый кугёхакчёк йёнгу (Чон Чэхва. Лингвистическое исследование «Туси онхэ»). Тхонъмунгван, Сеул, 1973.
83. Чосёнё сёчжихак кэгван (Обзор письменных памятников корейского языка). Кунънип чхулпханса, Пхйёнъянь, 1955.
84. Чхве Хйёнбэ. Хангылгал (Чхве Хёнбэ, Изучение корейской письменности). Чёнъымса, Кйёнъсёнъ, 1942.
85. Чхве Чжёнъху. Чосёнё хаккэрон (Чхве Джонху. Очерк грамматики корейского языка). Квахак пэкква сачжён чхулпханса, Пхйёнъянь, 1983.
86. Ю Чханъгюн. Син когугё хакса (Ю Чхангюн. Современные исследования в области истории корейского языка). Тэгу, 1977.
87. Ю Чханъдон. Ичжо кугёса (Ю Чхандон. Исследование по истории корейского языка периода правления династии Ли). Ибан чхулпханса, Сёул, 1980.
88. Ю Чханъдон. Ичжо-ё сачжён (Ю Чханъдон. Словарь языка династии Ли). Сёул: Йёнсэ тэхаккё хчулпханбу. 1964.
89. Ю Чханъчун. Лиджой саджён (Ю Чханъчун. Словарь языка периода династии Ли). Сеул, 1990.
90. Маэма Кёсаку. Рю:ка кого: сэн. Токио, 1924.

91. *Маэма Кёсаку*. Ко:сэн сацуфу (*Маэма Кёсаку*. Каталог старых корейских книг). То:ё:
бунко. Токё, 1956.
92. *Огура Симпэй*. Тё:сэнго гакуси (*Огура Симпэй*. История корейского языкознания).
Кабусики кайся то:ко сё:ин, Токё, 1964.

Список условных сокращений, использованных в работе:

NOM – Именительный падеж

GEN – Родительный падеж

ACC – Винительный падеж

ISTR – Творительный падеж

DAT – Дательный падеж

LOK – Местный падеж

TOP – Выделительная частица (топикальный показатель)

ВЕЖ – Аффикс вежливости

УНИЧ – Аффикс уничижительности

ВР – Временные показатели

ДЕЕП – Деепричастие

ПРИЧ – Причастие

КС – Окончание конечной сказуемости

НОМ – Инфинитив (номинализатор)

ОТР – Недостаточный инфинитив, использующийся в отрицательных конструкциях

ПРК – Производный корень (залоговый показатель)

СИ – Служебное имя

СГ – Служебный глагол